Академия наук СССР
Институт археологии

Керамика и стекло древней Тмутаракани

172840

Государственный педагогический
библиотека

Издательство
Академии наук СССР
Москва · 1963

12.6
36

Ответственный редактор
академик *Б. А. РЫБАКОВ*

№ 9907

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древняя Тмутаракань, самый южный из древнерусских городов, всегда привлекала внимание своей романтикой. Имя города, отрезанного от остальных русских земель, давно забылось и историки XVIII в. искали город где-то между Черниговом и Рязанью.

Находка знаменитого Тмутараканского камня 1068 г. с записью о том, что «Глеб князь мерил море от Тмутороканя до Корчева — 14 000 саженей», окончательно утвердила тождество Тмутаракани и современной Тамани, находящейся в 14 000 саженей от Керчи — Корчева.

Позднее было определено и античное имя города — Гермонасса.

Несмотря на скудость источников, истории Тмутаракани посвящена значительная литература. В средние века этот морской порт с удобной гаванью выдвинулся на одно из первых мест среди портовых городов Причерноморья наряду с таким крупным центром, как Трапезунд.

Население города было очень пестрым. Судя по историческим данным и по эпиграфике Тмутаракани, здесь жили предки адыгейцев, касоги, греки, хазары, аланы, русские, армяне.

По предположению А. Н. Насонова, Тмутаракань вошла в состав Руси около 944 г. и более прочно была освоена в 960-е годы после разгрома Святославом Хазарии.

Но на протяжении всей своей исторической жизни Тмутаракань сохраняла разноплеменность своего населения.

По всей вероятности, Тмутаракань была разгромлена войсками Чингисхана в 1223 г. В XV—XVIII вв. хозяевами города являлись турки. Систематические археологические работы на Таманском городище были начаты в 1930 г. А. А. Миллером и затем продолжены в

1952—1955 гг. Б. А. Рыбаковым. В работах этих лет принимал участие целый ряд сотрудников (в 1930 г.— М. И. Артамонов, А. А. Иессен, И. И. Ляпушкин и др.; в 1952—1955 гг.— С. А. Плетнева, И. Б. Зеест, Н. И. Сокольский, Н. П. Сорокина, Н. В. Анфимов, А. К. Коровина, Т. И. Макарова, В. В. Кропоткин, А. В. Никитин, Л. В. Алексеев, В. П. Левашева и др.).

Городище сильно разрушено, во-первых, морем, подбивающим северный берег, а во-вторых, постройкой в центре городища в 1787 г. А. В. Суворовым небольшой фортеции, все основные элементы которой были насыпаны из культурного слоя. Кроме того, местные жители долгое время добывали камень из древних сооружений городища, выкапывая его иногда с очень большой глубины, пользуясь весенним размягчением почвы. Работы подводной экспедиции под руководством В. Д. Блаватского определили северную границу древнего города, находящуюся в настоящее время под водой.

Археологически изучались слои от VI в. до н. э. и до конца XVIII в. В процессе раскопок найдено много жилых и производственных сооружений, улиц и переулков, сырцовая крепостная стена X в., общественные здания хазарского времени, церковь середины X в. и известная по летописи церковь 1023 г., построенная князем Мстиславом Тмутараканским.

Все эти материалы войдут в следующий том публикаций Таманской экспедиции 1952—1955 гг. В данной книге содержится преимущественно средневековый массовый материал: керамика, стеклянные изделия и византийские монеты.

Б. А. Рыбаков

С. А. Плетнева

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КЕРАМИКА ТАМАНСКОГО ГОРОДИЩА

Среди культурных остатков средневековых слоев Таманского городища преобладают обломки разнообразнейшей керамики — от самых простых лепных кухонных горшков, изготовленных жителями древнего города, до великолепной парадной столовой посуды, сделанной искусными местными и византийскими ремесленниками.

Изучение этого массового и неоднородного материала усложняется тем, что жизнь на Таманском поселении длилась более двух тысячелетий (VI в. до н. э.— XV в. н. э.). За этот период на месте поселения вырос мощный культурный слой, в некоторых местах достигший 15 м толщины. Систематически, в течение тысячелетий, этот слой перекапывался хозяйственными ямами и погребами, использовался для сооружения сырцовых стен домов, которые после гибели зданий размывались, перекрывая новые слои, затем опять перекапывались и нивелировались жителями при многочисленных постройках и перепланировках города как в античную, так и в средневековую эпоху. Все это, несомненно, не могло способствовать созданию четкой стратиграфии поселения. Тем не менее оказалось возможным проследить общие этапы развития города, поскольку самый сильный перекоп мог нарушить слой не глубже, чем на 2 м. К тому же разрушенный в одном месте слой сохранялся в других местах и потому в целом его можно обычно проследить на всей площади древнего города. Только при нивелировках больших участков, особенно в позднее время (XVII—XVIII вв.), уничтожались слои нескольких веков. Так, при перестройке поселения в береговую крепость по приказу А. В. Суворова были сняты верхние пласты в нескольких местах в восточной части городища до слоя середины XI в., а на отдельных участках в центре даже до слоя IV в.

Основным материалом для хронологического определения слоев является керамика. Именно поэтому изучение ее на данном памятнике приобретает особенно важное значение. Глубина залегания сосудов того или иного типа позволяет в то же время проверить и уточнить многие еще неясные датировки.

В настоящей работе представлен почти весь средневековый керамический материал, полученный в раскопках Б. А. Рыбакова за 1952—1955 гг., который мы исследовали с точки зрения стратиграфии, хронологии и этнической принадлежности [1].

Интерес к Таманскому городищу как историческому памятнику возник в начале XIX в. С 1824 г. кладоискатели и ученые, начиная с казака Тарапенко и кончая знаменитым востоковедом В. Г. Тизенгаузеном, интересовались недрами древнего города. Однако исключительно бедный состав находок, ограничивающийся в основном пудами керамических обломков, потушил вспыхнувшее было любопытство любителей и дилетантов [2].

Серьезное исследование городища было начато в 1930 г. экспедицией А. А. Миллера, заложившей раскоп на северном краю поселения (на берегу моря) с целью выяснить средневековую стратиграфию городища [3]. Было доказано, что на исследованном участке средневековый слой датируется IV—XIII вв.

Подробное изучение керамики было проведено И. И. Ляпушкиным [4]. Он делит материал на два периода: хазарский и русский. К хазарскому периоду относятся, по его мнению, кухонная и парадная посуда салтовских типов и синхронная с ними тарная керамика (кувшины и амфоры). Следующий, поздний слой (русский период), характеризуется обломками роменской керамики, поливной посудой и амфорами, типичными для времени XI—XIII вв. Как требовала разрабатываемая тема (славяне на Тамани), И. И. Ляпушкин, естественно, обратил особенное внимание на материалы VIII—IX вв. Работа совершенно не освещает керамику IV—VII вв. и характерную лепную и круговую посуду XI—XIII вв. местных типов. Впрочем, указанные недостатки в статье И. И. Ляпушкина объясняются в значительной степени тем, что вскрытая экспедицией площадь городища была очень невелика.

Большие работы, проведенные на различных участках городища Таманской экспедицией 1952—1955 гг., позволили по-новому рассмотреть эту тему.

Раскопы были заложены на западном и юго-западном краях городища для исследования городской стены и прилегающих к ней сооружений, в центральной части, у северного обрыва и на восточном краю городища (рис. 1). Кроме того, в северо-восточном углу был заложен

---

[1] Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность начальнику экспедиции Б. А. Рыбакову за разрешение опубликовать все керамические материалы, полученные в его раскопках.

[2] О результатах исследований см. К. К. Герц. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове.— Древности, т. VI, вып. 2, М., 1876.

[3] А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК.— Сообщения ГАИМК, 1931, № 1.

[4] И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани.— МИА, № 6, 1941.

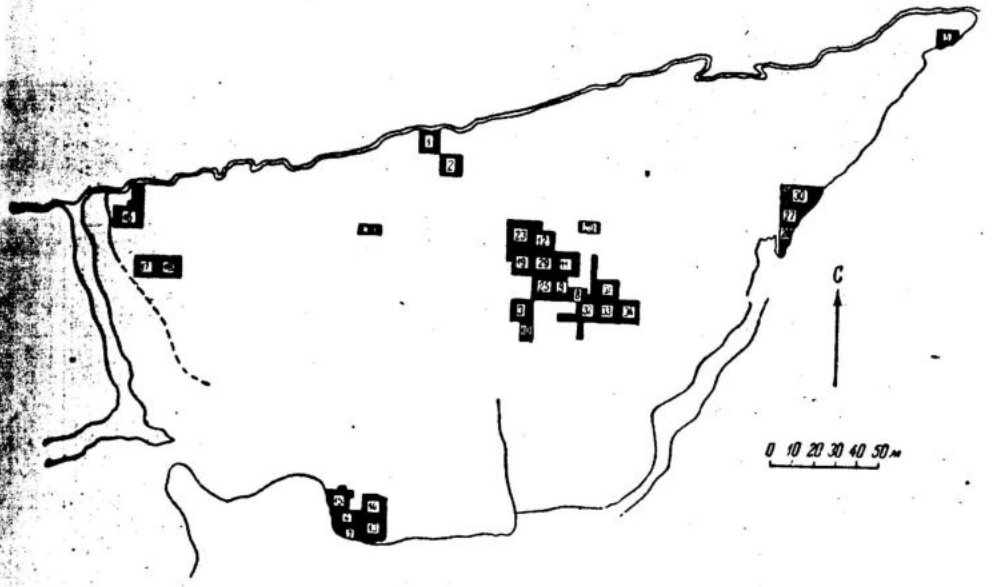


Рис. 1. Схематический план Таманского городища (цифрами обозначены номера раскопов 1952—1955 гг.)

специальный стратиграфический раскоп V. Как уже говорилось, на каждом исследованном участке слои располагались по вертикали по-разному. Так, например, на восточном участке слой середины XI в. начинался на поверхности, на юго-западе городища — на глубине 3 м, а в центре — на глубине около 1,5 м. Соотношение глубин и веков представлено на двух таблицах, составленных еще во время полевой работы на городище в результате ознакомления со всем обнаруженным в раскопах материалом (керамикой, стеклянными браслетами, монетами) (рис. 2, 3). Дальнейший анализ материалов, в частности работа над керамикой, подтвердил наши предварительные датировки (рис. 3).

Анализ обширного и удивительно разнообразного керамического материала Таманского городища дает возможность создать своеобразные хронологические эталоны для материалов, добытых при исследовании памятников всего Юго-Востока (Крыма, Подонья, Таманского полуострова, Прикубанья). В то же время керамические типы, уже выделенные и датированные ранее на других памятниках (например, амфоры, сосуды салтовских типов и некоторые другие), позволили уточнить даты различных слоев на городище. Однако раскопки на Таманском городище дали такое большое количество новых форм посуды, что

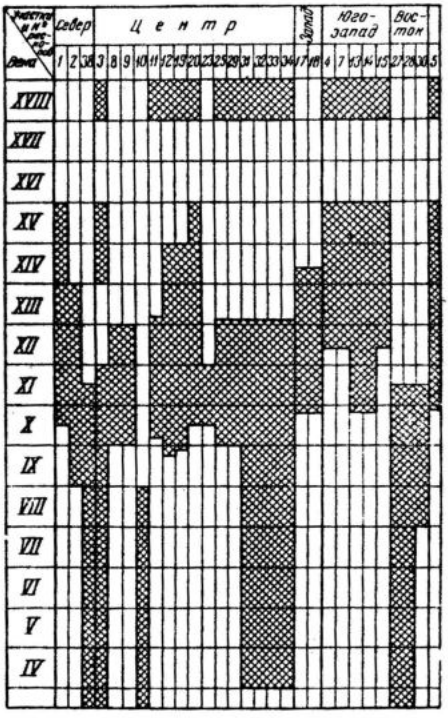


Рис. 2. Таблица глубин раскопов 1952—1955 гг. (штриховкой показана раскопанная и изученная часть культурного слоя на различных участках)

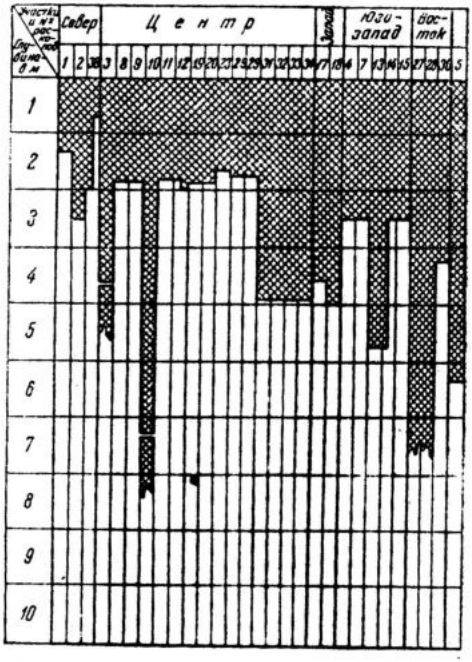


Рис. 3. Сводная хронологическая таблица раскопов 1952—1955 гг. (штриховкой показаны датированные находками слои на различных участках городища)

прежде чем перейти к общим вопросам, связанным с развитием керамического ремесла на Тамани, с торговлей и с этническим составом средневекового города на протяжении почти полутора тысяч лет, мы должны обратить особенное внимание на типологическую систематизацию средневековой керамики городища.

* * *

В типологию входит весь имеющийся в нашем распоряжении материал, кроме поливной посуды [5]. Следует также оговориться, что типология средневековых амфор, разработанная А. Л. Якобсоном, не повто-

[5] См. ниже статью Т. И. Макаровой «Поливная керамика Таманского городища».

ряется в нашей работе[6]. К ней даются только некоторые дополнения, вытекающие из результатов петрографического анализа глин (амфорного теста).

Единые принципы типологии керамики еще совершенно не разработаны в археологической литературе. Каждый исследователь, занимающийся керамикой, подходит к материалу, над которым он работает, с выработанными им определениями. До сих пор археологи-керамисты работали или над каким-либо определенным разделом посуды (лепной, краснолаковой, амфорами и т. д.), или над разными отделами керамики, распространенными в какой-то сравнительно узкий промежуток времени (до 200 лет)[7]. Наша задача заключается в том, чтобы исследовать разнообразную керамику, бытовавшую на Таманском городище в течение 1000 с лишним лет. Поэтому естественно, что при классификации материала мы не можем ограничиться разделением сосудов по какому-то одному признаку, а вводим значительно более дробную типологию, используя при этом самые разнохарактерные признаки (вплоть до предполагаемой этнической принадлежности сосудов). Все работавшие с керамикой археологи сходятся на том, что наиболее важным признаком деления материала на большие общие группы является способ употребления сосудов.

Средневековая таманская керамика разделена нами по способу употребления на четыре группы: I — кухонная посуда; II — парадная или столовая (сюда входит и поливная посуда); III — тарная керамика; IV — сосуды специального назначения (светильники, игрушки и др.).

I. КУХОННАЯ ПОСУДА

Кухонная посуда является наиболее характерной керамикой на всех средневековых поселениях. В рассматриваемый нами период (примерно от IV до XIV—XV вв.) в древней Таматархе-Тмутаракани пользовались в зависимости от эпохи в той или иной степени и лепной и круговой посудой. По этому признаку кухонная керамика Таманского городища разделена нами на два отдела: лепную и круговую.

---

[6] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья.— СА, XV, 1951.

[7] См. И. Т. Кругликова. Фанагорийская местная керамика из грубой глины.— МИА, № 19, 1951; Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки.— МИА, № 25, 1952; ее же. Лепная керамика Илурата.— МИА, № 85, 1958; Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг.— МИА, № 25, 1952; Г. М. Ахмедов. Неполивная керамика Орен-кала IX—XIII вв.— МИА, № 67, 1959; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона.— МИА, № 62, 1958; Б. А. Шрамко. Кераміка салтівської культури.— Труды історичного факультету Харківського державного університету, т. 7, Харьків, 1959; С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи.— МИА, № 62, 1958.

Лепная кухонная керамика

Тип А. Горшки с яйцевидным туловом, слабо профилированным венчиком, без орнамента (рис. 4, 5). Глиняное тесто, из которого изготовлены горшки, рыхлое с примесью морского песка, с белыми хлопьями дробленых ракушек. Обжиг обычно неровный, очажный: поверхности желтовато-серые, излом черный или темно-серый. Поверхность заглажена мокрой рукой или реже — травой, от которой на глине остались мелкие беспорядочно расположенные бороздки. Несмотря на то, что при раскопках на Таманском городище целые сосуды встречались в виде редчайших исключений, мы все же смогли частично восстановить и измерить около десяти лепных горшков этого типа. В результате измерений удалось установить соотношения диаметра венчика с наиболее широкой частью горшка: $d_1 : d_2 = 1 : 1{,}2—1{,}3$ и, что особенно важно, соотношение высоты горшка с расстоянием от края венчика до линии, пересекающей наиболее расширенную часть горшка: $h_1 : h_2 = 1 : 0{,}4$. Полученные пропорции позволяют нам полностью восстанавливать горшки почти по каждому более или менее крупному обломку венчика. Впрочем, изредка встречаются отклонения от общего правила, а именно: $d_1 : d_2 = 1 : 1$ или $h_1 : h_2 = 1 : 0{,}5$. Кроме того, следует отметить, что степень отогнутости венчиков не всегда одинакова: иногда они почти вертикальные, иногда резко изогнутые, но в целом угол отогнутости венчика равен 25—35°.

Как показала стратиграфия Таманского городища, обломки горшков типа А пронизывают весь средневековый слой от IV до XIII в. включительно (рис. 6) [8]. Количественное соотношение их на разных глубинах, в разновременных слоях, естественно, различное. Они являются преобладающей формой кухонной керамики до VIII в., в слоях VIII—X вв. лепные горшки — редкая находка, после X в. они опять начинают изготовляться, однако количество их постепенно уменьшается, и к XIV в. они исчезают из домашнего обихода жителей Тмутаракани.

Аналогии горшкам типа А известны на многих средневековых памятниках юго-востока Восточной Европы [9]. Известны они и в слоях предшествующей эпохи, датирующихся первыми веками н. э., как на самом Таманском городище, так и на других боспорских городищах: Мирмекии, Тиритаке, Фанагории, Танаисе [10].

---

[8] Таблица распространения горшков типа А в слоях Таманского городища составлена по данным описей и частично полевых дневников для каждого участка в отдельности, чтобы читатель мог сам судить о степени достоверности выводов и датировок.

[9] И. Т. Кругликова. Погребение IV—V вв. н. э. в дер. Айвазовское.— СА, 1957, № 1, рис. 1, 4.

[10] Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки, рис. 46; И. Т. Кругликова. Фанагорийская местная керамика..., рис. 5, 6, 7. За консультацию относительно лепной керамики Танаиса в первых веках н. э. приношу глубокую благодарность Т. М. Арсеньевой.

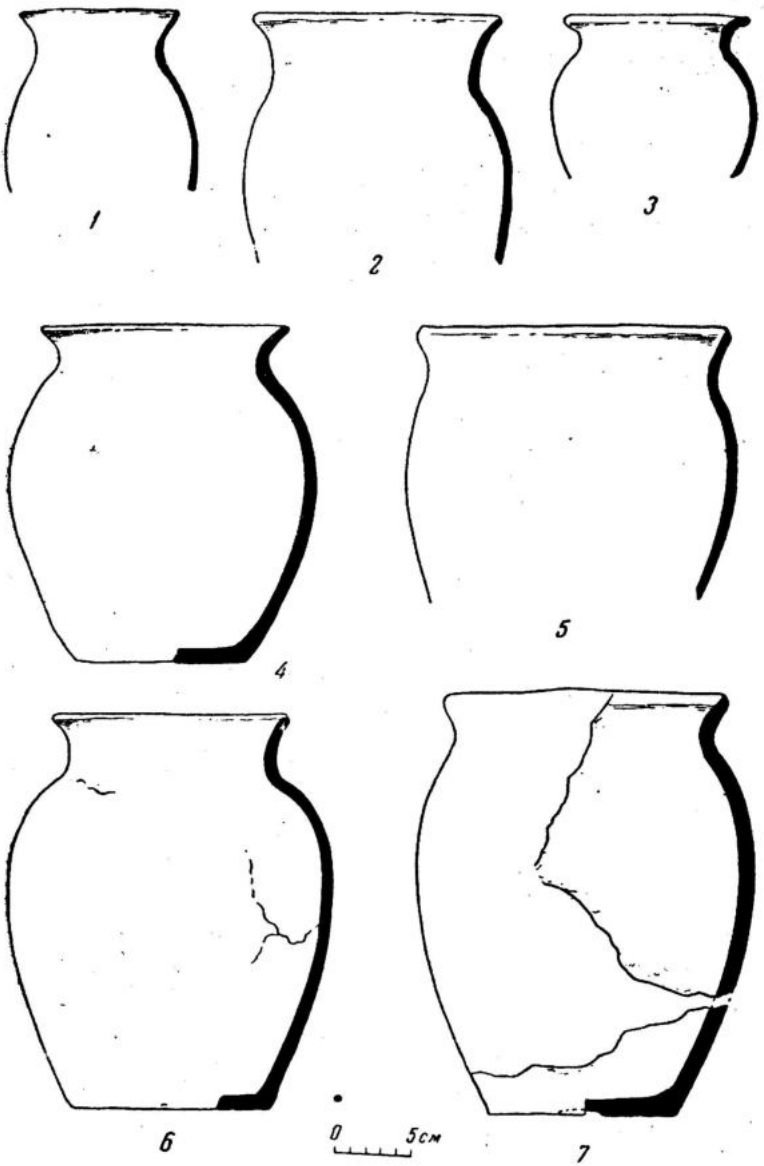


Рис. 4. Лепные горшки без орнамента (тип А)

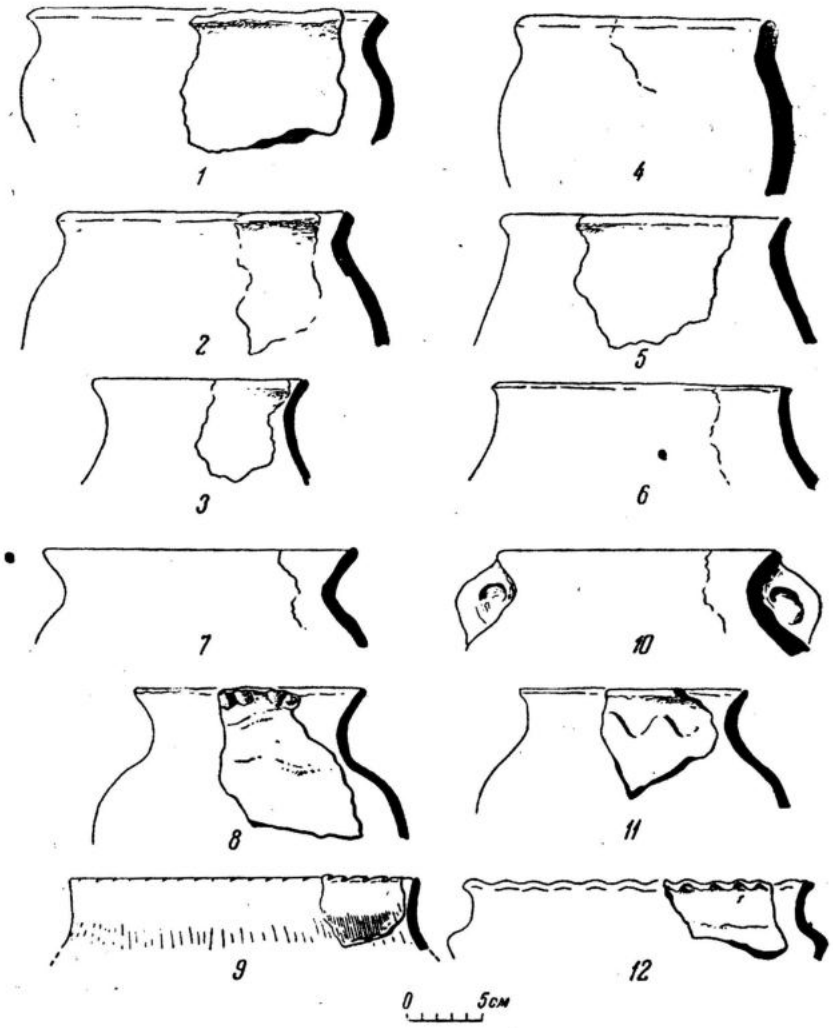


Рис. 5. Лепные горшки (тип А)

1—7 — без орнамента; *8, 9, 11, 12* — с орнаментом по плечикам и венчику; *10* — с ручками налепами на плечиках

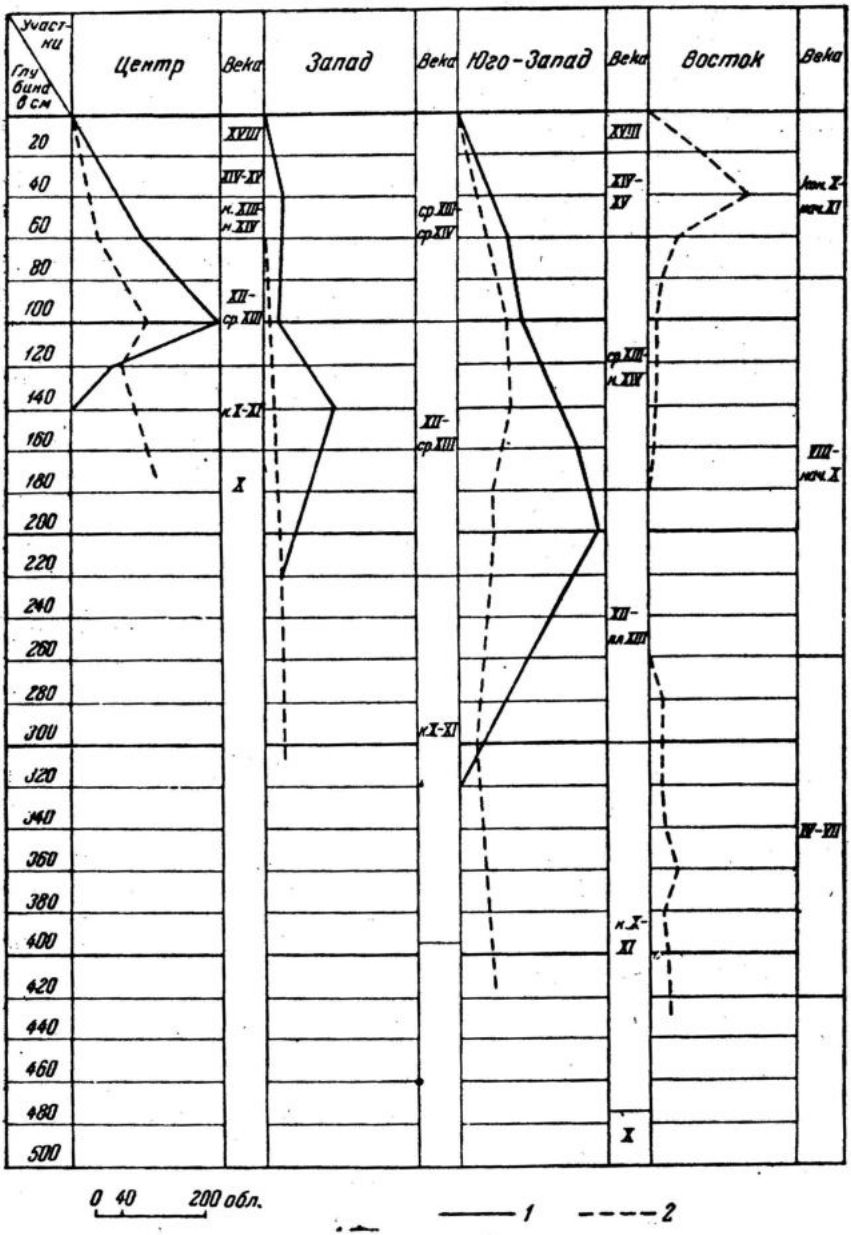


Рис. 6. Стратиграфическое распределение лепных горшков типа А и круговых типа В

1 — круговые горшки, *2* — лепные горшки

Особенно отчетливо прослеживаются связи с предшествующей эпохой благодаря находкам в слоях V—VI вв. обломков горшков с ручками.

Ручки прямоугольные в сечении, иногда с налепом-пуговкой сверху в месте присоединения к сосуду. В ряде случаев попадались ручки в виде полукруглых налепов (рис. 5, *10*) или трех- и пятипалых лап. Это наиболее архаичные горшки типа А. Впрочем то же можно сказать и об единичных экземплярах горшков, украшенных по венчику и плечикам защипами или слабой насечкой (рис. 5, *8*, *9*, *12*).

В последующие века, вплоть до окончательного вытеснения этой керамики круговой (в XIV в.), подобные стандартные в целом горшки претерпевали некоторые изменения. Так, например, на стенках горшков VII—X вв. нередко можно проследить следы заглаживания пучками травы, что вообще характерно для сосудов, встречающихся в памятниках салтово-маяцкой культуры: Правобережном Цимлянском городище, многочисленных селищах в низовьях Дона и Приазовья [11], а также на синхронных с ними поселениях Крыма [12]. В XII—XIII вв. на донцах многих горшков видны квадратные углубленные отпечатки (3×3 или 4×4 см) — следы гончарного круга (рис. 4, 7).

Тип Б. Пропорции, форма венчиков и величина горшков типа Б совершенно та же, что и у горшков типа А. Орнамент на венчиках — глубокие косые насечки или аккуратно сделанные вмятины. Орнамент на стенках — вертикальные бороздки по всему тулову, линейный и линейно-пересеченный орнамент по всему тулову или только на плечиках, а также глубокая однорядная волна на плечиках (рис. 7, *1—11*). Все виды орнамента известны и на круговой посуде. Так, линейный орнамент и насечки обнаружены на круговых салтово-маяцких горшках, вертикальные бороздки — на аланских горшках IX—XII вв., глубокая волна и вмятины на венчиках украшают поздние круговые сосуды Тмутаракани (XIII—XIV вв.).

Тип В. Сосуды эти сходны с горшками двух вышеописанных типов. Основным отличием их является заглаженная травой поверхность и нередко примесь рубленой соломы в тесте. Орнамент на венчиках представляет собой мелкие прямые или ногтевидные насечки и защипы (рис. 8, *1—8*). На плечиках располагаются в один неровный ряд вертикальные насечки, тонко прочерченный зигзаг или волна. На единичных экземплярах были обнаружены знаки собственности — тамги, прочерченные по сырому тесту (рис. 8, *6*).

Судя по расположению в слоях, сосуды типа В датируются X — началом XII в. Аналогии им мы знаем в одновременных слоях Саркела —

---

[11] С. А. Плетнева. Средневековые поселения на Белой Калитве.— КСИА, 90, 1963.

[12] А. Л. Якобсон. Средневековые поселения Крыма.— Доклад на группе археологии южнорусского средневековья ИА АН СССР от 20.II 1961 г.

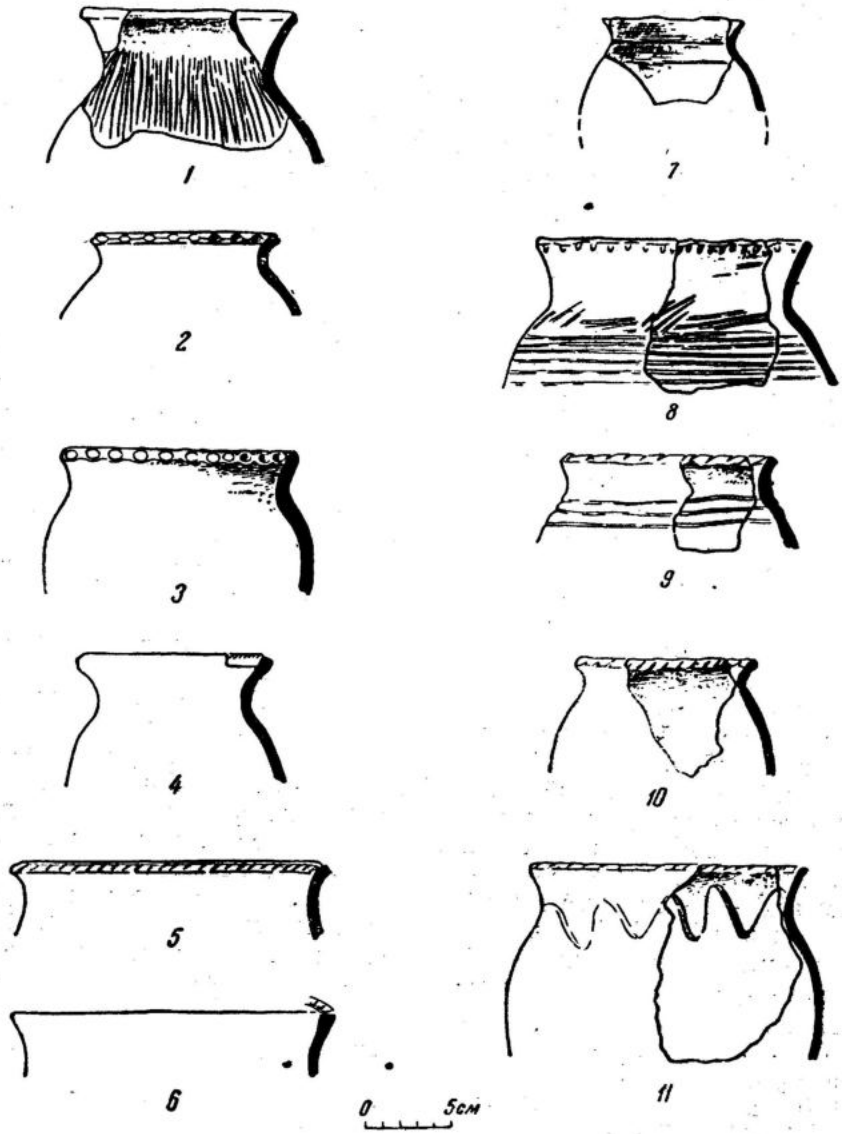


Рис. 7. Лепные горшки с орнаментом (тип Б)

Белой Вежи [13]. Есть все основания связывать их с группой кочевнической керамики, которую мы из-за особенно пышного орнамента считаем необходимым выделить в отдельный тип Г.

Тип Г (рис. 9, *1—14*). На городище не обнаружено ни одного целого сосуда этого типа, однако, по дошедшим до нас обломкам можно судить о форме горшков, поскольку несколько десятков целых или частично восстановленных горшков известно в коллекциях Саркела — Белой Вежи [14]. Это яйцевидные горшки с несколько суженным по сравнению с предыдущими типами горлом (иногда $d_1 : d_2 = 1 : 1{,}5$). Оригинальной является также форма венчика — с валиком, почти всегда орнаментированным. Орнамент очень своеобразный: это сочетание насечек и лункообразных вмятин, кружочки, вертикальные глубокие насечки, серповидный орнамент. Располагается он на венчике и плечиках сосудов, а изредка покрывает все тело горшочка. Внутренняя поверхность горшков почти всегда выглажена пучком травы, а в тесте, помимо обычных примесей (морского песка с ракушками), наблюдается большое количество рубленой соломы (как в горшках типа Б). Количество обломков сосудов типа Г на Таманском городище очень невелико — учтено всего 10 фрагментов. Все они обнаружены в слое и комплексах X в. [15], т. е. так же, как в Саркеле. Интересно отметить их топографическое распределение, а именно: в центре и на западной окраине города. На восточных раскопах, несмотря на большое количество материалов X в. и прекрасно выраженный слой этого времени, обломков горшков, украшенных пышным орнаментом, не встречено.

Тип Д. Естественно, что с кочевниками мы можем связывать и лепные котлы с внутренними ушками. На городище обнаружены обломки всего двух лепных котлов (один в центре, другой на западном участке). Венчик одного из них представляет собой обычный венчик лепного кухонного горшка с налепленной на него с внутренней стороны довольно массивной калачеобразной ручкой (рис. 8, *8*). От другого котла сохранилась стенка с внутренней ручкой в виде полукруглого налепа с двумя расположенными рядом вертикальными отверстиями для продевания ремня. Форма днища в обоих случаях оказалась невыясненной. Обломки подобных лепных котлов в большом количестве встречались в Саркеле, в слое конца X в. [16] Лепные и гончарные котлы с поселений Предкавказья имеют совершенно иной облик и относятся к совершенно другой культуре и народу [17]. Лепные котлы рассматриваемого нами типа,

---

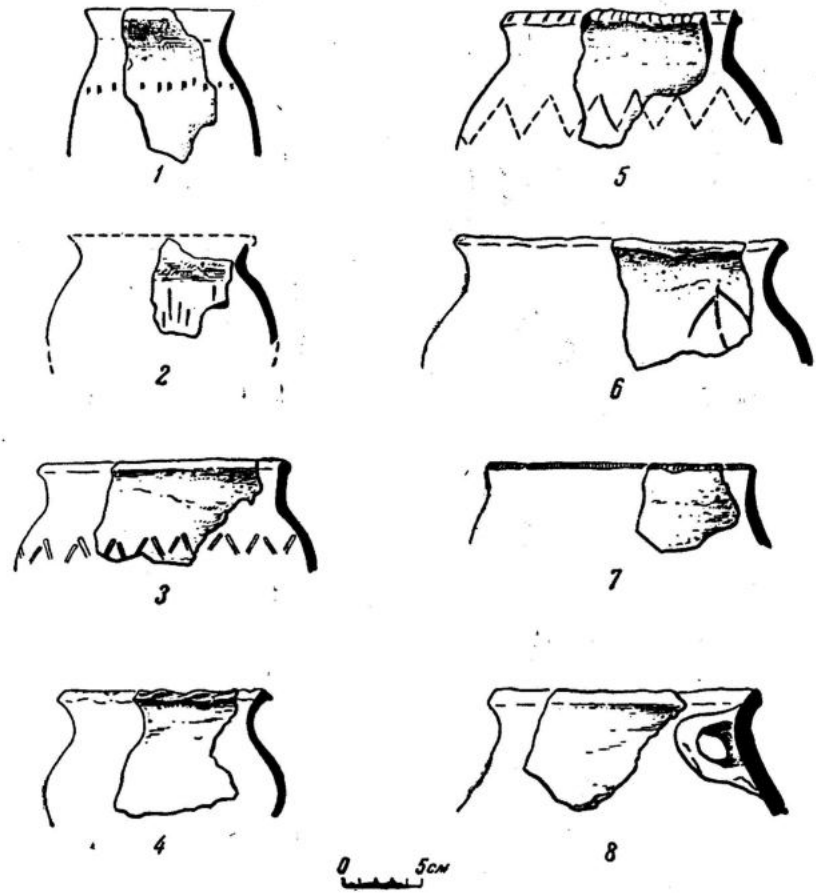
[13] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи, стр. 233, рис. 18.

[14] Там же, стр. 234, рис. 19.

[15] Например, в жилище 6, выстроенном на развалинах небольшой церквушки, погибшей, по-видимому, при взятии города печенегами в начале X в.

[16] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи, рис. 24, 49.

[17] В. А. Кузнецов справедливо приписывает их праболгарским племенам, заселявшим Прикубанье в VIII—X вв. Статья В. А. Кузнецова, посвященная этому вопросу, будет опубликована в одном из номеров «Советской археологии» в 1964 г. Приношу



172870

Рис. 8. Кочевнические лепные горшки (тип В и Д)

очевидно, являются подражанием круговым котлам, о которых будет сказано ниже.

Тип Е. К этому типу мы относим весьма малочисленный, но исторически важный материал — обломки славянских лепных горшков роменско-боршевского типа (рис. 9, *15—16*). В раскопе А. А. Миллера 1930 г. у северного края обрыва было найдено 49 обломков славянских горшков. В более крупных раскопах 1952—1955 гг. были обнаружены

благодарность ее автору, ознакомившему меня с материалами и позволившему сослаться на эту работу.

[illegible] ГОСУДАРСТВЕННЫЙ [illegible]

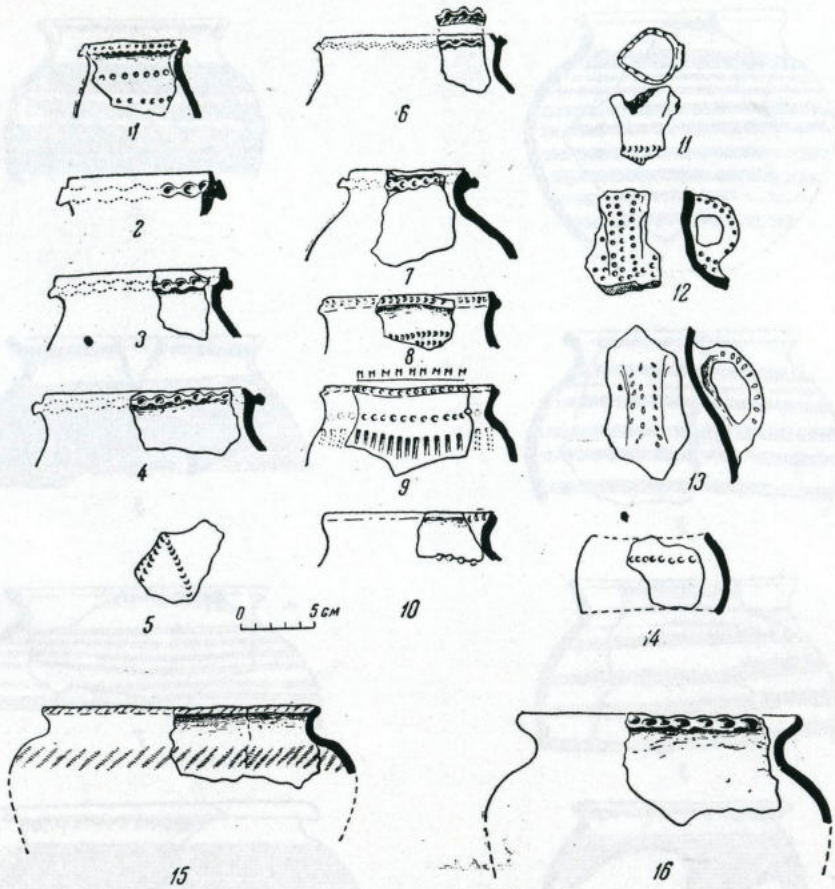


Рис. 9. Кочевнические и славянские лепные сосуды (тип Г и Е)

1—10, 14 — обломки горшков, *11—13* — обломки кувшинов, *15, 16* — обломки роменских горшков

обломки всего двух славянских горшков. Один из них, украшенный по венчику и плечикам типичным веревочным штампом, обнаружен на северном участке (раскоп I), находящемся в непосредственной близости от раскопа А. А. Миллера, другой — с вмятинами по венчику — в крайнем северном раскопе центрального участка (раскоп XXIII). По-видимому, славяне жили в городе в одном строго очерченном районе — на северном краю, у спуска к морю. Поскольку раскопы Б. А. Рыбакова коснулись этого участка только частично, количество славянской керамики оказалось

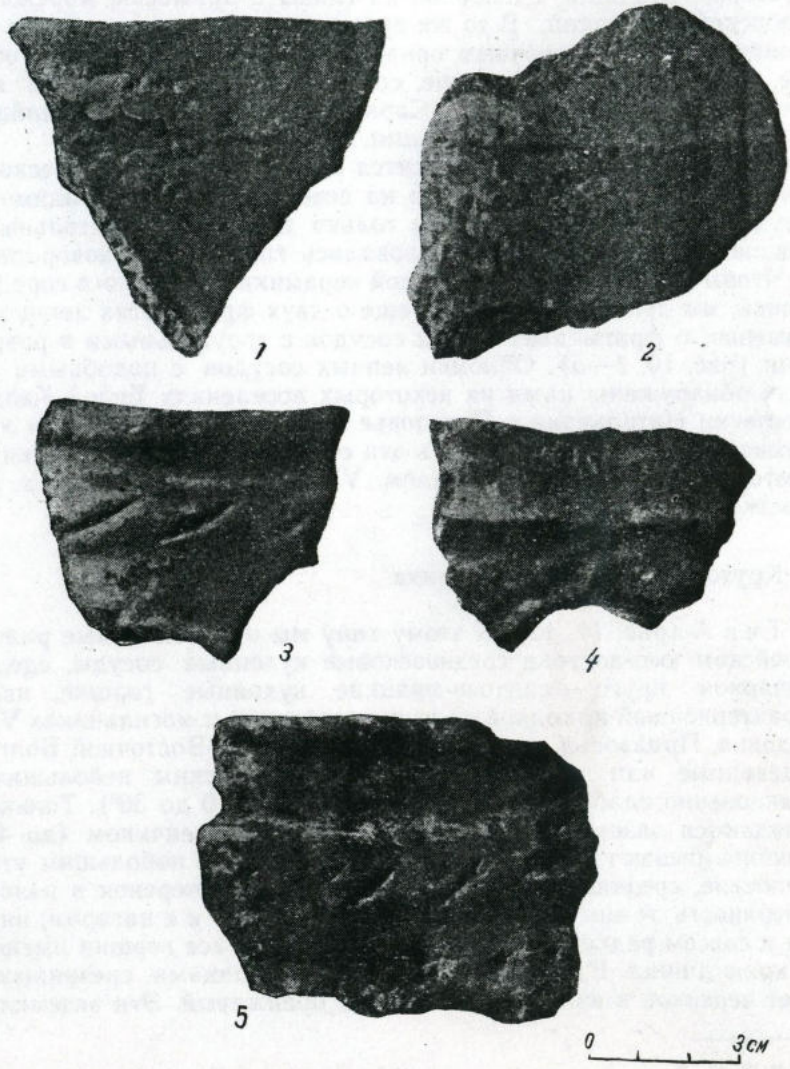


Рис. 10. Обломки керамики с валиками

1, 2 — обломки сосудов с поселения на Белой Калитве, *3, 4* — обломки с Таманского городища, *5* — обломок венчика горшка с поселения у с. Натальевка

таким незначительным. Характерно, что оба горшка были изготовлены из глины с примесью шамота, что отличает их от всей остальной керамики городища, сделанной из глины с примесью морского песка с дробленой ракушкой. В то же время эта примесь шамота в сочетании с типичнейшим веревочным орнаментом сближает горшки, обнаруженные на Таманском городище, со всей ранней славянской керамикой днепровского Левобережья и Саркела [18]. Оба фрагмента найдены были в слое X в., нетронутом перекопами.

К кухонной керамике относятся лепные сковороды. Несколько мелких обломков их найдено было на северном участке. Видимо, этот тип посуды был также характерен только для славян, остальные народы, жившие на городище, не пользовались глиняными сковородами.

Чтобы картина лепной кухонной керамики Таманского городища была полной, мы должны упомянуть еще о двух фрагментах лепных горшков, а именно: о фрагментах стенок сосудов с треугольными в разрезе валиками (рис. 10, *1—5*). Обломки лепных сосудов с подобными валиками были обнаружены нами на некоторых поселениях Белой Калитвы и на поселении Натальевка в Приазовье [19]. Пока неясно, с каким этническим массивом мы можем связывать эти сосуды. Стратиграфически они датируются в Тамани VII — началом VIII в. Оба найдены на восточном участке.

Круговая кухонная керамика

Тип А (рис. 11, 12). К этому типу мы относим самые ранние на европейском юго-востоке средневековые кухонные сосуды, сделанные на гончарном круге — салтово-маяцкие кухонные горшки, являющиеся характернейшей находкой на всех поселениях и могильниках VIII—X вв. Подонья, Приазовья, отчасти Крыма и Северо-Восточной Болгарии. Это яйцевидные или шаровидные горшки с плоским небольшим дном и обыкновенно слабо отогнутым венчиком (от 10 до 30°). Только изредка попадаются экземпляры с сильно изогнутым венчиком (до 45°). Края венчиков бывают закругленные, закругленные с небольшим утолщением и плоские, срезанные. Обжиг сосудов ровный, черепок в изломе серый, поверхность темно-серая, нередко закопченная и с нагаром, иногда желтая и совсем редко оранжевая. Как правило, все горшки имеют бортики по краю днища. Единичные экземпляры с донцами, срезанными ниткой. Цвет черепков в изломе у них всегда оранжевый. Эти экземпляры изго-

---

[18] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое.— МИА, 74, 1960, рис. 18—21; его же. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.— МИА, № 104, 1961, рис. 108, 114, 118 и др.; С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи, рис. 12, 13.

[19] С. А. Плетнева. Средневековые поселения на Белой Калитве; ее же. Отчет о полевых работах летом 1961 г.— Архив ИА АН СССР, № 2242.

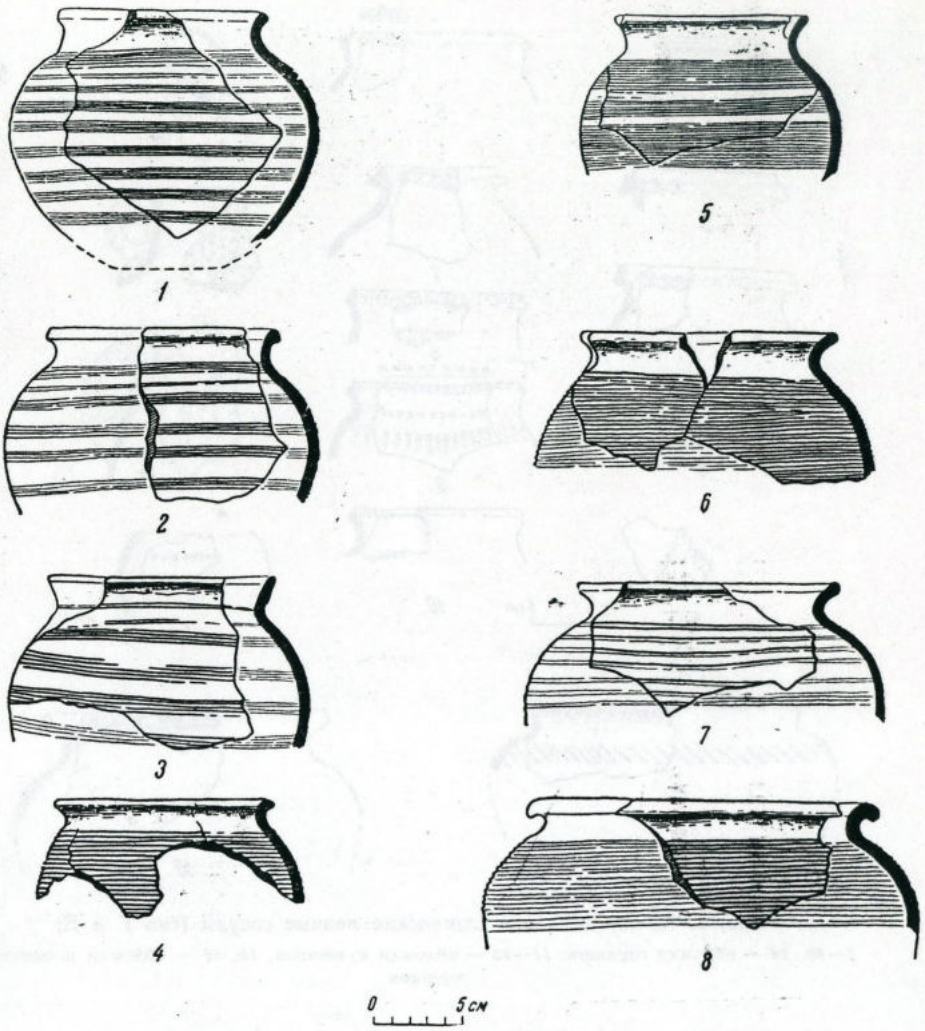


Рис. 11. Салтово-маяцкие круговые горшки с линейным орнаментом (тип А)

товлены в крупных мастерских, в которых делались и обжигались амфоры, кувшины и другая посуда массового производства. Тесто горшков всегда с примесью речного песка в поселках, расположенных на берегах рек, а в Тамани, Фанагории, Планерском и других приморских городах — морского песка с толченой ракушкой. Линейный сплошной, линейно-зональный, волнистый, линейно-волнистый орнамент покрывает все тело

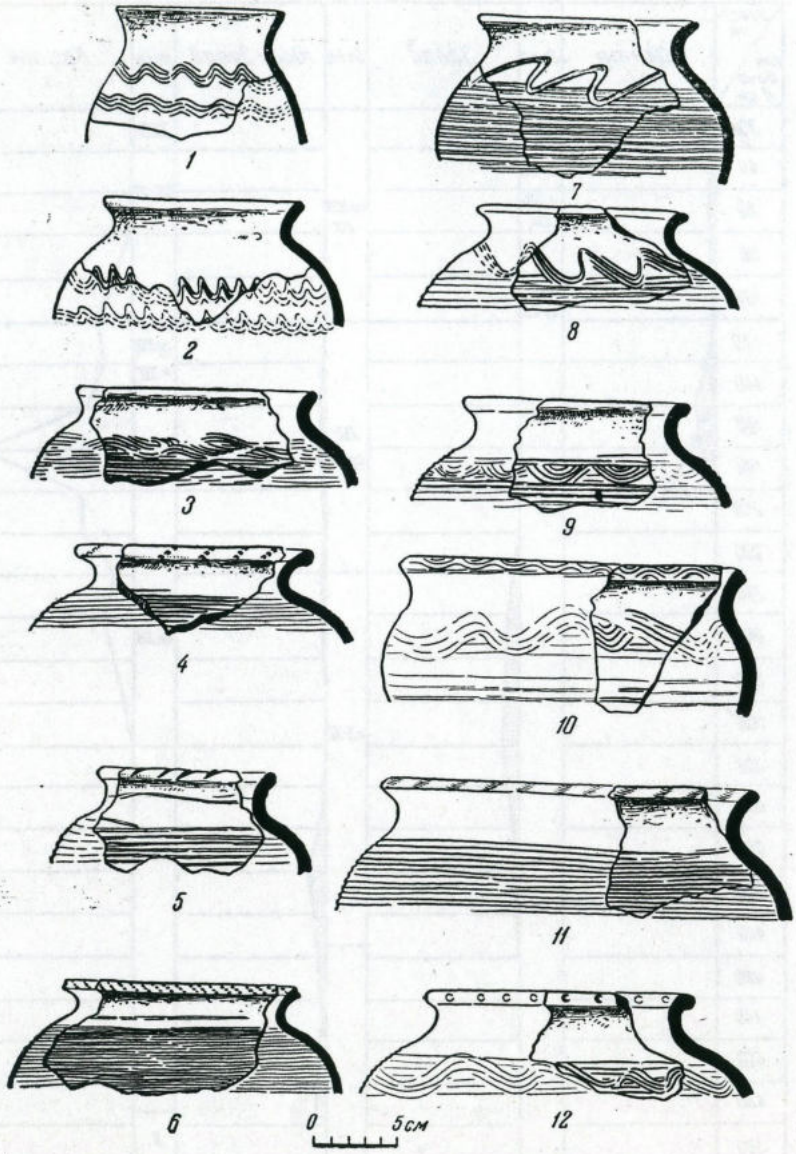


Рис. 12. Салтово-маяцкие круговые горшки с линейным, волнистым и линейно-волнистым орнаментом (тип А)

горшков от плечиков до донца. Наносился он гребенчатым штампом в три — семь зубцов [20]. Зубцы обычно были острые, и потому бороздки прочерчивались глубокие с острыми краями. В виде редкого исключения штампик заменялся палочкой с плоским рабочим концом. Венчик украшался косой, глубокой насечкой, наколами штампика, наколами круглой в разрезе палочки, волнистым орнаментом.

На Таманском городище был обнаружен всего один целый салтово-маяцкий горшок, однако достаточно крупные обломки и многочисленные аналогии дают возможность представить облик этой таманской посуды в целом. Становится очевидным, что для Тамани, как и для Саркела, были характерны шаровидные формы горшков [21], а не яйцевидные, типичные, например, для Суворовского поселения [22].

Салтово-маяцкие горшки долгое время служили предметом спора и недоумений для многих сталкивавшихся с ними советских и зарубежных (главным образом болгарских) ученых. В их числе были крупнейшие археологи, такие как А. П. Смирнов, Кр. Миятев и др. [23] Все они полагали, что горшки с линейно-волнистым орнаментом оставлены славянами. Поводом для этого послужило чисто внешнее сходство салтовских горшков VIII—IX вв. со славянской керамикой X в., распространенной на славянских памятниках от Чехии до Новгорода Великого. Мне представляется, что в настоящее время труды М. И. Артамонова и И. И. Ляпушкина вполне доказали несостоятельность и историческую неправомерность отождествления той и другой керамики. Полагаю, что можно не повторять их аргументацию в этой работе и подчеркнуть, что материалы Таманского городища дают еще дополнительные данные, подтверждающие правоту и объективность высказанных М. И. Артамоновым и И. И. Ляпушкиным положений по данному вопросу [24].

Стратиграфически салтово-маяцкие горшки относятся к VIII — началу X в. (рис. 13). Расцвет их производства приходится на конец VIII—IX в. Несколькими десятилетиями позже (X в.) появляется на Тамани небольшая группа славянского населения, пользовавшегося лепными горшками. Подобными горшками (так называемого роменско-боршевского типа) пользовался в то время (VIII — начало X в.) весь

---

[20] Штампом могли служить обломки гребней или рыбьи кости. В последнем случае бороздки орнамента получались очень тонкими и особенно глубокими.

[21] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи, стр. 221, рис. 9.

[22] И. И. Ляпушкин. Средневековое поселение близ ст. Суворовской.— МИА, № 62, 1958, стр. 327, рис. 6; стр. 330, рис. 10.

[23] См. А. П. Смирнов. К вопросу об истоках Приазовской Руси.— СА, 1958; Кр. Миятев. Славянска керамика. София, 1948.

[24] Оба автора никогда не связывали салтовские кухонные горшки со славянами. Считаю особенно необходимым подчеркнуть это, поскольку недавно на страницах журнала «Советская археология» в статье С. Георгиевой появилась странная ссылка на И. И. Ляпушкина и М. И. Артамонова, якобы писавших в каких-то своих работах о принадлежности салтовских горшков славянам (С. Георгиева. К вопросу о материальной культуре славян и праболгар на Нижнем Дунае.— СА, 1961, № 2).

славянский Юго-Восток. В середине X в. ремесленные мастерские, изготовлявшие горшки типа А, исчезают. В слое конца X—XI в. попадаются уже круговые горшки иного облика.

Тип Б (рис. 14, *1—13*). К сожалению, не удалось обнаружить ни одного целого сосуда типа Б, однако обломки венчиков дают нам право сближать горшки этого типа с русскими сосудами X—XI вв. (может быть начала XII в.).

Основным отличием их от салтово-маяцких горшков является орнаментация и способ нанесения ее на сосуд. Характер орнаментации тот же, что и у салтовских горшков, однако в подавляющем большинстве случаев это не сплошной орнамент, а всего одна или несколько линий или волн на плечиках сосуда. Наносился орнамент не зубчатым штампиком с острыми концами, а плоской палочкой (ширина ее конца 1,5—3 мм). Помимо горшков, украшенных орнаментом, к этому же типу русской кухонной посуды относятся горшки без орнамента (рис. 14, *6, 10, 11, 12*). Это наиболее поздние экземпляры керамики типа Б на Таманском городище. От остальной керамики они отличаются формой венчика с закраиной для крышечки и крутыми плечиками, характерными для русских горшков. Венчики с закраиной, как известно, появляются на русской посуде в конце XI в. Наиболее ранние экземпляры горшков типа Б, покрытые сплошным орнаментом, датируются X в. (по аналогиям с древнерусской керамикой Киева, Белой Вежи и некоторых других городов, где прослеживается слой X в.) [25].

Стратиграфически эта датировка вполне подтверждается (рис. 13) — в основном сосуды этого типа встречаются в слое конца X — начала XII в. Количество их очень невелико, наибольшее их число встречено на западном и юго-западном участках, т. е. в районе сырцовой стены, построенной по приказу князя Мстислава Владимировича в начале XI в. Поскольку тесто горшков типа Б не отличается от теста местных сосудов (та же примесь морского берегового песка с ракушками), можно с уверенностью говорить о существовании в Тмутаракани мастерской, в которой работали русские ремесленники, принесшие в X в. свои навыки в изготовлении горшков из мастерских русских городов — Киева, Чернигова и др. Судя по количеству выпускаемой продукции, мастерская была очень небольшая, в начале XII в. она прекратила свое существование. Ее заменили мастерские, возникшие на местной основе, изготовлявшие горшки для широкого потребления.

Тип В (рис. 15, *1—11*). Горшки этого типа напоминают наиболее поздние экземпляры лепных горшков типа А. Они яйцевидные со слабо отогнутым венчиком. Венчик, как правило, украшен глубокими насечками или аккуратными защипами, имеющими вид эллипсовидных

---

[25] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи, рис. 14; М. К. Каргер. Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958, табл. III, стр. 415, рис. 95; стр. 417, рис. 96 и др.

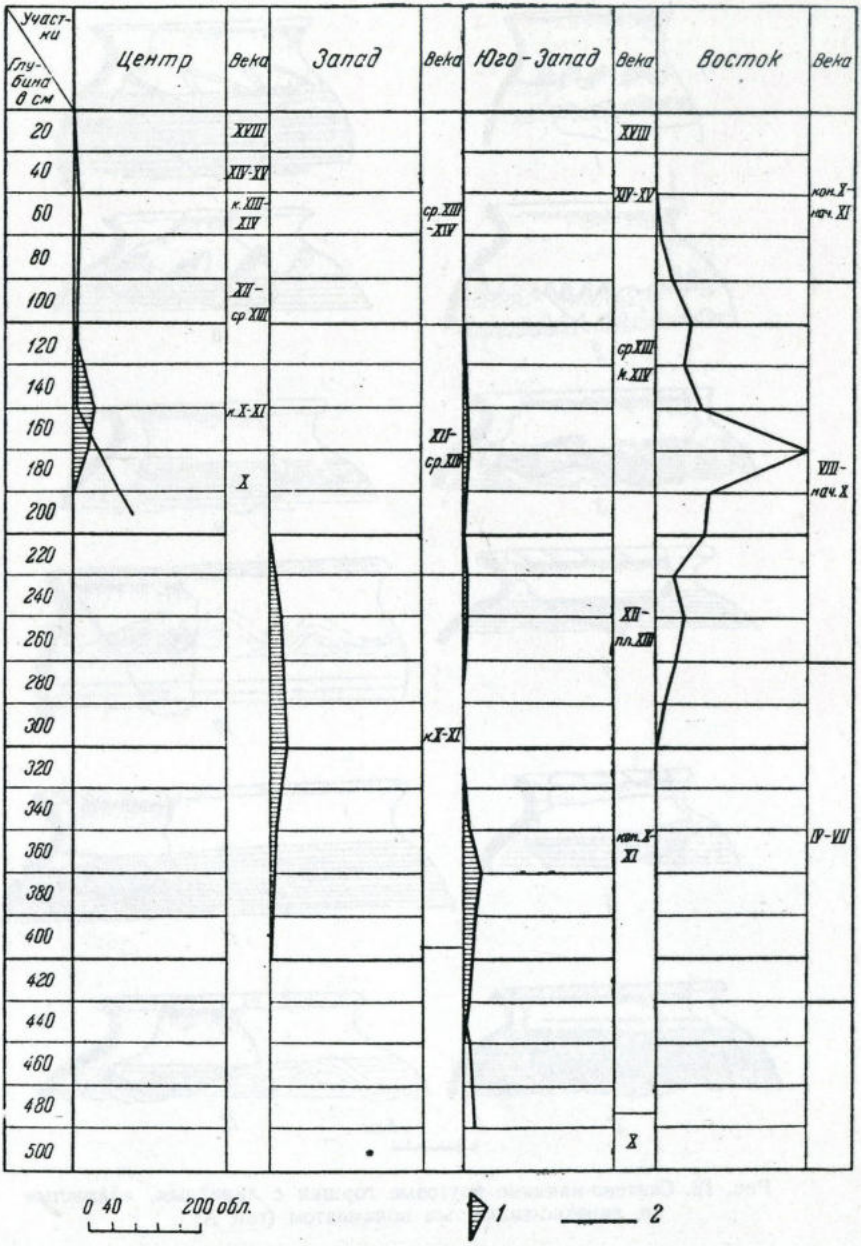


Рис. 13. Стратиграфическое распределение салтово-маяцких и русских горшков на различных участках городища

1 — русские горшки, *2* — салтово-маяцкие горшки

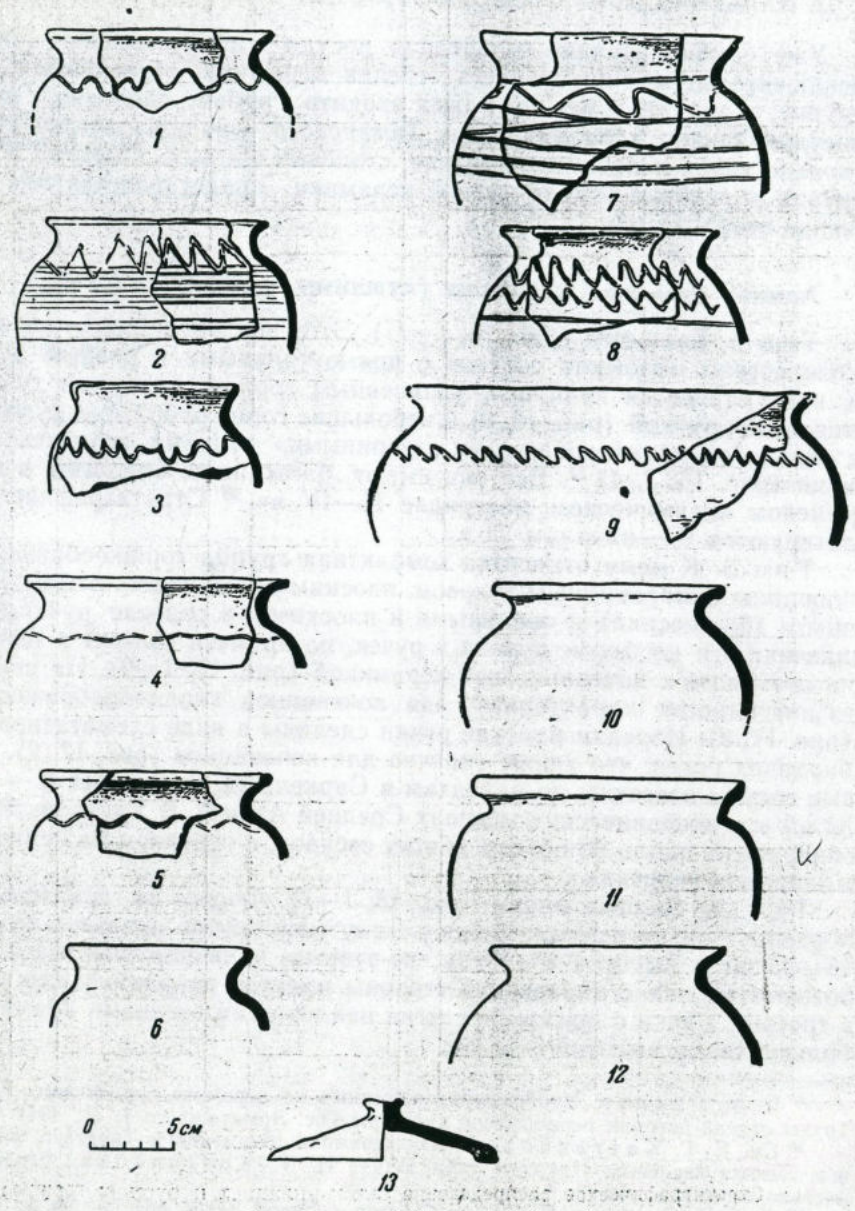


Рис. 14. Русские горшки X — начала XII в. (тип Б)

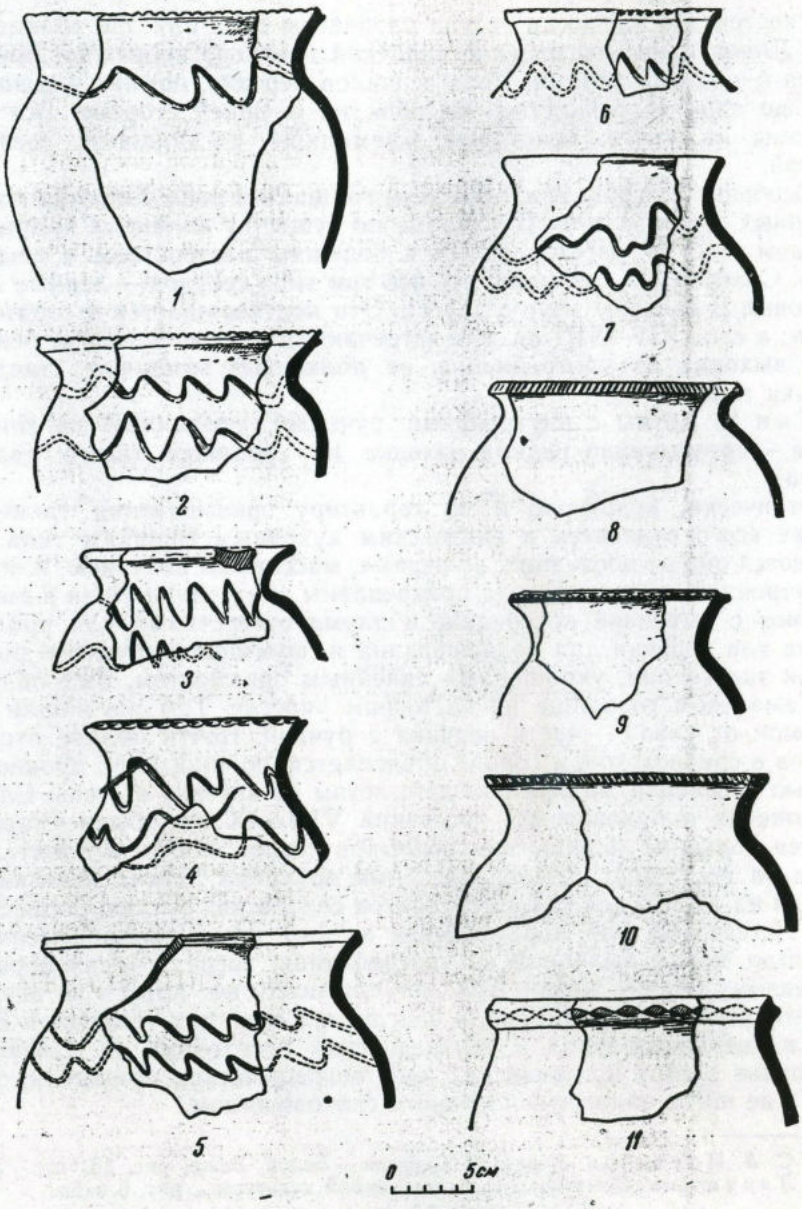


Рис. 15. Круговые горшки XII—XV вв. (тип В)

плоскостей. По плечикам сосуда проведены одна или две волнистые линии. Линии нанесены плоской палочкой довольно небрежно. Волна глубокая с острыми углами. Края венчиков нередко, помимо насечки, имеют еще одну особенность — желобок на внешней стороне. Все горшки сделаны на круге, некоторые экземпляры с днищами, срезанными ниткой.

Особенно близкие аналогии этим горшкам в лепной посуде мы видим в лепных горшках типа Б, которые по существу являются подражанием сосудам типа В, изготовленным с большим мастерством и тщательностью. Совершенно очевидно, что все три типа сосудов — лепные А и Б и круговые В связаны друг с другом. Это подтверждается и стратиграфически: в слое XII—XIII вв. они встречаются вместе. В XIV в. лепная посуда выходит из употребления, ее полностью заменяют стандартные горшки типа В.

Тип Г. Котлы с внутренними ручками, сделанные на гончарном круге,— чрезвычайно редкая находка на городище (всего два фрагмента).

Этнически, культурно и по характеру орнаментации такие котлы ближе всего относятся к салтовским кухонным горшкам типа А. Отличаются они от последних, во-первых, массивным венчиком, к которому с внутренней стороны сосуда прикреплены внутренние ушки в виде двух налепов с вмятиной посередине и двумя отверстиями для продевания ремня или веревки для подвешивания и, во-вторых, круглым дном. Обломок такого дна, украшенный линейным орнаментом, был обнаружен на Таманском городище на восточном участке. Там же нашли второй обломок от котла — часть венчика с ручкой. Почти полное отсутствие котлов в средневековом городе объясняется, по-видимому, прочной оседлостью населения, не выезжавшего летом на кочевку в степь. Слои всех придонских и приазовских поселений VIII—IX вв. обычно характеризуются большим количеством обломков котлов, поскольку жители этих поселков постоянно пользовались ими во время летних кочевий [26]. Несмотря на то, что для открытых очагов салтовских жилищ подвесная посуда (железные или керамические котлы) представляла несомненное удобство, котлы выходили из употребления, когда хозяева переходили к оседлому образу жизни. Так, нет или почти нет котлов во всех крупных городах Причерноморья, в болгарских столицах (Плиске и Преславе), на верхнедонецких и верхнедонских поселениях, т. е. всюду, где население в силу исторических или географических причин не занималось и не могло заниматься кочевым скотоводством.

[26] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи, рис. 10, стр. 222, 223; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры..., рис. 6 и др.

II. ПАРАДНАЯ, ИЛИ СТОЛОВАЯ, ПОСУДА

Уже самое название — парадная посуда — обусловливает как-будто исключительную тщательность отделки керамики, относящейся к этой группе, а значит, в нее не может входить грубая, сделанная от руки посуда. Однако в ранних слоях Таманского городища встречается несколько типов лепных, несомненно, столовых сосудов. Поэтому и в этой группе выделение отдела лепной керамики представляется мне совершенно необходимым.

Лепная столовая керамика (кувшины, кружки, миски)

Тип А. Кувшины (рис. 16, *1—11*). Этот тип представлен небольшим количеством обломков сосудов с прямоугольными в разрезе ручками. К нему относится кувшин с удлиненным горлом, раздутым туловом и массивной ручкой (рис. 16, *5*) и небольшие горшкообразные кувшинчики с сильно схематизированными «звериными» ручками сарматского времени (рис. 16, *3, 4*) [27]. Все они имеют ближайшие аналогии в позднеримском керамическом материале II—IV вв. [28] Стратиграфически они датируются V — началом VI в.

Тип Б. К нему относится компактная группа горшкообразных кувшинчиков с шаровидным туловом, плоским дном, слегка отогнутым венчиком (без носика) и овальными и плоскими в разрезе ручками. Кувшинчики эти по форме тулова и ручек, по примеси соломы в тесте можно связывать с кочевнической керамикой (рис. 17, *1—9*). На некоторых из них нанесен характерный для кочевников гирляндообразный узор (рис. 17, *8*). Изредка плоские ручки сделаны в виде схематизированных бараньих рогов, что также типично для кочевников (рис. 17, *9*). Подобные сосуды известны по находкам в Саркеле (в слое конца X — начала XI в.) и в кочевнических могилах Средней Азии [29]. В Тмутаракани было обнаружено около 20 обломков этих сосудов, в основном на центральном и западном участках.

Тип В. Лепные миски (рис. 18, *1—7*). Формы их довольно разнообразны. Это, во-первых, миски с загнутыми внутрь краями с диаметром 18—28 см и высотой 6—10 см; во-вторых, чашеобразные миски, у некоторых из них с внутренней стороны имеется закраинка для крышки; в-третьих, миски с прямыми, слегка наклонными стенками диаметром не больше 18 см, высотой 5—7 см.

---

[27] К. М. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского периода.— Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. 1, Л., 1941.

[28] См. Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки, рис. 39; ее же. Лепная керамика Илурата, табл. IV, V; И. Т. Кругликова. Фанагорийская местная керамика, рис. 5, 6.

[29] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи, рис. 21, 26; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, № 26, 1952, стр. 87, 88, рис. 48, *3*.

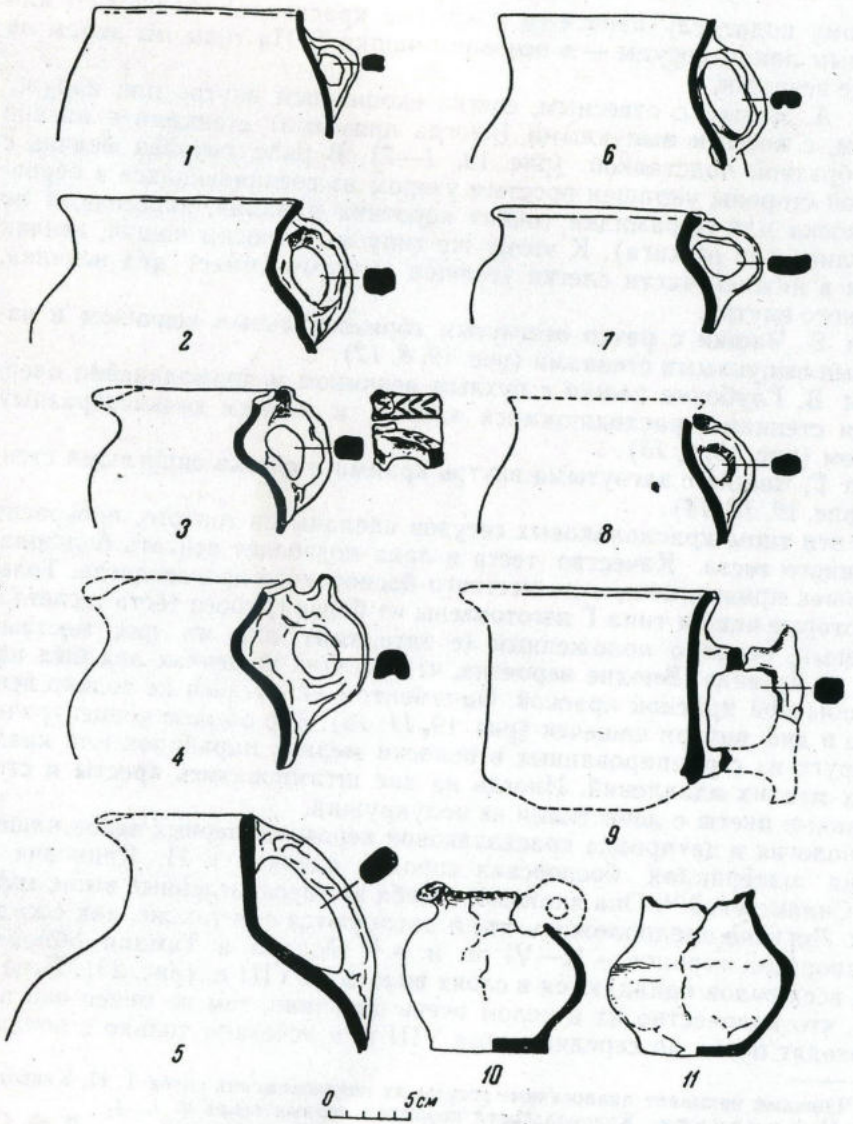


Рис. 16. Лепная столовая посуда V—VII вв. (типы А и Г)

К этому же типу мы считаем возможным отнести глубокие миски (высотой в 15 см) с ручками-налепами (рис. 18, *2*) или кольцеобразными ручками и с венчиком, орнаментированным насечками (рис. 18, *6*), а также сковородки (два экз.) с толстыми стенками и ручками (рис. 18, *3*, *7*). Одна из них имеет колесообразную ручку без отверстия в центре, другая — длинную ручку в сечении овальную с вертикальным отверстием на конце. Обе причисляются нами к группе столовой посуды, потому что на них нет никаких следов нагара или сильного обжига, неизбежного у кухонной посуды.

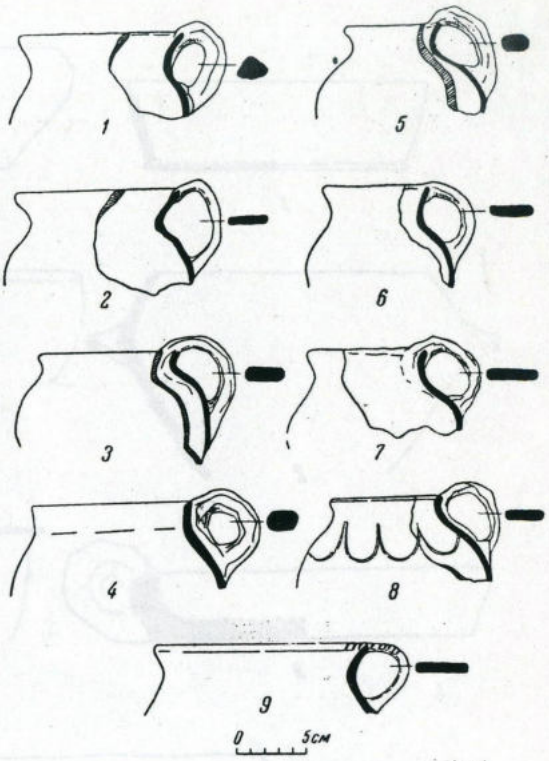


Рис. 17. Кочевнические кувшинчики X—XI вв. (тип Б)

Все миски типа В, исключая две последние (сковородки), датируются, судя по аналогиям, ранним временем. Их прототипы известны в позднеримское время во всех городах Боспора и Крыма (Фанагории, самой Тамани, Илурате, Мирмекии, Тиритаке, Херсонесе и др.).

На Таманском городище обломки этих мисок попадаются только в слое V—VII вв., преимущественно на восточном участке, где эти слои выражены наиболее полно. Впрочем, общее количество лепных мисок в слоях незначительно (всего 35 обломков).

Тип Г. Кружкообразные сосуды. На восточном участке, в слое V—VI вв., был обнаружен обломок цилиндрического сосуда диаметром 13 см, высотой также 13 см (рис. 16, *9*). Сосуд снабжен массивной ручкой. По сохранившимся обломкам этой ручки можно судить, что она сделана в зверином стиле. Несмотря на необычайное многообразие позднеримских форм лепной керамики, нам не удалось найти аналогию этому сосуду, хотя цилиндрические сосуды там иногда встречаются.

Тип Д. В этот тип входят опять-таки очень немногочисленные обломки лепных сосудов, покрытых лощением. Совершенно очевидно, что

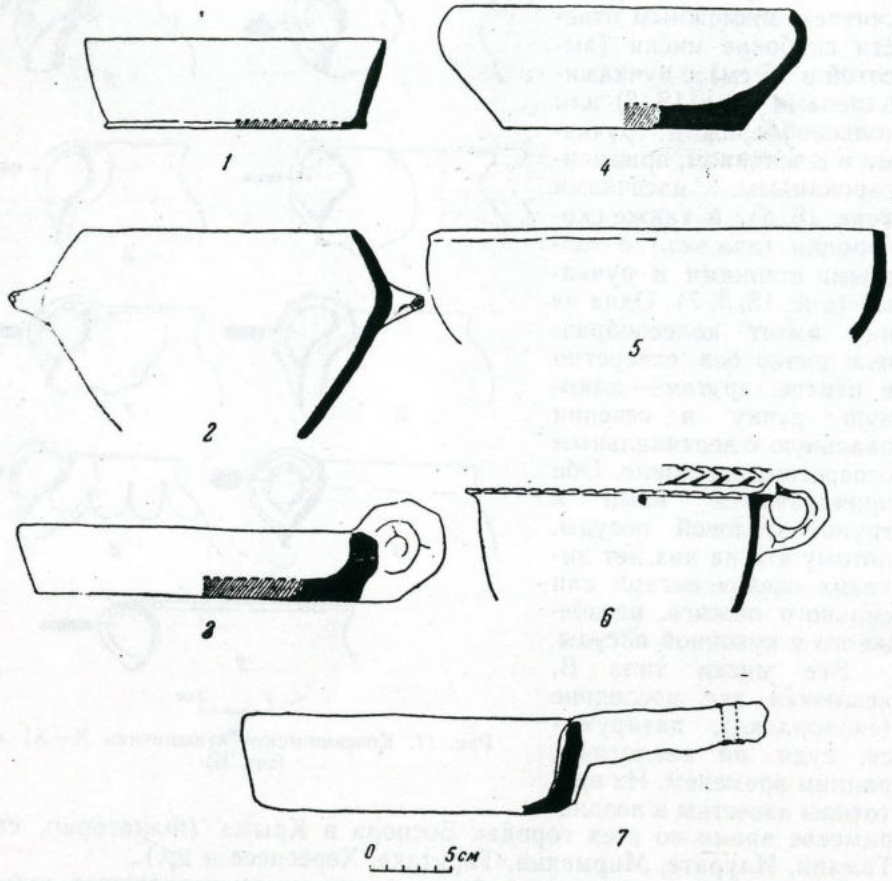


Рис. 18. Лепные миски и сковородки V—VII вв. (тип В)

это подражание круговой лощеной керамике, о которой будет сказано ниже. Обнаруженные обломки позволяют установить, что большинство лепных лощеных сосудов — корчаги, изготовленные из того же теста, что и обычные лощеные сосуды, сделанные на круге.

Круговая столовая посуда

Круговая столовая посуда различных эпох настолько отличается по характеру декорирования поверхности, что нам кажется вполне правомерным разделение ее на несколько подотделов: краснолаковая керамика, ангобированная, лощеная, поливная и, наконец, весьма немногочисленная группа сосудов без декоративного покрытия или орнамента.

Краснолаковая керамика (рис. 19, *1—16*)

К этому подотделу относятся покрытые красновато-оранжевым или оранжевым лаком сосуды — в основном чашки [30]. На типы мы делим их по форме венчиков.

Тип А. Чашки с отвесным, слегка скошенным внутрь или наружу венчиком, с косыми выпуклыми (иногда прямыми) стенками и низкой кольцеобразной подставкой (рис. 19, *1—7*). В ряде случаев венчик с наружной стороны украшен простым узором из соединяющихся в неровные полоски или пирамидки тонких коротких царапин, нанесенных по сырой глине (до обжига). К этому же типу мы относим чашки, венчик которых в нижней части слегка утолщен и потому имеет вид венчика, скошенного внутрь.

Тип Б. Чашки с резко отогнутым горизонтальным венчиком и наклонными выпуклыми стенками (рис. 19, *8, 12*).

Тип В. Глубокие чашки с пухлым венчиком и прямолинейно очерченными стенками, расходящимися кверху, и низким кольцеобразным поддоном (рис. 19, *9, 13*).

Тип Г. Чашки с загнутыми внутрь краями и слегка округлыми стенками (рис. 19, *10, 14*).

Все эти типы краснолаковых сосудов сделаны из тонкого, прекрасно отмученного теста. Качество теста и лака позволяет считать большинство чашек привозными, а не местного боспорского производства. Только некоторые чашки типа Г изготовлены из более грубого теста и светло-оранжевый, неровно положенный (с затеками) лак на них местами стерся до черепка. Вполне вероятно, что на этих чашечках лак был нанесен обычной красной краской. Орнаментом украшался не только венчик, но и дно внутри чашечек (рис. 19, *11, 15*). Это обычно концентрические круги из сгруппированных в полоски мелких царапинок или квадратных мелких вдавлений. Иногда на дне штамповались кресты и стилизованные цветы с лепестками из полукружий.

Типология и датировка краснолаковой керамики первых веков нашей эры на материалах боспорских городов сделана Т. Н. Книпович и Л. Ф. Силантьевой [31]. Она включает в себя все перечисленные выше типы чашек. Логично предположить, что и датируются они так же, как сосуды из боспорских городов — II—VI вв. н. э. [32] Однако в Тамани обломки мисок всех видов попадаются в слоях вплоть до VIII в. (рис. 20). Несомненно, что количество их в целом очень невелико, тем не менее они все же доходят почти до середины слоя VIII в. и исчезают только с появле-

[30] Чашками называет аналогичные сосуды из позднеримских слоев Т. Н. Книпович (см. Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. ...).

[31] Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. ...; Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата.— МИА, № 85, 1958.

[32] В комплексах VI в. краснолаковая посуда встречается в Херсонесе. См. Д. Л. Талис. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья.— ВВ, т. XVIII, стр. 57.

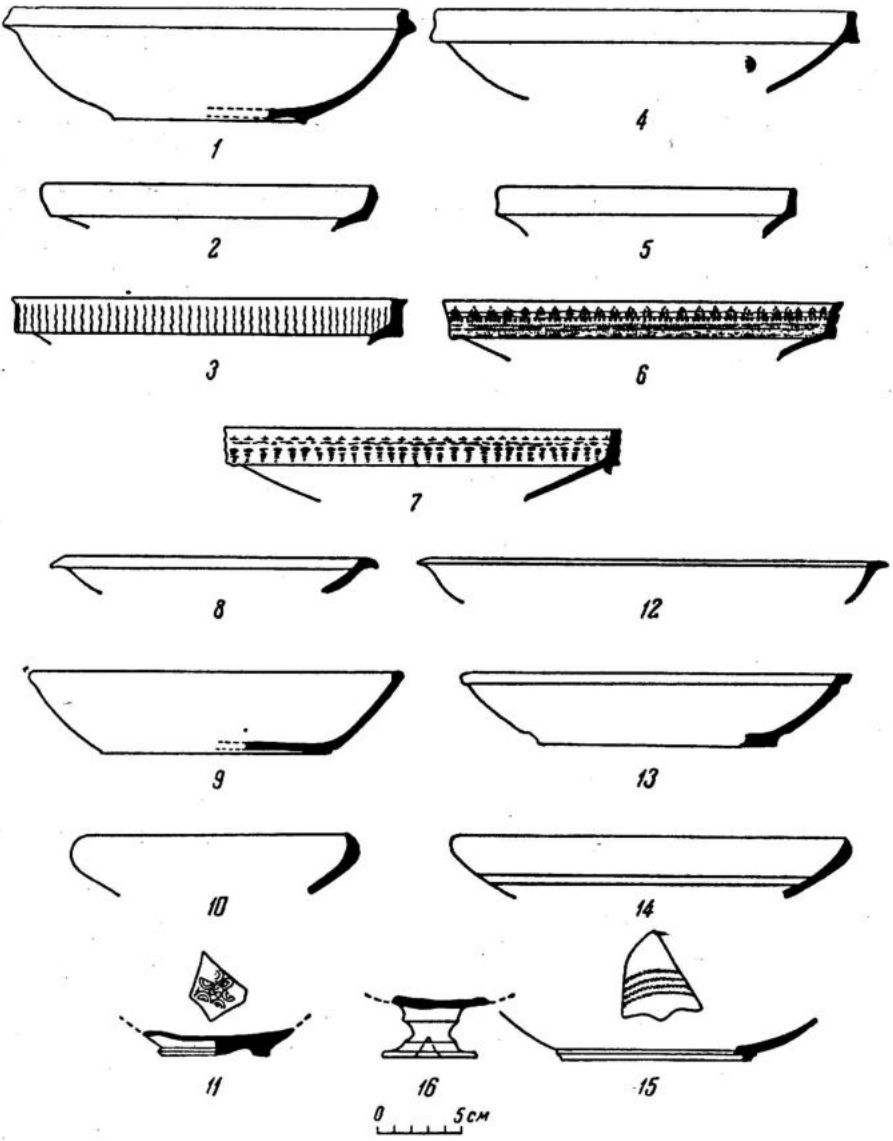


Рис. 19. Краснолаковая посуда

нием и мощным развитием производства лощеных сосудов (в конце VIII в.). Объяснить это явление только перекопами, естественной диффузией керамики в слоях нельзя. Известное перемещение различных типов и групп керамики в слоях южных средневековых городов — неоспоримый и установленный факт, однако процент остальной перемещенной керамики, например амфор, красноглиняных кувшинов и т. д., в 10—20 раз меньше процента перемещенной краснолаковой посуды [33]. Это дает нам основание предполагать не перемещение черепков в результате перекопов, а длинную сравнительно с другими типами жизнь этой керамики (около 200 лет), чему способствовала не только красота, но и необычайная прочность краснолаковых чашек.

Помимо чашек на низких кольцеобразных поддонах в средневековых слоях Таманского городища попадались высокие поддоны-ножки от чашечек типа киликов (рис. 19, *16*). Это наиболее ранние из дошедших до средневековья позднеримских сосудиков.

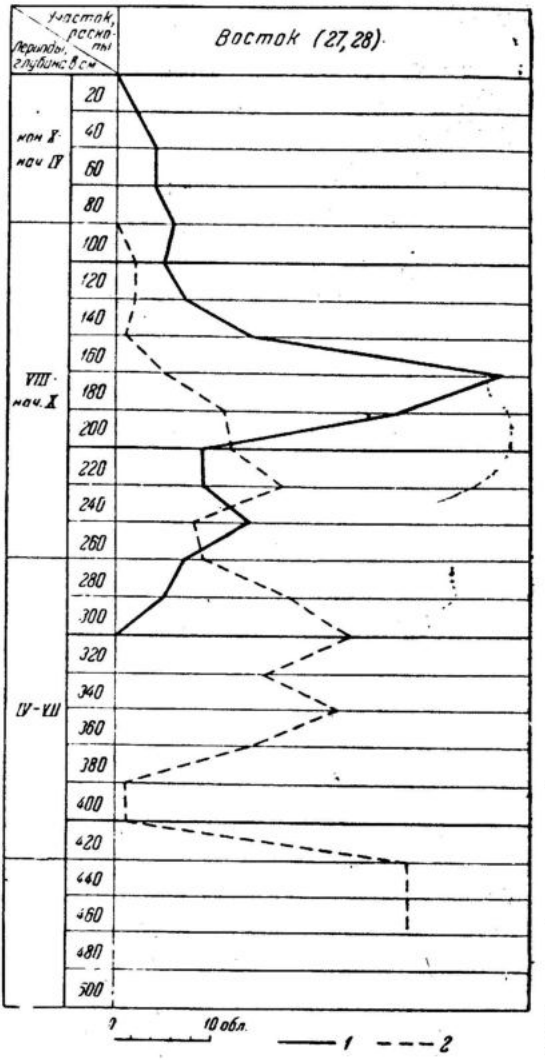


Рис. 20. Стратиграфическое распределение краснолаковой и лощеной посуды в слоях раскопов XXVII и XXVIII

1 — лощеная, *2* — краснолаковая

[33] Перекопа в раскопах XXVII и XXVIII, на материалах которых построена таблица (рис. 20), нет, поскольку кривая лощеных сосудов в этих же раскопах распределяется в слоях совершенно правильно и полностью соответствует кривой салтово-маяцких кухонных горшков (см. рис. 13).

Ангобированная керамика (рис. 21, *1—9*, рис. 22, *8*)

По качеству теста и по стратиграфии залегания ангобированная керамика ближе всего к краснолаковой, однако ассортимент этой посуды значительно разнообразнее, хотя общее количество исчисляется несколькими десятками фрагментов.

Тип А. Чашки с отвесным венчиком, косыми выпуклыми стенками, аналогичные краснолаковым чашкам типа А (рис. 21, *7*). Снаружи

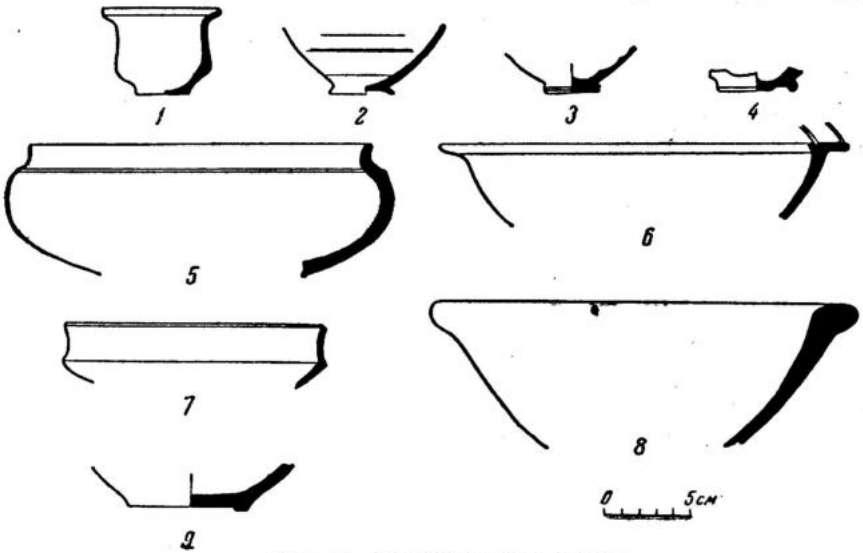


Рис. 21. Ангобированные сосуды

они покрыты белым ангобом. Тесто хорошо отмученное, стенки тонкие, черепок оранжевого цвета.

Тип Б. Глубокие почти полушаровидные чашки с резко отогнутым горизонтальным широким венчиком. По верхней плоскости венчика проведены две или три глубокие линии. У некоторых экземпляров (вероятно, местного производства) венчик массивный, без орнамента, стенки толстые, тесто, в отличие от основного типа, грубоватое с примесями (рис. 21, *6, 8*).

Тип В. Чашки с прямым венчиком и раздутыми боками. Тесто хорошо отмученное, но стенки толстые (5—7 см), оранжевого цвета, наружная поверхность ангобирована (рис. 21, *5*).

Тип Г. Пиалообразные небольшие чашечки с кольцевидным низким поддоном, тонкими стенками, ангобированными снаружи. Иногда по поверхности проведены две или три тонкие линии (рис. 21, *2, 3*) [34].

[34] Изредка в этом же слое встречались белоглиняные мисочки-пиалы, аналогичные ангобированным.

Тип Д. Высокие чашечки-горшочки с сильно отогнутым почти горизонтальным венчиком. Снаружи и изнутри покрыты ангобом (рис. 21, *1*).

Тип Е. Большие кувшины с овальным туловом (вместительностью 1—1,5 л), невысоким горлом, эйнохоевидным сливом у венчика и тонкой плоской ручкой, иногда с налепом-пуговкой сверху у венчика (рис. 22, *8*). Кувшины сделаны на гончарном круге из теста, близкого по составу к тесту лощеных сосудов. Стенки тонкие, цвет черепка оранжевый или желтый. Горло и плечики покрыты линейно-волнистым орнаментом, проведенным ангобом. В отличие от всей остальной ангобированной керамики, кувшины с ангобным орнаментом датируются значительно более поздним временем, а именно — концом VII—IX в., и относятся по времени уже к салтово-маяцкой культуре. В Тамани, на восточном участке, найдено всего пять фрагментов от этих кувшинов, другие 17 можно связывать с ними только предположительно (это обломки ручек, обломки нижней не ангобированной части и т. д.). На других памятниках они встречаются тоже весьма редко. Так, в Саркеле известно всего две находки[35], на Правобережном Цимлянском городище — одна[36]. Находят их и в Херсонесе, и в других городах, где есть слой VII—IX вв.

Лощеная керамика[37] (рис. 22—25)

Лощеная керамика ведет начало от ранней лощеной посуды, т. е. от аланской керамики первых веков н. э.

Однако мы должны особенно подчеркнуть то обстоятельство, что на Таманском городище в средневековых слоях IV—VII вв. обломки лощеной керамики — большая редкость (рис. 20), тогда как для VIII—X вв. они являются одной из наиболее характерных особенностей слоя.

К ранним образцам серой лощеной керамики относятся по существу только обломки горлышек и ручек сероглиняных лощеных кувшинов с коротким прямым горлом и раздутым туловом вместимостью 2—2,5 л (рис. 24, *13*). Ручки массивные с желобком посередине и с налепом в виде двустороннего завитка. Лощение сплошное, тусклое. По-видимому, оно перемежалось с зональным лощением, но на дошедших до нас обломках зонального слегка углубленного лощения нет.

Лощеная столовая посуда VIII—X вв. представлена большим количеством обломков различных по форме и величине кувшинов, кружек и горшков-корчаг.

---

[35] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи, рис. 1, *8*, *9*.

[36] С. А. Плетнева. Отчет о раскопках на Правобережном Цимлянском городище. Альбом, рис. 21*а*.— Архив ИА АН СССР, № Р-1/1907.

[37] На технике лощения мы не останавливаемся, так как кратко касались этого вопроса в статье «Керамика Саркела — Белой Вежи», стр. 214.

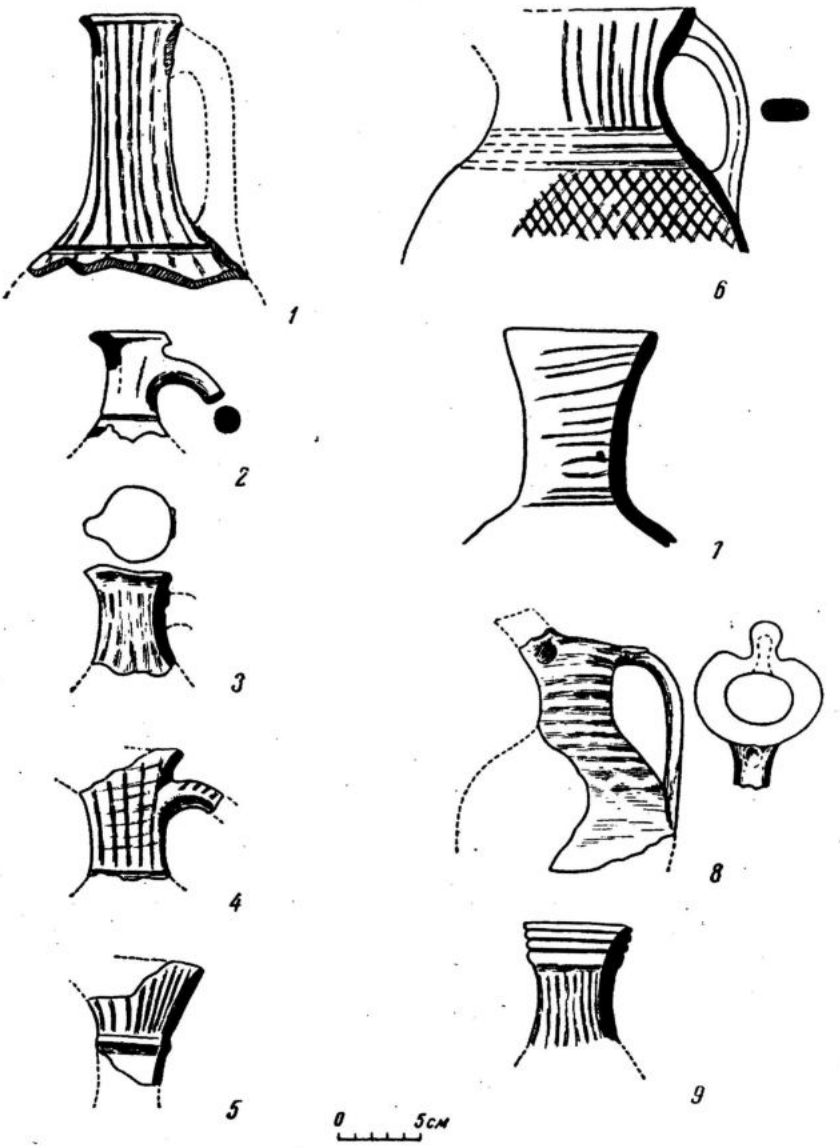


Рис. 22. Ангобированные кувшины (тип Е) и лощеные кувшины (типы А и Б)

Рис. 23. Горлышко лощеного кувшина с «рожками» у венчика (*1*); лощеная кружка (тип Г) (*2*)

Тип А. Кувшины с высокими горлышками и одной ручкой, круглой или овальной в разрезе (рис. 22, *1, 2, 3, 5, 7*). Форма тулова неизвестна, так как нам не удалось восстановить ни одного кувшина полностью. Венчики часто со сливом (носиком). Лощение на горлышке наносилось в виде продольных или поперечных полос или было сплошное, на ручках — поперечное или также сплошное. От тулова горлышко отделялось обыкновенно поперечными желобками, проведенными тем же лощилом, только с большим нажимом. Цвет кувшинов типа А преимущественно серый, иногда почти черный. Однако встречаются кувшины и оранжевого и желтого цвета. На некоторых более архаичных экземплярах кувшинов типа А на горло у венчика прилеплены с двух сторон рожки (рис. 23, *1*). Обломки такого же «рогатого» кувшина были обнаружены в Саркеле, в слое первой половины IX в.[38]

[38] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи. рис. 1, *11*.

Тип Б. Кувшины с коротким горлом (рис. 22, *4*, *6*, *9*). В Тамани найдено всего три обломка кувшинов этого типа. Судя по аналогиям, кувшины с коротким широким горлом могли быть и двуручными [39]. Лощение на горле продольное, горло отделено от тулова желобками, а верхняя сохранившаяся часть тулова покрыта сетчатым лощением. Ручки у этих больших кувшинов массивные, овальные в разрезе, с поперечным лощением. Цвет черепка серый.

Тип В. Кубышки или кружки (рис. 24, *1—6*). Это, по-видимому, наиболее распространенный тип лощеной керамики на городище: обломки кружек, причем довольно крупные, встречаются в слоях очень часто. Форма кружек напоминает приземистые широкие сосуды с отвесным или слегка скошенным наружу венчиком (емкость до 1 л). Относительная стандартность форм нарушается только наличием или отсутствием у кружки ручки. Ручки калачеобразные, овальные в сечении, довольно массивные. Орнамент на кружках представляет собой желобки, отделяющие венчик от тулова и нижнюю часть тулова от верхней. Лощение — продольное, продольно-поперечное и беспорядочное. Цвет черепка всегда серый.

Тип Г. Кружки. В Тамани обнаружена всего одна кружка типа Г. Это почти цилиндрический сосуд со слегка вогнутыми стенками и закругленностью у донца. Ручка массивная, калачевидная. Лощение сложное — перемежающиеся спирали, зигзаги, полоски. Цвет черепка оранжевый (рис. 23, *2*).

Тип Д. Большие и малые горшки-корчаги (рис. 25). Форма тулова яйцевидная или шаровидная, венчики обычно слабо отогнутые или совсем вертикальные. Изредка попадаются венчики, отогнутые на 45°, с ложбинкой для крышки. Размеры корчаг: диаметры венчиков 12—20 см, общая высота 15—23 см. К стенкам, как правило, прикреплены с двух противоположных сторон ручки, овальные или почти квадратные в разрезе. На обломках корчаг, найденных в слоях Таманского городища, ручки сохранились только в двух случаях, однако корчаги, обнаруженные в Саркеле [40], дают нам право утверждать, что ручки были обязательной принадлежностью всех сосудов этого типа. Почти все корчаги покрыты продольным лощением по тулову и сплошным или поперечным на венчике. Изредка попадаются сосуды с косым лощением, с продольно-пересеченным и горизонтальным лощением. Некоторые сосуды орнаментированы дополнительно линейно-волнистым орнаментом. Цвет черепков корчаг серый, желтый и оранжевый. Очевидно, что лощеные сосуды салтовской культуры не имеют ничего общего с римской и черняховской лощеной посудой. Единственная общая черта, объединяющая римскую, черняховскую и салтовскую лощеную посуду,— это лощеная поверхность, однако, как уже говорилось, техника

---

[39] Там же, рис. 3, *47*.
[40] Там же, рис. 4, *5*.

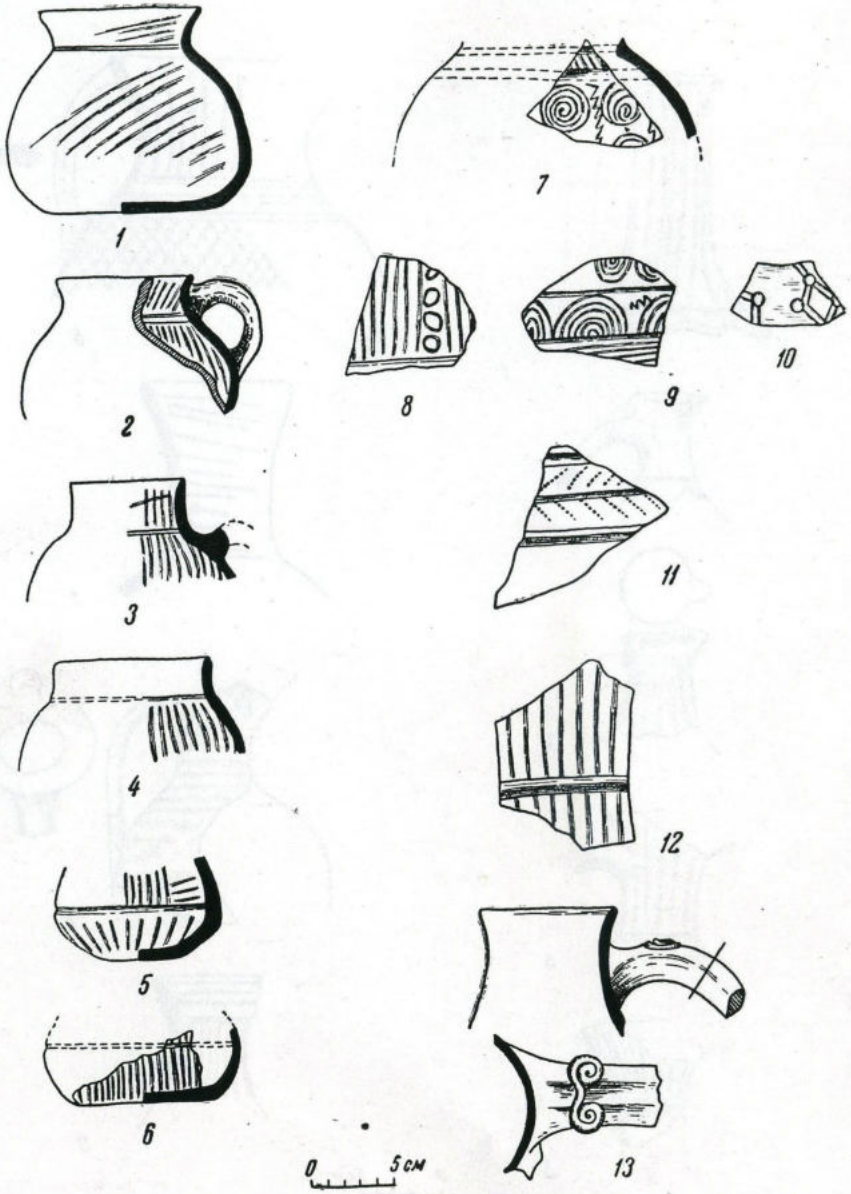


Рис. 24. Лощеная посуда

1—6 — кружки и кубышки (тип В), *7—12* — обломки сосудов с различными вариантами лощеного орнамента, *13* — горло серого кувшина из слоя VII в.

нанесения лощения совершенно различна. В ранней посуде лощение играло роль преимущественно утилитарную — уплотнение верхнего слоя глины, в салтовской — лощение в большей степени декоративный элемент и только частично оно служило и практическим целям. Что касается форм сосудов, то они похожи только в той мере, в какой могут быть похожи сосуды одного назначения.

Тем не менее мы уже говорили о том, что салтовские лощеные сосуды, несомненно, связаны с ранней лощеной посудой III—IV вв., обломки которой встречаются в небольшом количестве не столько на Таманском городище, сколько на соседних с ним памятниках, в частности Пантикапее (Керчи) и Фанагории [41].

Ранняя аланская керамика этих городов генетически связывается с поздней — салтовской [42].

Формы самой салтовской керамики в целом весьма однообразны и стандартны, причем характерно, что они мало изменялись с течением времени (с середины VIII до середины X в.). Единственным существенным новшеством, проникшим в эту отрасль производства, был цвет керамики, указывающий на важные изменения процесса обжига. Традиционные серо- и чернолощеные сосуды в конце IX — начале X в. начали заменяться яркооранжевыми. Лощение на них все более и более приобретало декоративный характер — это спирали, зигзаги, арки (по-видимому, появлявшиеся на посуде под влиянием кочевников, очень любивших арочный узор) (рис. 24, *7—10*). На поверхности крупных сосудов появляются лощеные же валики, имеющие вид обручей (рис. 24, *11, 12*).

Все эти черты с еще большей отчетливостью проявляются в лощеной керамике татарского времени XIV—XVI вв., известной по раскопкам в Булгаре и Сарае, по находкам в Прикубанье, т. е. всюду, где работали поздние аланские мастерские.

На Таманском городище поздней лощеной керамики не было, по-видимому, в татарский период здесь почти не осталось алан и, тем более, аланских ремесленников.

Стандартная в общем салтовская керамика отличается все же необычайным разнообразием. Особенно это касается начального периода существования ремесленных мастерских (VIII — начало IX в.). В провинции, удаленной от торговых и ремесленных центров (в верховьях Дона и Донца, в Северном Приазовье), ремесленники не смогли

---

[41] И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города.— МИА, № 33, 1954, табл. II—V.

[42] Особый интерес для выяснения генетических связей имеет кувшинчик из Фанагории (И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея..., табл. IV, 7), датирующийся по инвентарю, найденному с ним, VII в. и имеющий ряд черт, связывающих его как с ранней сарматской (сплошное лощение), так и поздней салтовской (приземистое тулово) посудой.

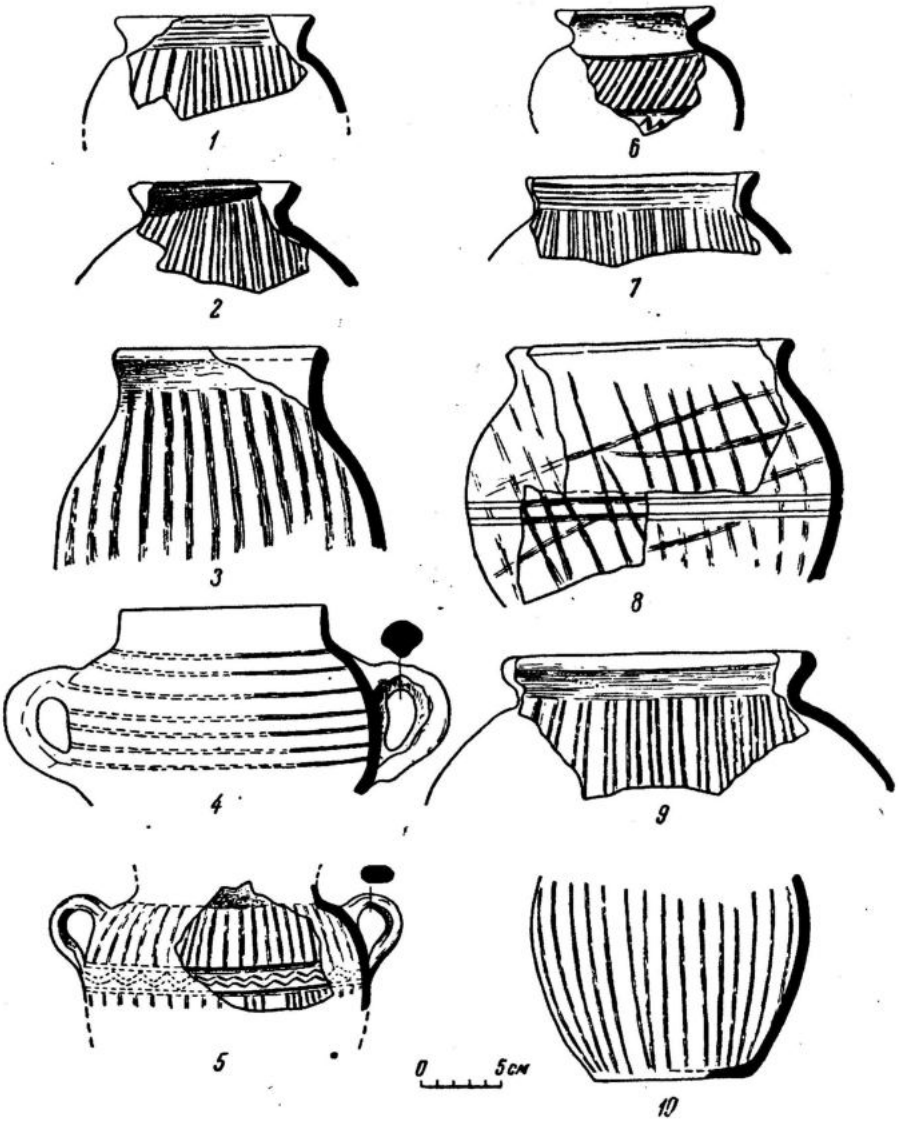


Рис. 25. Лощеные горшки и корчаги (тип Д)

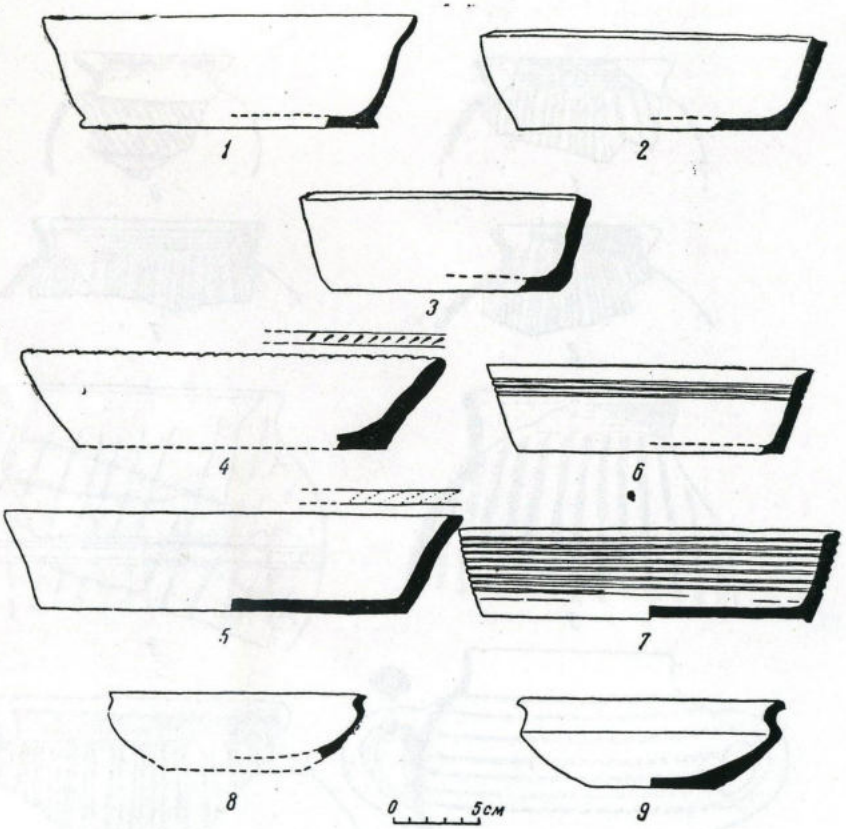


Рис. 26. Миски, изготовленные на гончарном круге

стандартизировать свою продукцию, и в X в. черепок изготовляемых ими изделий также остался прежним, т. е. серым.

В крупных городах к X в. формы лощеной керамики приобретают все большее однообразие, сухость и четкость очертаний, а в XIV—XVI вв. пифос или кувшин, вышедший из одной мастерской, с большим трудом можно отличить от аналогичного сосуда из другой, отдаленной от нее на сотни километров.

Парадную посуду с лощеной поверхностью постепенно вытесняет поливная керамика: кувшины, миски, блюда. Однако дорогостоящая поливная посуда не могла удовлетворить потребности всех групп населения, и потому наравне с ней в городе развилось производство дешевой

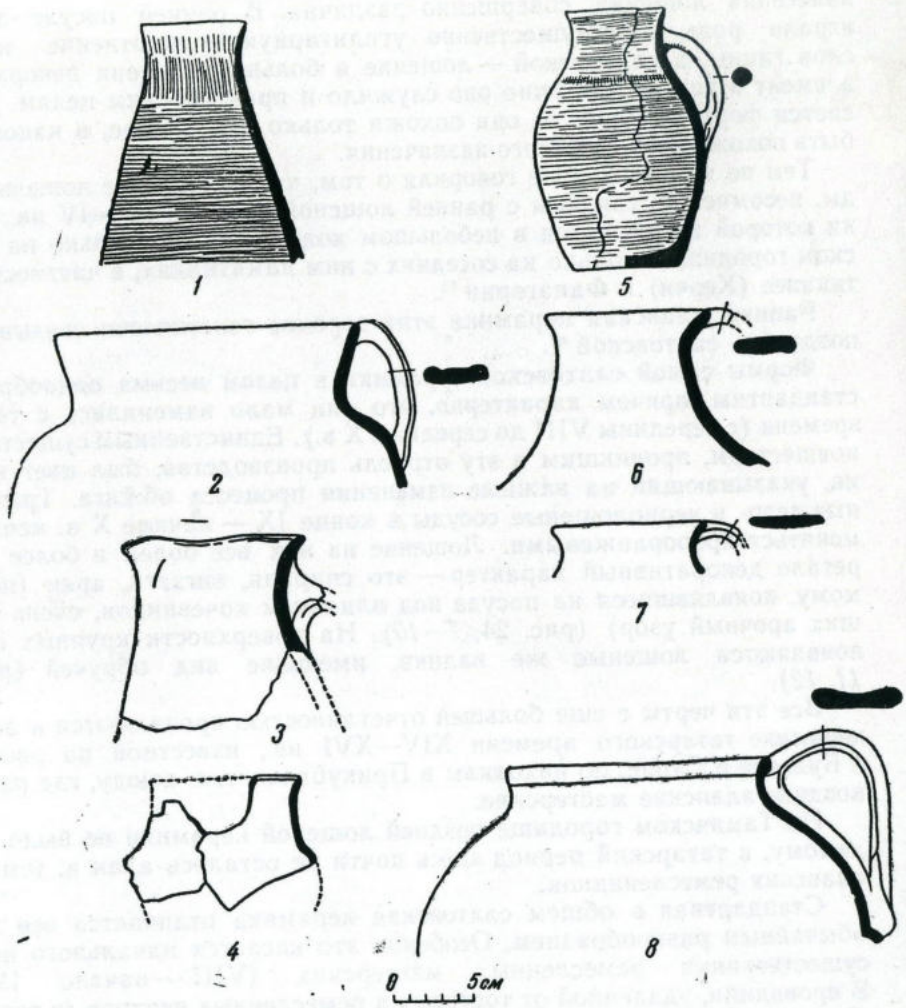


Рис. 27. Столовая неполивная посуда X—XIV вв.

без какого-либо покрытия керамики, в основном кувшинов и мисок. Обломки этих дешевых изделий в небольшом количестве прослеживаются не только в период существования поливной керамики, т. е. в X—XV вв., но и раньше. По-видимому, беднейшие слои населения всегда нуждались в простых и недорогих сосудах.

Так, в салтовских слоях (VIII—X вв.) попадаются небольшие чашечки с выпуклыми боками и изогнутым венчиком, изготовленные из того же теста, что и лощеные сосуды, а также миски с прямыми, чуть расходящимися кверху стенками, сделанные из такого же глиняного теста, как и кухонная салтовская посуда (рис. 26, *5, 7, 8, 9*). Иногда эти миски украшены сплошным линейным орнаментом, как и кухонные горшки.

В верхних слоях XI—XIV вв. встречается большое количество подобных же мисок, всегда изготовленных из такого же местного теста, что и простые кухонные горшки. Эти миски даже орнаментированы, как и горшки, насечками по краю, линейным орнаментом в верхней части стенок (рис. 26, *1—4, 6*).

То же можно сказать и о кувшинах. В слоях VIII—X вв. обломки нелощеных кувшинов попадаются очень редко. Они сделаны обыкновенно из хорошего теста, но формы их значительно примитивнее и проще лощеных (рис. 27, *1—8*). Роль столовой посуды играли горшки с одной плоской ручкой, изготовленные из того же теста и в тех же мастерских, что и высокие кувшины с плоскими ручками, относящиеся к группе тарной керамики и датирующиеся VIII—XI вв. В слое XI—XII вв. нередко попадались обломки кувшинов с широким коротким горлом и плоской ручкой, изготовленные из амфорного теста, а в слое XIII—XIV вв.— кувшины из грубого «пифосного» теста, яркокирпичного, как и пифосы того времени, обжига, со сплошным мелким линейным орнаментом по стенкам (рис. 27, *1, 5*).

Формы их не стандартны: по сохранившимся крупным обломкам можно судить, что это или яйцевидные с коротким горлом и одной ручкой кувшинчики, или удлиненно-грушевидные сосуды без ручек. Аналогии ни тому, ни другому сосуду на соседних городищах с синхронным слоем не известны. Видимо, производство этой посуды было побочным при крупных мастерских тарной керамики, расположенных поблизости от Таматархи-Тмутаракани-Матреги. Самостоятельно оно не развилось, а потому посуда эта не стала ни массовой, ни стандартной.

III. ТАРНАЯ КЕРАМИКА

Тарная керамика, в отличие от сосудов двух предыдущих групп, никогда не бывает лепной, т. е. сделанной от руки, без гончарного круга. Она всегда изготовлялась в огромных количествах в мастерских, объединявших иногда несколько десятков ремесленников.

На отделы тарная керамика делится не по способу изготовления, а по форме. Основными формами сосудов, служивших в эпоху средневековья

Рис. 28. Амфоры VIII—IX вв.

для перевозки и хранения сыпучих и жидких продуктов, можно считать следующие: амфоры, кувшины, пифосы.

Амфоры. Типология и датировка амфор IV—XIII вв. уже сделана А. Л. Якобсоном на материалах крымских и боспорских городов: Херсонеса, Фанагории, Пантикапея, Тиритаки, Мирмекия, Танаиса и др. Типология подробная, хронология амфор убедительная.

К сожалению, во время полевых подсчетов керамики обломки амфор не делились и не подсчитывались по типам. Обыкновенно учитывалось общее их количество на участке или раскопе (иногда велся учет венчиков, стенок и ручек отдельно) [43].

---

[43] М. А. Фронджуло провел огромную работу по подсчету амфорных обломков, обнаруженных у средневековых обжигательных печей близ дер. Морское, раскопанных А. Л. Якобсоном (см. А. Л. Якобсон. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму.— КСИИМК, 54, 1954; его же. Средневековые гончарные печи в районе Судака.— КСИИМК, 60, 1955). Сосчитав общее количество обломков и число плечиков амфор с основаниями или обломками ручек на них, он убедительно доказал, что в среднем каждая разбитая амфора дает 100 обломков.

Рис. 29. Амфоры XI—XII вв.

В результате мы можем сейчас говорить только о количественных изменениях в ту или иную эпоху, но не о времени появления или исчезновения различных типов амфор на городище, т. е. не об уточнении датировок, сделанных А. Л. Якобсоном. Тем не менее количество зашифрованных амфор и их обломков достаточно велико (около 2000), чтобы сделать общие заключения о соотношении различных типов амфор со слоями и глубинами (рис. 31). Соответствие датировок слоев и амфор на каждом участке полное и, что особенно важно, этот массовый материал еще раз убеждает нас в том, что перекопы слоев в Тамани не настолько значительны, чтобы существенно влиять на стратиграфию городища.

Единственным дополнением к типологии А. Л. Якобсона, сделанным нами, является сопоставление типов амфор с группами теста, петрографические анализы которого были получены в лаборатории института О. Ю. Круг. Количество обломков амфор, разделенных на группы по тесту, достигает 370, из них 150 были настолько крупными, что по ним можно было судить о типе самих амфор. Первоначально все эти обломки были визуально разделены мною на 27 групп. Образцы каждой группы прошли через петрографический (оптический) анализ.

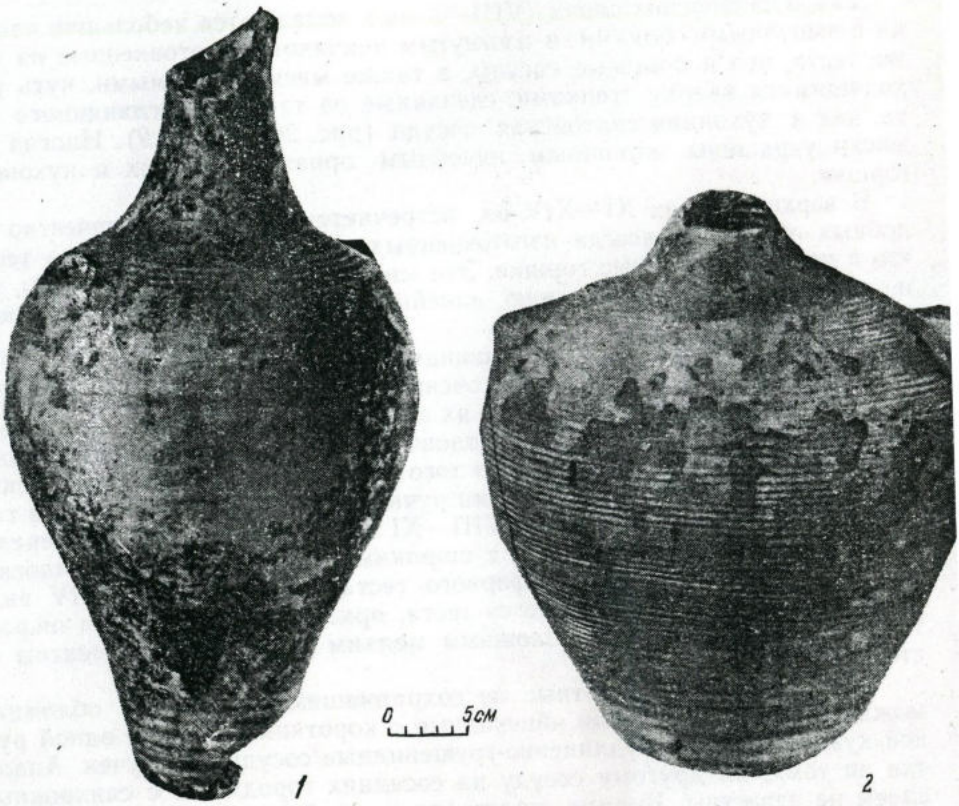


Рис. 30. Амфоры XII—XIII вв.

В итоге выделенные мною группы были объединены в восемь групп:

1. С тонким, хорошо отмученным железистым тестом.
2. С довольно плотным тестом с примесью шамота и других примесей (кварцита, карбонатов, пироксена).
3. С плотным тестом с примесью пироксена.
4. С рыхлым тестом с примесью шамота, полевых шпатов, кварцитов, карбонатов, пироксена.
5. С хорошим тонким отмученным тестом без песчанистых примесей.
6. С тестом с мелкой песчанистой примесью, более или менее заметной флюидальностью основной массы, типичной для тарной керамики,

изготовлявшейся на поселениях Таманского полуострова еще в античное время [44].

7. С плотным тестом с примесью пироксена и карбонатов.

8. С хорошо отмученным карбонатизированным тестом с примесью кальцита.

Соотношение этих групп с типами амфор приведено на рис. 32. Выводы, которые мы можем сделать благодаря этому сопоставлению, представляют значительный интерес. Во-первых, один и тот же тип амфор изготовлялся из разного теста, т. е., по-видимому, различными ремесленниками или даже различными мастерскими. Во-вторых, разные и разновременные типы амфор изготовлялись нередко из одного теста, а это значит, вероятно, что мастерские, выпускавшие эти амфоры, существовали длительный срок (иногда до 400 лет). Наконец, в-третьих, очевидно, что большинство мастерских появилось в VIII—IX вв., начав с создания амфор так называемого салтовского типа (тесто № 1, 2, 4, 5, 6). В эту же эпоху продолжали существовать мастерские, возникшие в предыдущий период — V—VI вв. (тесто № 3, 8). В конце IX — начале X в. старые мастерские прекращают свою деятельность, судя по отсутствию их продукции на городище. Вряд ли возможно определить на основании имеющихся у нас данных, какие амфоры были привозными из Византии, какие местными — боспорскими. Можно только предположить, что амфоры, сделанные из тонкого, хорошо отмученного теста (№ 1, 5, 8), были привозными. Амфоры с примесями шамота и пироксена (тесто № 2, 3, 4, 7), широко известные на всем юго-востоке Восточной Европы VIII—IX вв.,— местного производства, так же как амфоры из теста флюидальной конструкции (№ 6). Однако доказать это в настоящее время, до сравнительных анализов глин средневековых амфор из различных крымских городов и из Византии, нельзя.

Что касается распределения амфор различных групп теста по глубинам, то 370 определенных нами петрографических обломков распределяются в слоях различных участков в полном соответствии с датировками различных типов амфор. Поздние амфоры типа 1 и 2 (тесто № 1, 4, 5, 6) встречаются в слоях от X до XIII в. и преобладают, начиная с середины XI в. Амфоры салтовского периода (тесто № 2, 3) заполняют преимущественно слои VIII—IX вв. Обломки ранних амфор (тесто № 3, 7, 8) встречаются в слоях VIII—IX вв. и опять-таки преобладают в соответствующих им слоях V—VII вв.

Стратиграфически, как мы уже говорили, амфоры доходят почти до середины XIV в., однако очевидно, что производство их кончилось значительно раньше — в XIII в., после прихода в Крым татаро-монголов. Позднее местное население около столетия продолжало пользоваться большим запасом амфор, имевшихся в их кладовых. В поздних слоях

[44] О. Ю. Круг. Оптическое исследование боспорской керамики.— МИА, № 83, 1960, стр. 132.

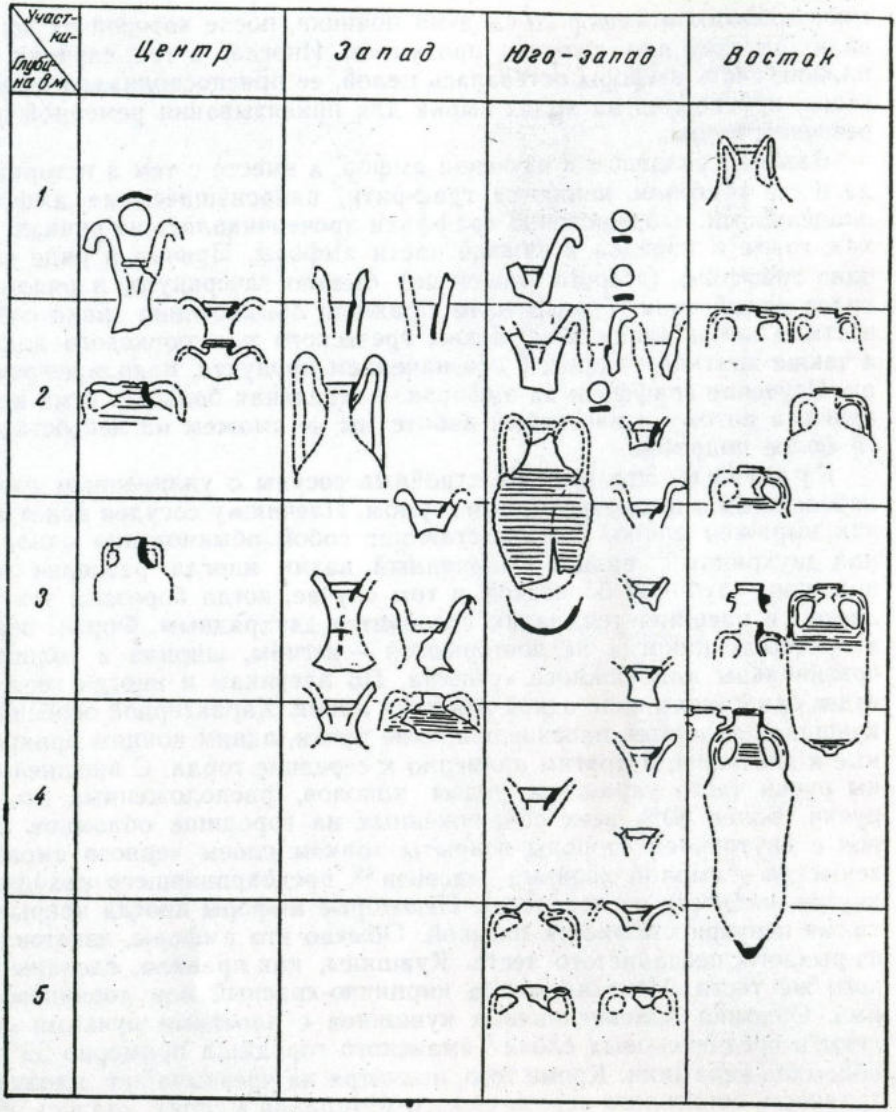


Рис. 31. Стратиграфическое распределение типов амфор на различных участках городища

много обломков амфор со следами починки, после которой их использовали как тару для сыпучих продуктов. Иногда, в тех случаях, когда нижняя часть амфоры оставалась целой, ее приспосабливали в качестве ведра, просверлив на краях дырки для привязывания ременной или веревочной ручки.

Важным разделом в изучении амфор, а вместе с тем и истории города и его торговли, являются граффити, наносившиеся на амфоры их владельцами. Обыкновенно граффити прочерчивались на ручках, плечиках, горле и изредка в нижней части амфоры. Причем в ряде случаев одно граффито (старого владельца) бывало зачеркнуто, и рядом наносился новый знак. Граффити изображали обыкновенно знаки собственности — тамги владельцев: буквы греческого или тюркского алфавита, а также краткие надписи с обозначением продукта, находящегося внутри. Изучение граффити на амфорах — отдельная большая тема исследования, а потому в настоящей работе мы не сможем на ней остановиться более подробно.

Кувшины. Это высокие стройные сосуды с удлиненным горлом и небольшими в диаметре дном и горлом. Плечики у сосудов покатые, венчик выражен слабо. Он представляет собой обыкновенно однорядный или двухрядный валик. Однорядный валик иногда разделен на две половины глубокой бороздкой, в том случае, когда бороздка эта углубляется и расширяется, валик становится двухрядным. Формы венчиков в профилях никогда не повторяются — изгибы, ширина и толщина их оригинальны для каждого кувшина. По плечикам и иногда горлу проведен орнамент в виде одной или двух линий. Характерной особенностью кувшинов являются плоские, широкие ручки, одним концом прикрепленные к плечикам, а другим примерно к середине горла. С внешней стороны ручки часто украшены рядом наколов, расположенных по длине ручки. Более 80% всех обнаруженных на городище обломков кувшинов с внутренней стороны покрыты тонким слоем черного смолистого вещества — смолой хвойных деревьев [45], предохранявшего находящиеся внутри жидкости от испарения. Некоторые амфоры иногда покрывались также изнутри смолистой пленкой. Обычно это амфоры, изготовленные из рыхлого, песчанистого теста. Кувшины, как правило, сделаны из такого же теста. Цвет их всегда кирпично-красный или коричнево-красный. Обломки красноглиняных кувшинов с плоскими ручками составляют в средневековых слоях Таманского городища примерно 50% всех обломков керамики. Кроме того, несмотря на чрезвычайно плохую сохранность остального керамического материала в слоях, удалось обнаружить более 20 целых или частично разбитых кувшинов. Таким образом, мы вполне можем судить не только о внешнем виде этих сосудов, но и

[45] Определение сделано еще в начале 1930-х годов, после раскопок Миллера. См. И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани, стр. 207.

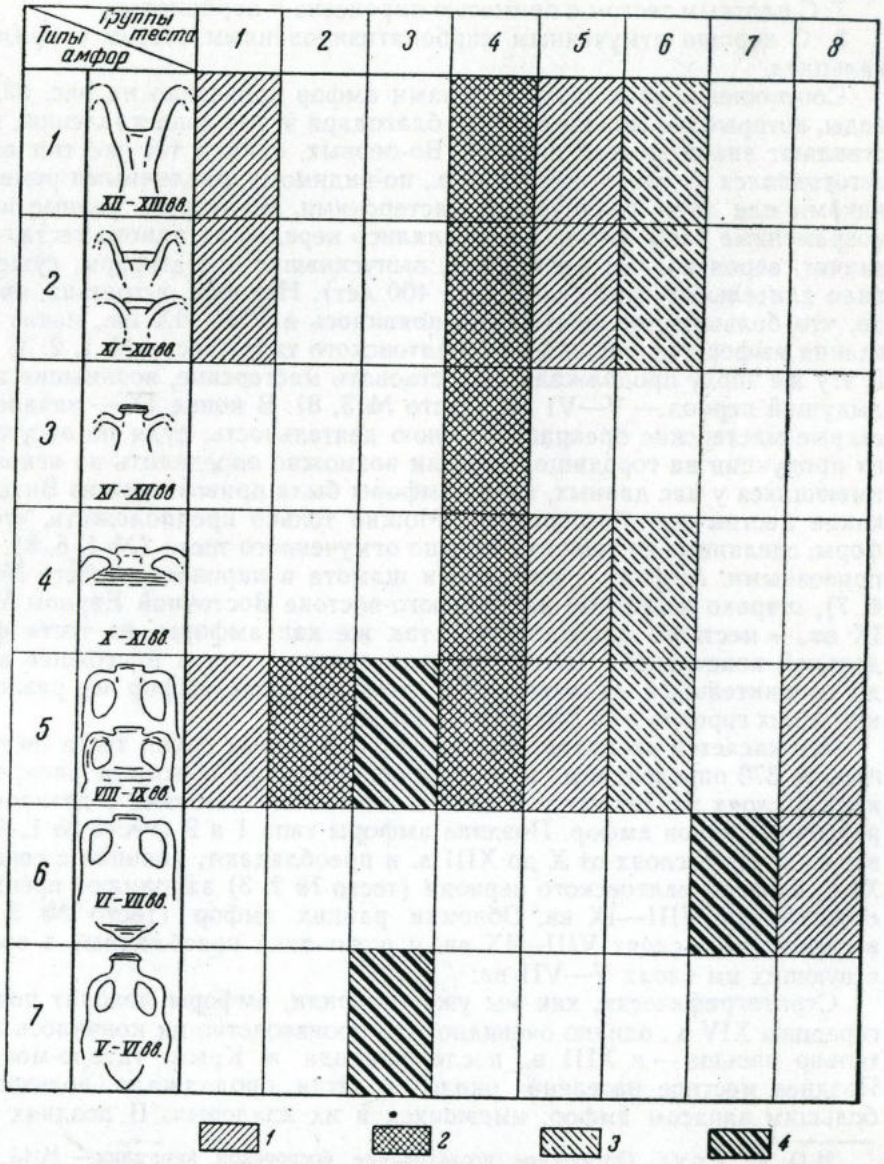


Рис. 32. Соотношение типов амфор с различными группами теста

1 — привозные амфоры, *2* — амфоры с примесью шамота в тесте, *3* — амфоры с примесью пироксенов в тесте, *4* — амфоры, изготовленные из теста флюидальной конструкции

об их эволюционном развитии, а также о времени их появления и исчезновения.

Обломки красноглиняных кувшинов начинают появляться в слое VIII в., в IX в. количество их сильно возрастает, но особенно много их в слоях X—XI вв. (рис. 33). В эти столетия резко уменьшилось количество амфорной тары, которая была заменена кувшинами не только внутри города, но, вероятно, и при торговых транспортировках. Судя по тому, что ни в Причерноморье, ни в Подонье нет ни одного городища, где было бы обнаружено такое огромное количество кувшинов, по-видимому, можно сделать заключение, что в Таматархе-Тмутаракани или где-то в ее окрестностях находился центр их производства. Оптический анализ глин позволил установить, что подавляющее большинство кувшинов, встреченных на городище, изготовлено из глины одного состава (глины с примесью видимых невооруженным глазом черных вкраплений окислов железа и пироксена), что опять-таки свидетельствует о производстве их в какой-то одной мастерской. Только небольшое число обломков кувшинов, обнаруженных на восточном участке (наиболее приближенном к пристани), относится к другой группе глин, вероятно, от привозных кувшинов.

Находки в Тамани позволяют установить, что кувшины ведут свое происхождение от обычных средневековых амфор (рис. 34, *1—5*). Вначале часть амфор изготовлялась с плоским небольшим донцем, что придавало их телу необычайную для амфор стройность (рис. 34, *1, 2*). После этого стали делать амфоровидные двуручные кувшины с коротким горлом (рис. 34, *3*). Ручки у этих кувшинов уже плоские, цвет бурокрасный. Затем началось усовершенствование новой посуды в направлении красоты и изящества формы: убрали одну ручку, удлинили горло в подражание некоторым лощеным кувшинам, сделали тулово более стройным (рис. 34, *4, 5*).

Несмотря на сравнительно небольшое количество дошедших до нас целых кувшинов, мы может наметить два периода в их развитии. Установлено, что кувшины с венчиками диаметром 6—8 см преобладают в слоях VIII—IX вв., а кувшины с венчиками в 10—12 см — X—XI вв. (рис. 35, *1—4*). Сохранившиеся полностью экземпляры с венчиками в 6—8 и 10—12 см позволяют установить еще ряд особенностей для кувшинов разных периодов развития. Кувшины VIII—IX вв. характеризуются следующим соотношением диаметров венчика, плечиков и дна: 1 : 3 : 2 и соотношением расстояния от венчика до наиболее широкой части плечиков и высоты кувшина — 1 : 3 (рис. 35, *1, 2*). Пропорции кувшинов второго периода несколько иные — 1 : 2 : 1 и 1 : 2—2,5 (рис. 35, *3, 4*). Кроме того, стенки кувшинов X—XI вв. тоньше более ранних почти вдвое, а цвет большинства из них ярко-оранжевый, в отличие от темно-красных и даже почти коричневых кувшинов первого периода. Смолению подвергалось обычно примерно 80% кувшинов как в VIII—IX, так и в X—XI вв.

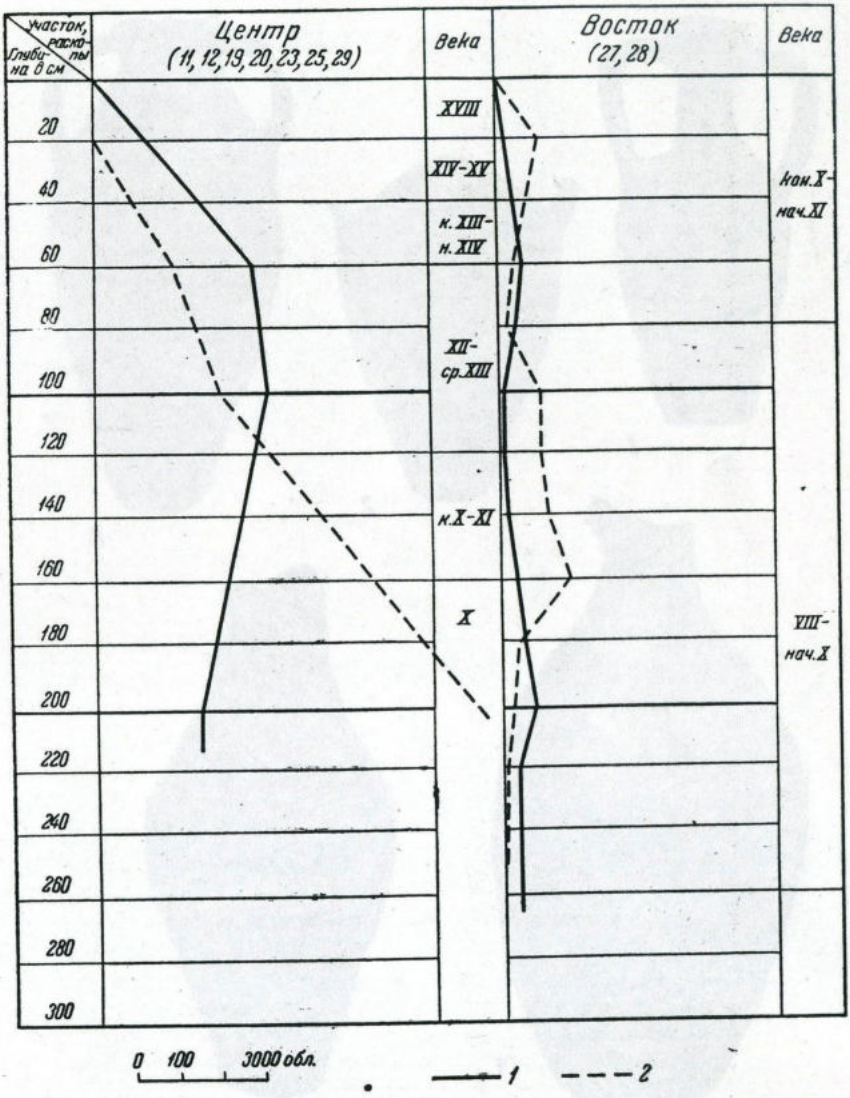


Рис. 33. Стратиграфическое распределение кувшинов и амфор на Центральном и Восточном участках

1 — амфоры, *2* — кувшины

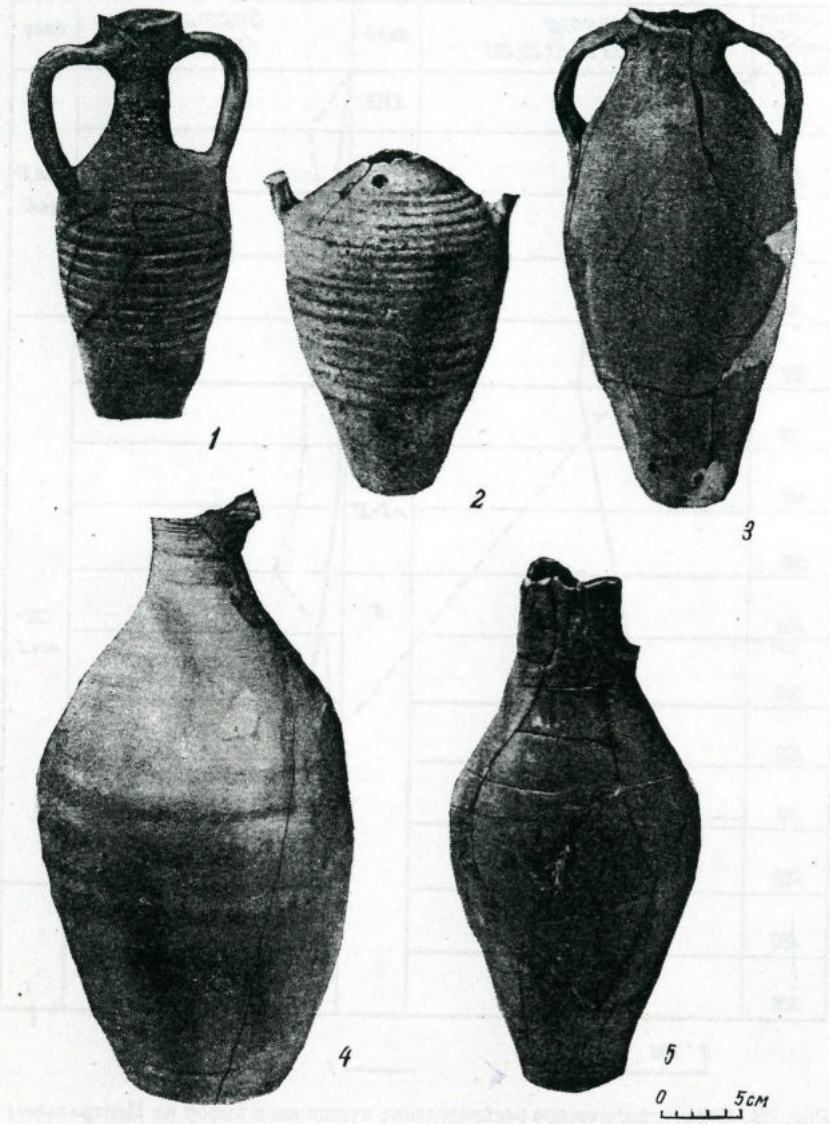


Рис. 34. Амфоры с плоским дном и подражания им, сделанные из теста, аналогичного тесту красноглиняных кувшинов

Рис. 35. Красноглиняные кувшины с плоскими ручками

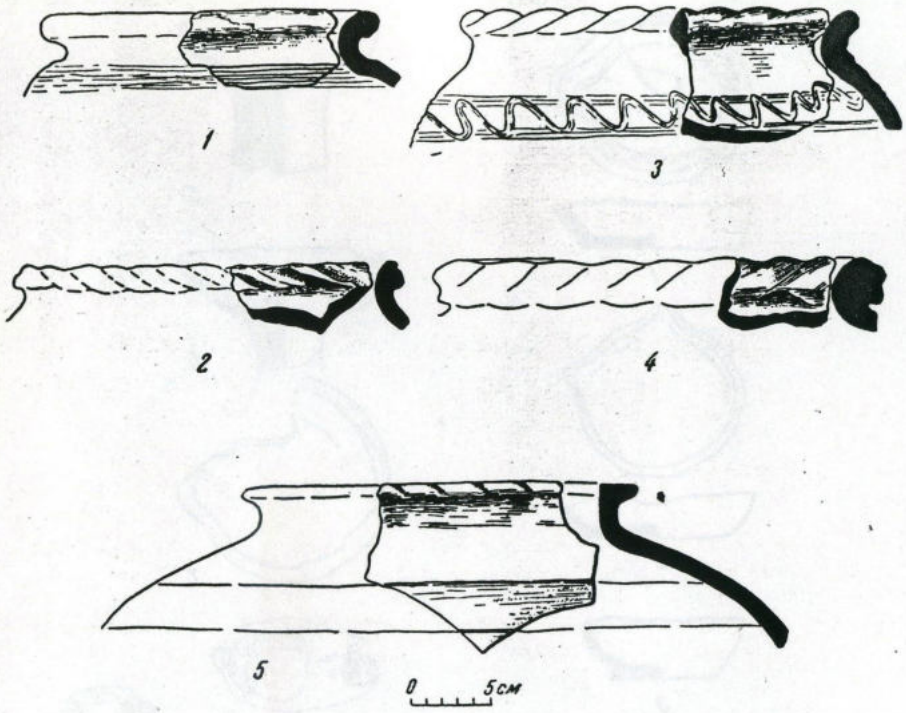


Рис. 36. Пифосы VIII—IX вв.

Аналогии красноглиняным кувшинам известны на всех крупных городищах VIII—X вв. в Крыму и Подонье. На поселениях деревенского типа на территории салтово-маяцкой культуры (т. е. в бассейне Дона) их нет. В Крыму они встречаются и на небольших поселениях, но количество их очень невелико. За пределами Северо-Восточного Причерноморья очень близкие по форме кувшины изготовлялись в Болгарии. Датируются они там IX—X вв. Основным отличием их от таманских является поливная зеленовато-коричневая поверхность, заменившая характерное для причерноморских сосудов смоление.

На кувшины изредка наносились граффити. На одном из них была вычерчена целая таблица долговых записей, расшифрованная Б. А. Рыбаковым [46].

В слоях наибольшего распространения кувшинов (конец IX — X в.) значительное место занимают обломки горшков с плоскими широкими

[46] Доклад Б. А. Рыбакова на заседании сектора славяно-русской археологии ИИМК АН СССР 17.II 1955 г.

ручками, изготовленные из того же теста, что и кувшины. Точные аналогии этим горшкам найдены были в Саркеле — Белой Веже. Датируются они там (стратиграфически) первой половиной X в.[47]

Пифосы. Обломки этих тяжелых, массивных сосудов, предназначавшихся обыкновенно для хранения сухих и сыпучих продуктов (в основном зерна), встречались на городище в очень небольшом количестве. Особенно редко попадались развалы раннесредневековых пифосов V—VII вв. Только на центральном участке в районе церкви XI в., при вскрытии ранних слоев, прорезанных фундаментами, удалось обнаружить три пифоса V—VI вв. с ножками на дне[48].

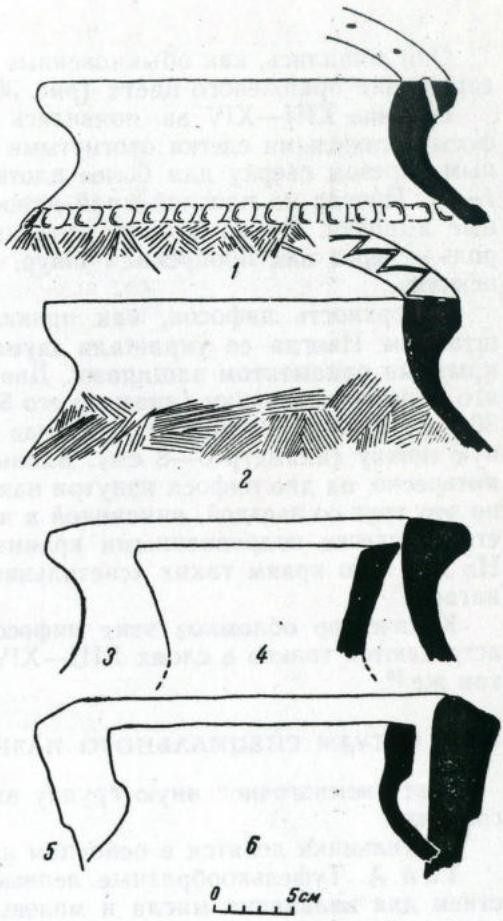


Рис. 37. Пифосы XIII—XIV вв.

В следующую эпоху — в VIII—X вв. пифосы изготовлялись из того же теста и с той же орнаментацией, что и остальная керамика. Грубые пифосы делались, как кухонные салтово-маяцкие горшки (с линейно-волнистым орнаментом). Только венчики их массивнее и нередко выглядят, как перевитый жгут из-за глубоких и широких насечек (рис. 36, *1—4*). Пифосы для жидкостей изготовляли из теста парадной лощеной посуды.

---

[47] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи, стр. 247, рис. 33, 51.

[48] Такие пифосы и обломки их довольно частая находка на крымских поселениях (см. В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень.— Сборник «История и археология средневекового Крыма», М., 1958, стр. 133, рис. 23).

Они лощились, как обыкновенные лощеные сосуды, и обжигались до серого или оранжевого цвета (рис. 36, *5*) [49].

В конце XIII—XIV вв. появились грубостенные красного обжига пифосы с тяжелыми слегка отогнутыми венчиками с плоским горизонтальным обрезом сверху для более плотного прилегания крышки (рис. 37, *1—6*). Иногда на плоский край наносился орнамент: зигзаг или сквозные дырочки. Возможно, что дырочки также играли утилитарную роль — через них пропускали шнур, которым привязывали крышку к венчику.

Поверхность пифосов, как правило, заглаживалась многорядным штампом. Иногда ее украшали двумя-тремя валиками (обручами), покрытыми орнаментом защипами. Дно у этих пифосов такое маленькое, что напоминает ножку (диаметр его 6—7 см при диаметре венчика 25—30 см и высоте 70—80 см), а иногда превращается в довольно массивную ножку (диаметр 6—8 см). Вдоль ее нижнего края и, что особенно интересно, на дно пифоса изнутри наносился орнамент наколами (обычно это круг со звездой, вписанной в него). Когда пифос ломался, донце его со слегка подровненными краями использовалось как светильник. На дне и по краям таких «светильников» хорошо видны следы сажи и нагара.

Количество обломков этих пифосов очень незначительно, все они встречаются только в слоях XIII—XIV вв. В Херсонесе они датируются так же [50].

IV. СОСУДЫ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В эту немногочисленную группу входят светильники и игрушечные сосудики.

Светильники делятся в основном на три типа.

Тип А. Туфелькообразные лепные светильники с большим отверстием для наливания масла и маленьким для фитиля (рис. 38, *8, 9*), иногда с ручкой на «заднике» туфли. Размеры колеблются от 6 до 12 см (длина), 3—6 см (ширина) и 3—5 см (высота). Все находки светильников этого типа сосредоточены в слоях IV—VI вв. почти исключительно на восточном участке. Аналогии им известны в слоях II—III вв. в Илурате, Тиритаке, Мирмекии и др. [51] Очевидно, что туфелькообразные светильники перешли в раннее средневековье почти неизменными из догуннской эпохи.

---

[49] Лощеные грубые пифосы VIII—IX вв. хорошо известны благодаря раскопкам Саркела — Белой Вежи и соседних с ним поселений. См. С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи, рис. 6; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры..., стр. 111, рис. 7; стр. 113, рис. 8.

[50] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес.— МИА, № 17, 1950, стр. 108, рис. 64, 65.

[51] Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Илурата, рис. 4.

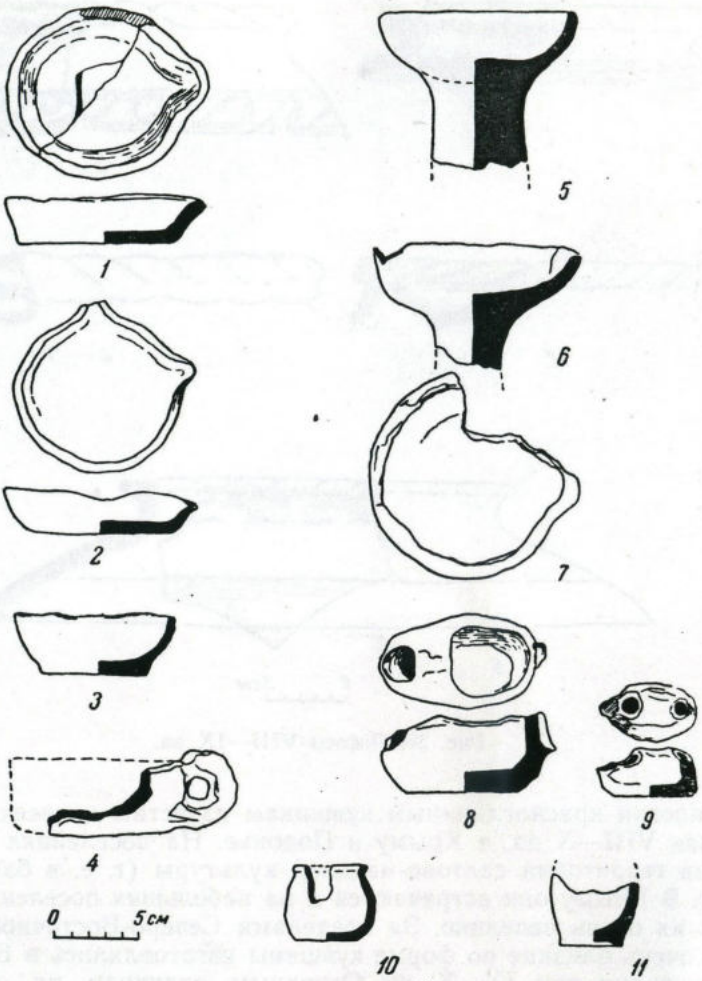


Рис. 38. Светильники (типы А, Б, В)

Тип Б. Лепные светильники на ножке (рис. 38, *5, 6*). Чашечка све тильника круглая в плане, иногда со слабо выделенным носиком. Ножка массивная лепная на небольшой расплющенной подставочке. Раз меры: диаметр чашечки 10—15 см, высота всего светильника 15—20 см Светильники на ножке встречаются, как и предыдущие, только в ран них слоях (примерно от V в. и доходят стратиграфически до IX в.) Они также пришли в раннее средневековье из античности. Подобны

им сосудики на ножке встречаются и в Илурате, в слое первых веков н. э.[52] Кроме того, аналогичные светильники попадались в хазарском слое Саркела — Белой Вежи вплоть до середины X в.[53] Причем нередко они изготовлялись там на гончарном круге из такого же глиняного теста, что и кухонные салтово-маяцкие горшки[54].

Тип В. Низкие широкие чашечки с плоским дном и одним или двумя носиками для фитильков. Диаметр чашечек 10—12 см, высота — 3 см (рис. 38, *1—3*). Такие открытые светильники найдены только в слоях XI—XIII вв. Они являются типичной находкой в слое конца X—XII в. в Саркеле — Белой Веже, т. е. в русском слое городища[55]. Встречаются они и на других древнерусских памятниках (например, в Любече, Донецком городище и др.).

Иногда в качестве светильников использовались обычные небольшие чашечки с ручкой или без ручки (рис. 38, *4*), а также нижняя часть (донца) горшков и особенно часто красноглиняных кувшинов.

Игрушечные сосудики — редкие находки на городище. Обыкновенно это маленькие горшочки с большей или меньшей тщательностью вылепленные из того же теста, что и большие кухонные лепные сосуды.

* * *

Хронологическая разница между раскопанными на Таманском городище участками настолько велика, что не позволяет составить общую четко датированную послойно-штыковую схему для городища в целом. Руководствоваться при составлении стратиграфических таблиц каким-либо одним участком или раскопом мы тоже не можем, поскольку ни один из участков не дает нам полного представления о составе керамического материала всего городища. Так, например, тщательные послойные подсчеты материала на стратиграфическом раскопе V, расположенном в северо-восточном углу городища, в большой степени теряют значение не только потому, что раскоп не был доведен до конца, т. е. до античного слоя (работа была прервана на слое X в.), но и потому, что на этом раскопе в соответствующих слоях совсем не представлена ни славянская, ни русская, ни кочевническая посуда. То же можно сказать и о других раскопанных участках — в центре раскопы были доведены до слоя начала IX в., на западе и юго-западе — до слоя начала X в., на востоке — до античности, но зато верхний дерновый слой датируется самым началом XII в., т. е. здесь совершенно отсутствуют слои XII—XIX вв. Большое значение имеют топографические различия материала, каждый участок характеризуется своим особым ассортиментом керамики. Общие подсчеты чрезвычайно затруднены также и тем, что

[52] Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика. Илурата, табл. VI, *5*, *7*.
[53] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи, рис. 38, 52.
[54] Там же, рис. 11.
[55] Там же, рис. 52.

не на всех участках и не на всех глубинах фиксация материала велась с одинаковой точностью, с учетом всех типов и разновидностей керамики. Следует помнить, что на западном и юго-западном участках керамику считали не по типам, а по группам или, в лучшем случае, отделам (амфоры, кувшины, кухонная керамика, лощеная керамика, поливная). Однако мы имели возможность сделать и проверить некоторые подсчеты уже при камеральной обработке материалов, поскольку обломки кухонной и парадной посуды брались и шифровались почти полностью.

Все перечисленные трудности, из которых, как уже говорилось, основной является неравномерность залегания слоев в различных районах городища, сделали невозможным составление такой общей стратиграфической таблицы, в которой были бы учтены и приведены в соответствие глубины, слои и хронологические (исторические) периоды жизни этого памятника.

Нам кажется, однако, что ее вполне может заменить таблица, в которой исторические периоды сопоставляются с некоторыми основными типами керамики. При этом различные типы керамики объединяются нами в культурно-этнические группы (рис. 39).

История средневековой Тамани делится на шесть периодов, каждый из которых можно назвать по имени основного народа, владевшего городом и его окрестностями и тем самым влиявшего на его жизнь и экономику: 1-й период — послегуннский — V—VII вв., 2-й период — хазарский — VIII — первая половина X в., 3-й период — русский — вторая половина X—XI в., 4-й период — половецкий — XII — первая половина XIII в., 5-й период — татарский — середина XIII — начало XIV в., 6-й период — генуэзский — XIV—XV вв.

1-й период. Гуннское нашествие в IV в. положило начало новой эпохе в истории европейских народов — эпохе средневековья. Для многих народов, государств и городов кровавый IV век принес гибель и разорение. Древний античный город Гермонасса, лежавший в стороне от основных степных дорог, по которым двигались гунны, пострадал от их полчищ значительно меньше, чем другие города.

Судя по археологическим материалам, жизнь в городе не только не прекратилась, но и не претерпела заметных изменений. Об этом свидетельствует, во-первых, спокойная стратиграфия городища, не прерванная на соответствующих глубинах пожарищами и стерильными прослойками и, во-вторых,— керамика.

Раннесредневековые слои Таманского городища характеризуются следующим составом керамических находок: обломками лепных горшков (типа А), лепными кувшинами, нередко со «звериными» ручками, лепными мисками с загнутыми внутрь краями, краснолаковой импортной посудой (чашечками) и сравнительно небольшим количеством амфор.

Кухонные горшки в этом слое почти не отличаются от горшков из слоя первых веков н. э. На многих из них попадаются налепы-ручки

вдавления по венчику и краю. Формы лепных кувшинов и мисок также ведут нас в ранние слои, к началу первого тысячелетия. Следует отметить, что несмотря на разительное сходство керамических комплексов раннесредневековых и позднеримских слоев, в средневековье наблюдается общее обеднение комплекса из-за уменьшения типов сосудов и изменения и упрощения их форм. Тем не менее в целом местная керамика осталась такой же, какой она была до гуннского нашествия, а это, несомненно, означает, что этнический состав населения в городе не изменился.

Незначительное количество лощеной посуды, которую исследователи обыкновенно связывают с притоком аланского населения в боспорские города[56], говорит, по-видимому, о том, что в Гермонассе в первой половине I тысячелетия алан было немного. Вполне правомерно предположить, что население было и оставалось «варварским» меото-синдским как в догуннскую, так и в послегуннскую эпохи. Правда, в конце 1-го периода, в VII в. начинают проникать в город какие-то новые этнические элементы, характеризующиеся лепной керамикой с валиками (рис. 10). Поселения с обломками подобных горшков еще мало исследованы. Связывать их с определенным племенем или союзом племен мы пока не можем, очевидно только, что это кочевники и в то же время не болгары и не хазары. Возможно, это были авары, проходившие через южнорусские степи в VII в., или венгры, передовые отряды которых появились в Причерноморье в VIII в.[57] Кроме керамики с валиками, в слоях VII в. начинают попадаться горшки с примесью травы или соломы в тесте, с заглаженной пучками травы поверхностью. Эти последние, очевидно, кочевнические сосуды. Появление их на городище свидетельствует о заселении города какой-то большой группой кочевников. Поскольку аналогии подобным горшкам мы знаем на донских поселениях болгарских племен, можно с уверенностью говорить о том, что обломки этих горшков являются остатками болгарской посуды.

Что касается торговых связей города, то о них можно судить по привозной керамике — краснолаковым чашкам и частично — амфорам. Ни в одном из исследуемых городов Боспора краснолаковая керамика не заходит так глубоко в средневековье — мы встречаем ее в сравнительно большом количестве не только в слое V в., где она еще могла оставаться от предыдущего периода, но даже в слое VIII в.

Если предположить, что ввоз и производство краснолаковой керамики окончились значительно раньше VIII в., совершенно очевидно, что гуннское нашествие не было причиной прекращения внешней торговли города. Во всяком случае она была настолько быстро восстановлена, что это не отразилось существенно на составе византийского импорта.

---

[56] И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея..., стр. 113.
[57] С. А. Плетнева. Средневековые поселения на Белой Калитве.

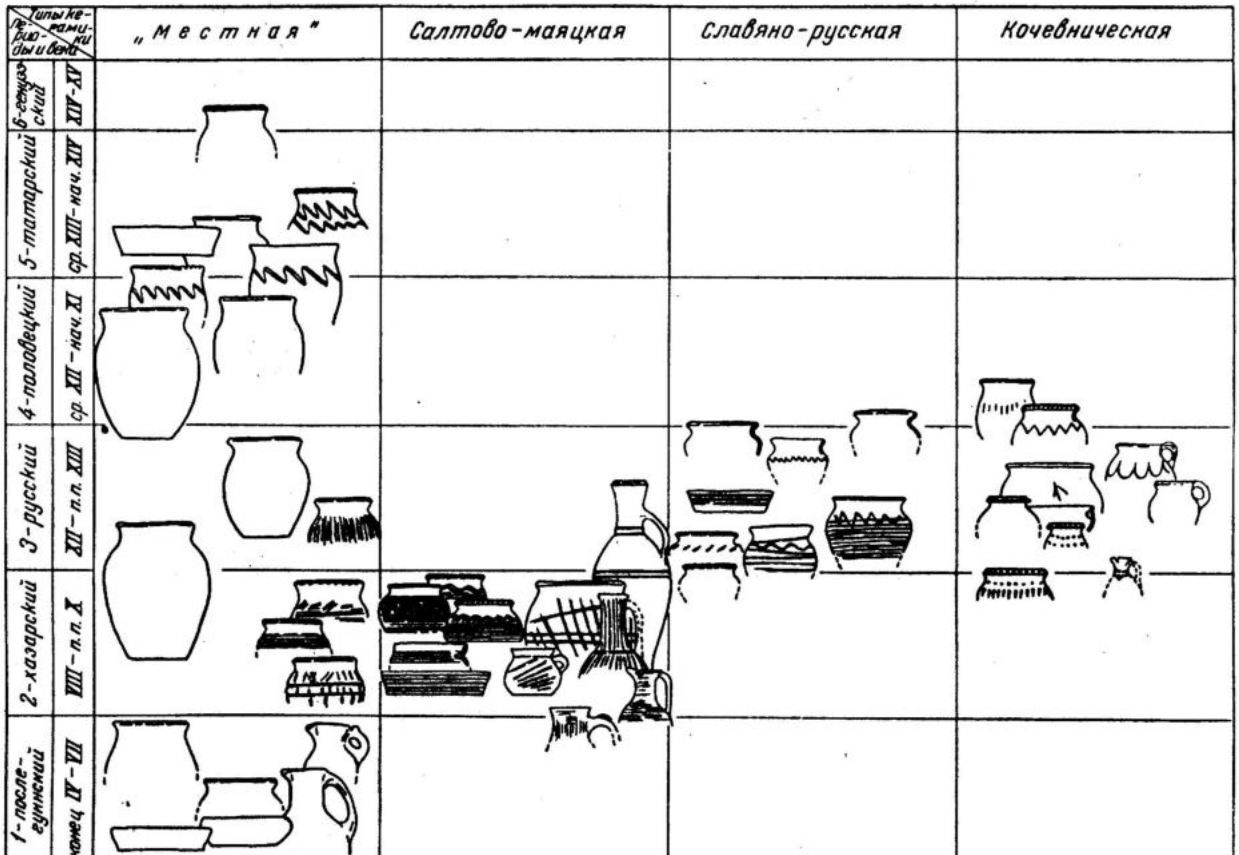


Рис. 39. Таблица соотношения основных типов керамики с периодами жизни города в эпоху средневековья

Это подтверждается также и амфорами, из которых часть, судя по тесту, явно привозная.

В начале VI в. Боспор и, по-видимому, Гермонасса вновь приняли византийское подданство[58]. Однако, несмотря на незатухающие связи с Византией, город, вероятно, не играл большой роли и не представлял интереса для империи, поскольку о нем нет никаких известий в раннесредневековых хрониках и иных письменных документах V—VII вв. Именно поэтому мы не знаем, как назывался город в этот период, сохранил ли он старое имя — Гермонасса или уже получил новое — Матарха (Таматарха, Матлука, Матрика, Тмутаракань).

2-й период. Он длился более 200 лет — с начала VIII до середины X в. Именно в этот период хазарский каган Иосиф называл его Матлукой, а византийский император Константин Багрянородный — Таматархой. В конце VII в. Таматарха была занята хазарскими войсками[59]. В этом же столетии она стала одним из крупнейших городов Хазарского каганата, вступившего в полосу наивысшего экономического, культурного и политического подъема. Этот подъем выразился, прежде всего, в массовом оседании кочевников на землю, в появлении многочисленных ремесел, в создании единой мощной культуры, известной под именем салтово-маяцкой, в захвате большинства боспорских и крымских городов. Обычно полагают, что в этих городах были посажены хазарские наместники — тудуны, основное же население осталось прежним[60]. Если это действительно так, то совершенно необъяснимым является резкое различие керамического комплекса в 1-м и 2-м периодах жизни города. VIII—IX вв.— это расцвет на городище так называемой салтово-маяцкой керамики от кухонных горшков до амфор включительно. Кухонные горшки, покрытые сплошным линейным и линейно-волнистым орнаментом, почти полностью вытеснили сделанные от руки яйцевидные горшки местного типа. То же можно сказать и о замене грубых лепных кувшинов и мисок великолепными лощеными сосудами. Прежде всего, смена керамического комплекса объясняется широким внедрением гончарного круга, т. е. появлением в городе ремесла. То, что ремесло было местное — городское, подтверждается составом теста кухонных и лощеных сосудов: оно отличается примесью местного морского песка с дробленой ракушкой. Всюду в Причерноморье, в Подонье, на Нижней Волге, куда проникал гончарный круг, появлялась эта характерная и сравнительно однообразная керамика. Причем интересно, что в то время, как в городах она преобладает, в деревенских поселениях Крыма ее значительно (примерно в два-три раза) меньше, чем лепной кухонной керамики. В то же время на поселениях Подонья

[58] Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, т. 1. СПб., 1862, стр. 143, 144; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес.— МИА, № 63, 1959, стр. 18.

[59] А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 36.

[60] Там же.

она, несмотря на отдаленность от крупных городов, является основной, а иногда и единственной посудой.

Создателями ее, как и всей салтово-маяцкой культуры в целом, были многочисленные племена, объединенные крепкой административной властью Хазарского каганата. В него входили, как известно, не только хазарские и болгарские племена, но и значительная часть алан, переселившихся в Подонье и оставшихся на Северном Кавказе, а также, несомненно, и крымское, и боспорское население, отличавшееся в свою очередь большой этнической пестротой. В основном распространение салтово-маяцкой керамики (кухонной и парадной вместе) совпадает с границами Хазарского каганата периода его расцвета. Однако, очевидно, что творцами ее были не хазары, а два крупнейших народа, входивших в состав каганата: аланы и болгары. В том же VIII в. на Дунае болгарские племена, так же как в каганате сильно перемешанные с местными племенами и славянами, создали культуру, чрезвычайно близкую к салтово-маяцкой. В мастерских Дунайской Болгарии изготовлялись сосуды, совершенно аналогичные посуде ремесленников Подонья, Крыма и Приазовья, в частности Таматархи.

Таким образом, нам кажется вполне правомерным предположение о том, что несмотря на большую этническую пестроту Хазарского каганата, несмотря на несомненное преобладание в Таматархе местного населения, ремесленные гончарные мастерские возникли здесь в VIII в. по инициативе пришедших вместе с хазарскими властями новых поселенцев. Скорее всего это были аланские и болгарские отряды и небольшие группы, бежавшие из предгорий Кавказа и Прикубанья от опустошительных походов арабских полководцев Масламы и Марвана в первой половине VIII в. До этого алан в Таматархе, как уже говорилось, почти не было. Что касается болгар, то проникновение их в Крым началось, возможно, и раньше, поскольку в слое VII в. попадались обломки кухонных горшков со следами заглаживания травой, имеющие несомненное сходство с лепными горшками из болгарских поселений Подонья. Появление болгар в Таматархе именно в VII в. также вполне объясняется историческими событиями. В середине VII в. хазары разгромили недолговечный болгарский союз племен, после чего началось движение болгар на Дунай, на Волгу и, по-видимому, частично в Боспор и Крым под покровительство Византии.

Хазарский каган, власть, сила и богатство которого в значительной степени зависели от развития ремесел и особенно внешней торговли, всячески поощрял их, заключая договоры с Византией, обеспечивавшие мир и крепкие торговые связи с империей.

Помимо ремесленных мастерских, изготовлявших лощеную и кухонную посуду, в эти же годы появились в Крыму и Боспоре большие мастерские, выпускавшие массовую продукцию, в основном, тарную керамику — амфоры и кувшины. Вероятно, амфоры, изготовлявшиеся из теста № 2—4,6 (рис. 32),— местного производства. Судя по тесту, все

они представляют собой продукцию четырех разных мастерских. Кроме того, появилось много привозных амфор, также, очевидно, изготовлявшихся в различных мастерских, каждая из которых имела свои собственные, отличные от других, производственные приемы как в изготовлении теста, так и в обжиге.

Начиная с IX в., необычайный расцвет переживает в Таматархе производство красноглиняных смоленых кувшинов, являвшихся, как мы видели, характернейшей находкой для хазарского периода жизни города. Причем, в отличие от большинства гончарных мастерских, мастерские, где изготовлялись кувшины, не прекратили существование в следующий (русский) период, напротив, количество их в слоях X—XI вв. увеличилось, что, вероятно, означает расширение производства.

В слое X в., в самом конце хазарского периода, попадаются обломки славянских горшков (роменских), а также обломки кочевнической (печенежской) посуды, украшенной богатым орнаментом (типы Г и Е). По-видимому, появились они в Таматархе, примерно, в те же десятилетия, что и в Саркеле, т. е. в начале X в. Проникновение славян и особенно печенегов в хазарские города и крепости, мне кажется, можно связывать с нашествием печенегов в южнорусские степи. Славяне из разоренных печенегами поселений бежали не только на север и северо-запад, но и на юг под защиту каганата. В то же время печенеги, захватившие степи Подонья, начали проникать в близлежащие хазарские города. В пограничном Саркеле их использовали даже в качестве гарнизона, они заселили в основном цитадель Саркела, о чем свидетельствует большое количество их посуды, обнаруженной в пределах цитадели, и почти полное отсутствие ее на остальной площади городища. В Таматархе они тоже, судя по находкам, занимали весьма определенные районы — в центре и на западной окраине города.

Однако в то время, как в Саркеле славян и кочевников было столько же, сколько владельцев и строителей крепости — «салтовцев», в Таматархе процент их незначителен.

3-й период. Начало третьего — русского периода жизни города — связывается нами с походом Святослава на Хазарию в 965 г. Каганат после этого похода фактически перестал существовать, окончательно рухнула подорванная еще печенегами экономика, прекратили работу почти все ремесленные мастерские, были нарушены издревле налаженные связи с Византией, бывшей в те годы в весьма враждебных отношениях с Русью.

Все это, как нельзя лучше, прослеживается на керамических материалах Таманского городища.

Слой X—XI вв. характеризуется, прежде всего, увеличением лепной кухонной посуды и исчезновением кухонной и парадной лощеной посуды предыдущего (хазарского) периода. Вместе с этим исчезают из употребления амфоры, изготовленные из теста с примесью крупнодробленого шамота и пироксена (тесто № 2, 3), амфоры наиболее харак-

терной для хазарского периода формы (с удлиненным горлом и ручками с продольным валиком на внешней стороне). Очевидно, погибают две или несколько мастерских, пользовавшихся тестом этих групп. Однако прекращают работу далеко не все мастерские тарной керамики. Вместе с амфорными продолжают работать местные мастерские красноглиняных кувшинов и, как уже говорилось, они даже несколько увеличивают сравнительно с концом хазарского периода количество выпускаемой продукции.

Кроме того, в слое X—XI вв. попадались обломки типичных для этого времени древнерусских горшков. Немногочисленность обломков свидетельствует, по-видимому, о малых размерах мастерской. Местное население пользовалось своей лепной посудой. Люди, употреблявшие русские горшки и миски, жили преимущественно на центральном и западном участках, т. е. в районах, где от периода пребывания и власти русских в Тмутаракани остались наиболее уловимые следы, а именно: мощные фундаменты церкви и сырцовые стены, возведенные во время пребывания и княжения здесь князя Мстислава Владимировича.

Интересно, что на этих же участках продолжают встречаться немногочисленные обломки кочевнической керамики, которую можно, очевидно, связывать с печенегами, игравшими в городе роль поросских черных клобуков.

Несмотря на строительство, начатое в Таматархе-Тмутаракани при Мстиславе Владимировиче, несмотря даже на появление и развитие некоторых ремесел, совершенно ясно, что период конца X—XI в. это — время упадка ремесла и торговли города. Резкое сокращение импортных товаров, в частности амфор и поливной посуды [61], гибель десятков мастерских, изготовлявших посуду салтово-маяцких типов, является, на наш взгляд, неопровержимым доказательством этого. Развитие производства своей собственной тары — красноглиняных кувшинов — только подтверждает то обстоятельство, что в XI в. связи с Византией ослабели или даже совсем заглохли. Интересно, что в этом же XI в. появилось и развилось на Тамани производство стеклянных браслетов, импорт которых в это время совершенно прекратился [62].

Таким образом, местные ремесла возникали в Тмутаракани именно в результате ее экономической оторванности от культурных центров: Византии, Херсонеса, Киева и др. Однако, как мы видели, гончарные мастерские кухонной посуды так и не стали изготовлять продукцию в необходимом количестве. В то время как салтово-маяцкие кухонные горшки полностью заполнили городской рынок и вытеснили лепную керамику, русская мастерская смогла удовлетворить потребности только очень узкой группы населения.

---

[61] См. статью Т. И. Макаровой «Поливная керамика Таманского городища» в этой книге.

[62] См. статью Ю. Л. Щаповой «Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани» в этой книге.

Итак, разница между богатым торговым городом Таматархой времен Хазарского каганата и запустевшей Тмутараканью — городом русских князей — бросается в глаза даже при анализе только керамического материала [63]. Объясняется это разницей требований, которые предъявлялись к этому городу хазарскими и русскими властями. Хазарский каган всячески поддерживал торговлю, поскольку она была крупнейшим источником дохода. Русские князья, оторванные от русской земли десятками дней пути, стремились создать из захваченной ими Тмутаракани крупный военный пост.

Наиболее близким к Тмутаракани памятником является Саркел — Белая Вежа [64]. Саркел был взят Святославом в 965 г., и затем на развалинах хазарского города возник русский город Белая Вежа. Различие между ними заключается не только в том, что средневековая Таматарха-Тмутаракань просуществовала более 1000 лет, а Саркел — Белая Вежа всего 300 лет, но и в том, что как в хазарский, так и в русский периоды Саркел — Белая Вежа был значительно сильнее «славянизирован». Объясняется это близостью славянских поселений к Саркелу — некоторые из них находились от него на расстоянии 75—100 км (хутор Ближняя Мельница) [65]. Кроме того, Белая Вежа представляла для русских больший интерес, чем Тмутаракань, в торговом отношении, поскольку в ней скрещивались дороги, ведущие в Закавказье и Хорезм.

Основное население в Белой Веже оставалось местным (также весьма этнически пестрым), но оно было полностью вовлечено в сферу русской жизни и культуры.

В Тмутаракани же, судя по рассматриваемому нами материалу, этого не произошло. Несмотря на это, местное население так и не восстановило своей прежней культуры. Мастерские, изготовлявшие прекрасные кухонные и парадные салтово-маяцкие сосуды, так и не возобновили работу. Наоборот, примерно в середине XI в. прекратили свою деятельность даже ремесленники-кувшиноделы. Развитие местной культуры после того, как русские оставили Тмутаракань, пошло по иному пути.

4-й период. В 1117 г. русское население покинуло под давлением половцев Белую Вежу [66]. Примерно в это же время ушли русские и из Тмутаракани. В конце XII в. русские князья могли только мечтать, что

---

[63] Непонятно, почему А. Л. Якобсон, ссылаясь на материалы из раскопок 1930—1931 гг. и 1952—1955 гг., пишет о слабой заселенности города в хазарское время и густо населенном русском городе — ремесленном центре в XI в. (см. А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма.— МИА, № 85, 1958, стр. 479, 480). Как мы видим, анализ материала приводит к совершенно иным выводам.

[64] М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа.— МИА, № 62, 1958.

[65] И. И. Ляпушкин. Славянские поселения на территории хутора Ближняя Мельница.— МИА, № 62, 1958.

[66] «Повесть временных лет», ч. 1. М.— Л., 1950, стр. 202.

в походе на половцев им посчастливится «поискати града Тмутаракань»[67], т. е. дойти до Тмутаракани и взять ее.

С начала XII до середины XIII в. длился половецкий период истории Тмутаракани или, как называли ее современники, Матрахи[68], Матрики[69].

Что же отличает слой XII—XIII вв. от предыдущего? Во-первых, в нем нет красноглиняных кувшинов (небольшой процент обломков вполне можно отнести за счет перекопов). Во-вторых, резко увеличивается количество амфор (в основном привозных). В-третьих, в нем отсутствуют обломки русских горшков, и примерно в середине XII в. появляются местные круговые сосуды. Количество грубых, сделанных от руки, горшков постепенно уменьшается. На донцах горшков из слоя XIII в. часто прослеживаются квадратные углубленные отпечатки — следы от гончарного круга, еще не освоенного ремесленниками.

Таким образом, вместо небольшой русской мастерской в городе в середине X в. появилась гончарная мастерская кухонных сосудов, почти полностью удовлетворявшая своей продукцией все городское население. В конце этого столетия в Матрахе или ее окрестностях возникли мастерские, изготовлявшие столовую прекрасного качества поливную керамику.

Большое количество привозных амфор несомненно свидетельствует об оживлении торговых связей с Византией и Херсонесом. Естественно, что половцы, захватившие Тмутаракань, прежде всего начали налаживать ее торговлю. В городе, по словам Идриси, была постоянная ярмарка, «куда приходят со всех окружающих земель и даже из отдаленных краев»[70]. Половецкие ханы, как и хазарский каган, получали огромные доходы от торговых пошлин, а потому для них было чрезвычайно важно захватить все приморские города и всемерно поддерживать через них и с ними торговые связи. Матраха превратилась в крупный торговый перевалочный пункт.

При подсчетах керамических материалов, относящихся к этому периоду, бросается в глаза увеличение количества кухонной керамики сравнительно с предыдущим (русским) периодом. Вероятно, мы имеем право связывать это с сильным количественным ростом населения в Матрахе. Причем следует подчеркнуть, что увеличивалось, по-видимому, число местного — основного населения города, поскольку кухонная лепная керамика удивительно однотипна. В то время как в слое русского периода попадались сосуды, которые мы можем связывать с кочевниками, в половецкий период их уже нет — очевидно, оседавшие в Мат-

---

[67] «Слово о полку Игореве». М.— Л., 1950, стр. 19.

[68] Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 года.— КСИИМК, 43, 1952, стр. 18.

[69] «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 88, 89, 223.

[70] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 18.

рахе половецкие семьи пользовались общей для основного населения посудой. Особенно это касается последних десятилетий половецкого периода, когда лепная керамика была полностью вытеснена круговой.

5-й период. Период татарского владычества в городе длился около 100 лет (середина XIII—начало XIV в.). Слои этого времени характеризуются резким уменьшением амфорной тары, появлением тяжелых и грубых красноглиняных пифосов, большим количеством поливной и кухонной керамики, изготовленной только на гончарном круге.

Несмотря на сокращение ввоза амфор, очевидно, и в татарский период город оставался сравнительно крупным торговым центром, ведущим в основном торговлю с Константинополем, о постоянных связях с которым писал в середине XIII в. монах, дипломат и путешественник Вильгельм Рубрук [71]. Состав населения в Матрике оставался прежним. Это — разноэтничные потомки всех тех народов, которые основали, строили, разрушали и завоевывали город в прошедшие столетия его бурной истории.

6-й период. XIV—XV вв. представлены на городище менее разнообразными керамическими материалами. В слое этого времени совершенно отсутствуют амфоры, много, как и в 5-й период, грубых пифосов и поливной местной, т. е. крымской, посуды. Количество кухонной керамики существенно уменьшается. Все это явно свидетельствует о каком-то затухании жизни в городе, несмотря на то, что в эти века он был тесно связан со всеми генуезскими колониями Причерноморья и сам был владением знатного генуезского рода Гизольфо [72].

В конце XV в. генуезская Матрега была взята турками. Город был сравнен с землей [73]. Только в XVIII в. на месте прежнего поселения суворовские солдаты построили морской артиллерийский форт. С этого времени началась колонизация русским казачеством Таманского полуострова и отчасти Крыма. Небольшое количество материалов XVIII в. на городище (в основном зеленых поливных кувшинов и глиняных трубок) дают основания предполагать, что первые поселенцы станицы Таманской ставили свои курени на высоком берегу, рядом с суворовской крепостью, на развалинах древней Матреги.

---

[71] «Путешествие в восточные страны...», стр. 88, 89.

[72] Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко. Очерки по истории генуезских колоний на Западном Кавказе в XIII—XV вв.— Исторические записки, М., 1938, т. 3, стр. 74—79, 104.

[73] Там же, стр. 128.

Т. И. Макарова

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ТАМАНСКОГО ГОРОДИЩА

За четыре года раскопок на Таманском городище[1] было найдено около 2500 фрагментов разнообразных сосудов, покрытых поливой. Они часто встречаются в почти трехметровой толще средневекового культурного слоя и могут служить надежным датирующим материалом, крайне необходимым для ориентации в сложной стратиграфии Таманского городища. Но интерес к поливной посуде объясняется не только этим. Она помогает проследить по этапам и влияние тех или иных центров производства поливной керамики. В том же случае, когда неоспоримые аналогии позволяют считать ее привозной, поливная посуда может служить прямым доказательством непосредственных торговых связей. И в этом своем качестве поливная керамика приобретает значение интереснейшего исторического источника, особенно важного в связи с той ролью, которую играла хазарская Таматарха, русская Тмутаракань, генуезская Матрега на всем протяжении своей истории.

Рассматривая поливную керамику прежде всего как источник для истории Таманского городища в разные периоды его существования, мы отводим классификации и технологии самой поливной керамики второстепенное место. Это тем более оправдано, что классификация и технология различных типов поливной посуды, найденных на Таманском городище, уже достаточно разработана. Особенно это касается византийского экспорта, где, помимо работ Д. Т. Райс, Моргана, Стивенсона[2], исследовавших поливную посуду из раскопок в самой Византии мы располагаем полным и детальным изданием этой посуды по находкам в Херсонесе[3].

---

[1] Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность руководителю раскопок 1952—1955 гг. Б. А. Рыбакову, предоставившему мне возможность издать поливную керамику Таманского городища.

[2] D. T. Rice. Byzantine glazed pottery. Oxford, 1930; Ch. H. Morgan. The Byzantine pottery.— Corinth, t. XI, Cambridge — Massachusetts, 1942; «The Great Palace of the byzantine emperors». London, 1947.

[3] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес.— МИА, № 17, 1950; его же. Ран-

В основу классификации поливной керамики Тмутаракани легли цвет глины, цвет кроющей поливы, технические и стилистические особенности орнаментации, форма сосудов [4]. По цвету глины, из которой сделан сосуд, вся поливная керамика делится нами на две группы: белоглиняную и красноглиняную.

Белоглиняная поливная керамика составляет немногочисленную группу, по сравнению с красноглиняной посудой. Особенный интерес для нас заключается в том, что вся она — привозная. Появляется она в Тмутаракани на рубеже IX—X вв. и продолжает бытовать до XIII в. Самый ранний ее тип четко выделяется по цвету кроющей поливы, орнаментации и форме сосудов.

I ГРУППА.
БЕЛОГЛИНЯНАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА

Тип 1. Посуда с желтой и пятнистой зеленой поливой, с орнаментом и без него (рис. 1).

Наиболее простой образец этого типа — кувшины, покрытые поливой только с внутренней стороны. Внешняя их поверхность имеет следы ленточного изготовления. Подобные сосуды носят утилитарный, а не декоративный характер. В Большом Дворце в Константинополе они встречаются в слоях IX—X вв. и принадлежат к наиболее ранним типам поливной посуды.

1. (Тм., 1955, тр. IV—100, № 44) [5]. Дно сосуда с жидкой светло-желтой поливой неровного тона с коричневыми точками нерастворившегося красителя. Полива покрывает внутреннюю поверхность сосуда и небрежными пятнами лежит на дне. Внешняя поверхность сосуда грубо заглажена. Найдена в слое с круговой кухонной салтовской посудой и амфорами салтовского типа. Чаще встречаются ручки от подобных кувшинов — овальные в сечении и покрытые поливой лишь частично.

Гораздо более типичны для ранней византийской поливной посуды большие открытые блюда на поддонах. Эта парадная посуда часто употреблялась, судя по находкам в Константинополе, с VIII по X в. В большом количестве она найдена в Херсонесе, в меньшем — в

несредневековый Херсонес.— МИА, № 63, 1959; его же. К изучению позднесредневекового Херсонеса.— Херсонесский сборник, вып. V, Крымиздат, 1959; Д. Л. Талис. К характеристике византийской керамики IX—X вв. из Херсонеса.— Археологический сборник. Труды ГИМ, вып. 37, 1960.

[4] Тмутараканская поливная керамика, помимо стилистического анализа, была подвергнута петрографическому и спектральному анализам. Первый имел целью анализ глины, из которой изготовлялся сосуд, второй — состава покрывающей его глазури. Петрографические анализы производились в лаборатории Института археологии АН СССР О. Ю. Круг, спектральные — в лаборатории при кафедре археологии МГУ Ю. Л. Щаповой и А. Н. Репиным. Результаты их изложены О. Ю. Круг и Ю. Л. Щаповой в приложении к этой статье.

[5] В скобках здесь и далее приводится шифр описываемого предмета: Тм.— Тамань, год раскопок, тр.— траншея, номер раскопа, инвентарный номер.

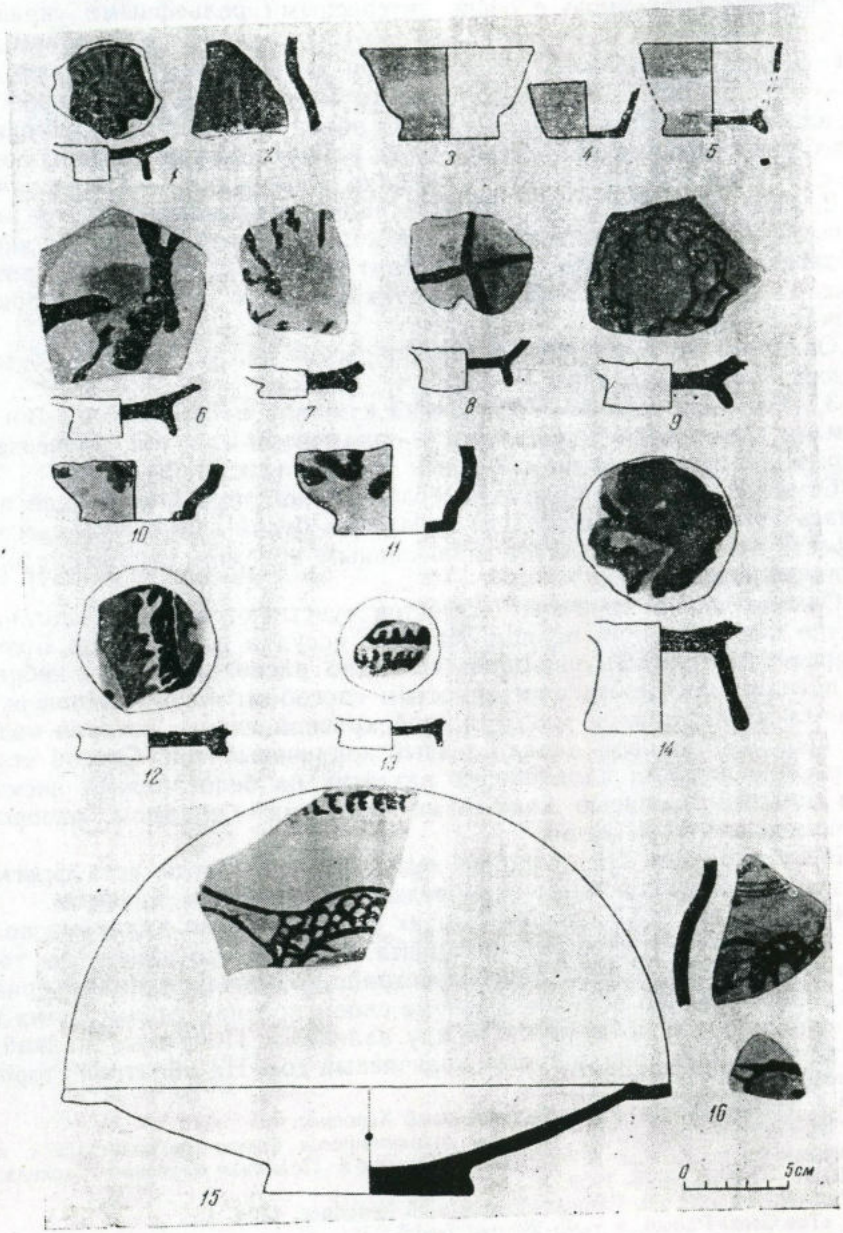


Рис. 1. Белоглиняная керамика IX—X вв.

Саркеле и Тмутаракани. Если в Херсонесе находки этой посуды составили богатейшую коллекцию с очень интересными рельефными украшениями [6], то в Саркеле и Тмутаракани она представлена в основном незначительными обломками [7]. Но благодаря характерному профилю венчика — в виде вертикально поставленного бортика или полого края с двумя валиками — все эти обломки легко объединяются с посудой описываемого типа. Помимо мелких обломков, в Тмутаракани найдены два днища с рельефными розетками и экземпляр более редкий — стенка кувшина.

2. (Тм., 1954, XXX, № 102). Дно чаши, покрытое пятнистой зеленой поливой. Орнамент состоит из двух концентрических кругов; внешний разделен ячейками, внутренний занят четырехлепестковой розеткой (рис. 1, *1*). Чаши с подобными рисунками часто встречаются при раскопках в Херсонесе [8].

Орнамент на дне другой чаши, покрытой желтой поливой, очень нечеткий и плохо различим.

3. (Тм., 1952, Б/7, № 133). Стенка кувшина с горизонтальными рельефными членениями поверхности и орнаментом елочкой, прочерченным острым инструментом по выпуклым граням (рис. 1, *2*).

Отметим, что гравировка на белоглиняной поливной посуде применялась довольно редко: она не давала на белой глине того красочного эффекта, который сделал ее излюбленным приемом украшения красноглиняной посуды.

Однако поиски цветовых эффектов чувствуются и на белоглиняной посуде в этот ранний период. На ряде сосудов из раскопок Большого Дворца [9] поверхность украшена свободно расположенными небрежными пятнами. Это достигалось простым способом: на белую поверхность черепка накладывался мазками слой красной глины, которая под желтой кроющей поливой давала теплый коричневый тон. Способ этот почему-то не получил дальнейшего развития на белоглиняной посуде. Он был заменен росписью красящими окислами — приемом, распространившимся в XII—XIII вв.

В Тмутаракани среди ранней византийской посуды есть фрагменты двух сосудов, украшенных этим редким техническим приемом.

4. (Тм., 1954, XXV, № 34). Венчик блюда с двумя валиками по краю и с частью геометрического орнамента, глубоко прочерченного тонким инструментом по сырой глине. Пространство между линиями орнамента покрыто хорошо видным в изломе слоем красной глины; пятна красной глины шли и по венчику, между валиками. Покрытые жидкой желтой поливой, они давали густой коричневый тон. На обратной стороне —

---

[6] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес.

[7] Исключение составляет целиком сохранившееся блюдо на подставке с прямоугольными вырезами. См. Б. А. Шелковников. Поливная керамика Саркела — Белой Вежи.— МИА, № 75, 1959.

[8] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, табл. 1.

[9] «The Great Palace...», табл. 22, рис. 7—11.

рельефная углубленная волна под венчиком и подкраска той же красной глиной.

Круглыми коричневыми пятнами, идущими между валиками венчика, украшен фрагмент из Большого Дворца [10].

5. (Тм., 1954, XXV, № 82). Обломок стенки сосуда со слегка намеченным валиком и небрежными мазками красной глины. Полива яркая, плотная, желтая.

6. (Тм., 1954, XXV, № 85). Обломок сосуда со следами росписи полосами красной глины. Полива желтая, хорошего качества.

Из-за фрагментарности обломков форма этих сосудов не восстанавливается; вероятнее всего, они представляют собой стенки кувшинов. Находки их, кроме венчика блюда, обнаруженного в перекопе в слое XII—XIII вв., сделаны в слое, хорошо датированном салтовской посудой IX—X вв. В Большом Дворце в Константинополе посуда с росписью, выполненной красным ангобом, тоже не выходит за рамки IX—X вв.

Описанные выше фрагменты не относятся к лучшим образцам ранней византийской поливной посуды и мало интересны с художественной точки зрения. Но исторически это очень интересная часть таманской коллекции поливной посуды.

Во-первых, несмотря на малочисленность найденных фрагментов они позволяют выяснить некоторые детали производства поливной посуды в IX—X вв. в самой Византии. Петрографические анализы ранней византийской посуды показали, что она сделана из двух различных по составу групп глины. Из глины 1-й группы сделан сосуд с желтой поливой со штампованным орнаментом, из глины 2-й группы — обломки кувшина с подглазурной росписью ангобом и фрагменты сосудов со штампованным орнаментом. Разницу глин этой стилистически единой посуды мы не можем считать случайной, тем более, что она сочетается с разницей в рецептуре поливы, которой покрыты сосуды, сделанные из глины различных групп. Посуда из глины 1-й группы покрыта известково-магниево-свинцово-кремнеземной поливой, посуда из глины 2-й группы — свинцово-кремнеземной поливой. Это обстоятельство позволяет видеть в ранней византийской поливной посуде, вывозившейся в Тмутаракань, продукцию двух центров. О локализации первого из них, пользовавшегося глиной 1-й группы, говорить трудно, так как она представлена одним образцом. О втором — легче, так как из глины 2-й группы изготовлялись все виды посуды этого типа: от простейшей, без орнамента и с росписью, до украшенной штампом. Она хорошо известна по находкам в Большом Дворце в Константинополе и, вероятно, производилась там.

Второй круг вопросов, которые возникают в связи с ранней византийской посудой, касается самой Тмутаракани. В первую очередь это вопрос хронологии. В Тмутаракани описанная посуда встречается в

[10] Там же, табл. 22, рис. 11.

слоях с салтовской керамикой и херсоно-византийскими монетами конца IX—X в. В Херсонесе она датируется тоже серединой IX—X в. Следовательно, вывоз ее из Византии начался где-то в середине IX в. Кроме того, следует подчеркнуть, что количество находок ранней византийской посуды в Херсонесе несравненно больше, чем в Тмутаракани и Саркеле. Вероятно, шла она через Херсонес, и херсонесские купцы перепродавали в Тмутаракань какую-то часть византийской посуды вместе с другими заморскими товарами.

Тип. 2. Посуда с прозрачной бесцветной или желтой поливой без орнамента или с простейшей подглазурной росписью (рис. 1).

Керамика этого типа отличается от предыдущей в первую очередь качеством блестящей поливы, чаще всего бледного желтого тона. По форме это маленькие тонкостенные чашечки на поддонах. Они не орнаментированы и покрыты светлой блестящей желтой поливой. Той же формы чашечки на поддонах украшались иногда примитивной подглазурной росписью зеленым и марганцевым цветами [11]. Роспись выполнена кистью и, как правило, небрежна и проста. Это две полосы, перекрещивающиеся в центре чаши и занимающие всю ее поверхность, или полосы, идущие от бортов к центру, или ряды пятен (рис. 1, *6—8*).

1. (Тм., 1952, I, № 34). Донце миниатюрной чашечки, покрытой бесцветной поливой и подглазурным орнаментом в виде двух косых крестов марганцевого тона. Аналогичные фрагменты: Тм., 1953, XIV, № 271, 531; Тм., 1953, XIII, № 115, 86, 46, 317.

2. (Тм., 1953, XVIII, № 628). Дно чашечки с подглазурной росписью марганцевого тона в виде двух перекрещивающихся полос, занимающих всю поверхность сосуда. Кроющая полива желтоватая (рис. 1, *8*).

3. (Тм., 1953, XVIII, № 627). Дно чашечки с подглазурной росписью зелеными небрежно нанесенными полосами, расположенными радиально. Кроющая полива бесцветная. Аналогичные фрагменты: Тм., 1953, XIV, № 587; Тм., 1953, XIII, № 48 (рис. 1, *7*).

Иногда в этой технике исполнялись и более сложные рисунки.

4. (Тм., 1953, XIV, № 423). Донце чашечки с изящной плетеной розеткой, выполненной марганцевым тоном (рис. 1, *9*).

В то время, как в Тмутаракани в слоях XII—начала XIII в. миниатюрные чашечки и горшочки с росписью довольно частая находка, в Херсонесе и в Саркеле они встречаются редко. Общим источником посуды этого типа для всех трех городов на протяжении XI—XII вв. была Византия [12], воспринявшая принципы орнаментации подглазурной росписью из Самарры [13].

---

[11] Марганцевым цветом мы называем здесь и далее, следуя за другими исследователями, роспись красно-коричневого цвета.

[12] D. T. Rice. Byzantine glazed pottery, Oxford, 1930, стр. 10; Ch. H. Morgan. Указ. соч., рис. 48.

[13] F. Sarre. Die Keramik von Samarre. Berlin, 1925, табл. XXX *.

Тип 3. Посуда с полихромной росписью или изображениями птиц и зверей. Кроющая полива бесцветная или желтая (рис. 1)

К этому типу следует отнести несколько фрагментов чаш на низком или высоком поддонах с почти сплошной подглазурной росписью зеленым и марганцевым цветами. Роспись состоит из живописных небрежных пятен, покрывающих пестрым ковром всю внутреннюю поверхность сосудов.

1. (Тм., 1953, XVIII, № 678). Блюдо на низком поддоне с чуть желтоватой кроющей поливой и почти сплошной росписью зелеными и марганцевыми пятнами. Аналогичный фрагмент: Тм., 1953, XIV, № 872 (рис. 1, *12*).

Завершающий этап развития подглазурной росписи представлен на тонкостенных блюдах с невысоким поддоном и горизонтально отогнутым бортом с изображениями птиц и животных. Цветовая гамма всегда одна и та же — марганцево-зеленая.

2. (Тм., 1953, XIV, № 145). Обломок блюда с фрагментарным изображением птицы. Сохранились часть шеи и туловище. Рисунок выполнен кистью широкой линией. Туловище зачерчено чешуйками, изображающими оперение птицы (рис. 1, *15*).

Аналогичные фрагменты: Тм., 1953, XX, № 484; Тм., 1953, XIV, № 872.

Керамику эту мы хорошо знаем по находкам в Константинополе [14]. Она широко экспортировалась и известна по находкам в Сухуми, в поселениях юго-западного нагорья Крыма и особенно в Херсонесе [15]. В Тмутаракань она тоже привозилась, но в значительно меньшем количестве, чем предыдущие типы белоглиняной керамики. Найдено всего несколько обломков от трех блюд этого типа. Они совершенно аналогичны херсонесским. Судя по находкам в Константинополе и Херсонесе, этот тип керамики должен быть отнесен к XII—началу XIII в.

Интерес к посуде с подглазурной росписью красящими окислами объясняется прежде всего тем, что мастерские, ее изготовлявшие, пользовались месторождениями глин двух уже известных нам групп (к первой из них, представленной всего одним образцом ранней белоглиняной посуды, относятся теперь шесть образцов, ко второй — всего один). Из глины 1-й группы делались чашечки с различной росписью. Из глины 2-й группы изготовлялись чашечки простейшей одноцветной росписи. Мастерские, пользовавшиеся двумя разными месторождениями глин, как и в IX—X вв., производили однотипную посуду, но в рецептуре поливы в XII в. происходили изменения. Мастерские, пользовавшиеся глиной 1-й группы, заимствовали рецепт у мастерских со 2-й группой глины и выпускали некоторое время продукцию с поливой своего старого и с поливой нового состава. Наконец, в начале XIII в. они отказались

[14] «The Great Palace...», табл. 24; D. T. Rice. Указ. соч., стр. 47, табл. XII, XV.
[15] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 220, группа 3

от своего старого рецепта и целиком перешли на изготовление блюд, покрытых свинцово-кремнеземной поливой. Как показал спектральный анализ, самая лучшая полива покрывала блюда с изображениями птиц и зверей.

Что касается мастерских, использовавших месторождение глины 2-й группы, то они отказались от своего рецепта поливы, выпускали чашечки с примитивной росписью, покрытые поливой, сваренной по рецепту мастерских, связанных с 1-й группой глины. К концу XII — началу XIII в. относится расцвет производства керамики с подглазурной росписью в первом центре (1-я группа глины), производство посуды во втором центре замерло.

Нарисованная схема взаимосвязи двух центров производства белоглиняной поливной посуды в Византии — только предположение, так как базируется на небольшом количестве анализов. О наличии двух центров производства белоглиняной посуды в Византии можно говорить с большей уверенностью. Предположение о наличии в Византии в XII--XIII вв. одного или нескольких центров производства белоглиняной посуды с подглазурной простейшей росписью и изображениями птиц и зверей было уже высказано Райс и Якобсоном [16] на основании стилистического анализа этой посуды. Анализы глины и поливы не только полностью подтверждают эти предположения, но и позволяют связать это производство с производством ранней византийской поливной посуды IX—X вв. В данном случае мы опираемся на результаты петрографического и спектрального анализов, так как посуда описанных выше трех типов представляет собой разные этапы развития производства белоглиняной посуды в Византии на протяжении трех столетий, и начальный и завершающий этапы этого пути весьма далеки друг от друга и хронологически и стилистически.

Обзор белоглиняной поливной посуды, привозившейся в Тмутаракань в X—XIII вв., закончим описанием нескольких единичных находок.

1. (Тм. 1953, XVIII, № 1072). Стенка сосуда с мягким, чуть розоватым рыхлым черепком и подглазурной росписью кобальтом.

По качеству черепка, по характеру росписи этот фрагмент ближе всего к посуде, известной по находкам в Самарре [17]. Нет никаких оснований считать этот обломок остатком сосуда, попавшего в Тмутаракань из самой Самарры, хотя он найден в слое X в. и мог хронологически относиться к периоду кратковременного существования этого города. Но он несомненно дожен быть связан с тем кругом посуды с подглазурной росписью кобальтом, которая производилась в Багдадском калифате в IX—X вв.

2. (Тм., 1953, XIV, № 459). Фрагмент тарелки с двухсторонней бледно-зеленой поливой. Под глазурью вся внутренняя поверхность покры-

[16] D. T. Rice. Указ. соч., стр. 47; А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 321.

[17] F. Sarre. Указ. соч.

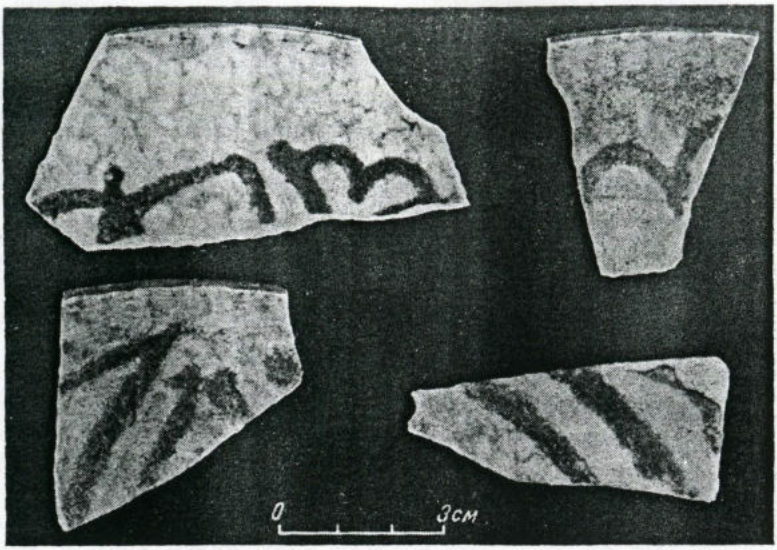


Рис. 2. Белоглиняная керамика XI в.

та тонкими прожилками красного ангоба. Орнамент состоит из петлеобразных завитков, нанесенных темно-зеленым красителем. Аналогичные фрагменты: Тм., 1953, XIV, № 1023, 1027; Тм., 1954, XIX, № 99. Такая посуда известна по раскопкам в Константинополе [18]. В Херсонесе и Саркеле посуды этого типа нет. По системе росписи, по колориту она резко отличается от византийской расписной посуды. Вероятнее всего, ее нужно связывать с какой-нибудь из восточных областей империи, может быть с Трапезундом (рис. 2).

3. (Тм., 1955, тр. III, № 29). Венчик сосуда со стилизованной арабской надписью под бесцветной кроющей поливой.

Ближайшие аналогии этому фрагменту находим в поливной керамике Персии XII—XIII вв. [19]

4. (Тм., 1953, XIV, № 873). Обломок сосуда с двусторонней бирюзовой поливой и подглазурной росписью черными линиями на одной стороне и цветами на другой.

Производство посуды с подглазурной рельефной черной росписью под голубой глазурью началось в Иране в XIII в. и продолжалось в XIV в. [20]

[18] «The Great Palace...», стр. 48, табл. 24, рис. 4.

[19] Mohamed Mostafa. Moslem ceramics. Cairo, 1956, стр. 38, рис. 57, 65.

[20] Б. А. Шелковников. Средневековая керамика Ближнего и Дальнего Востока. Ереван, 1942, стр. 22.

II ГРУППА.
КРАСНОГЛИНЯНАЯ ПОЛИВНАЯ ПОСУДА

Красноглиняная поливная керамика, так же как и белоглиняная, первым своим появлением в Тмутаракани обязана торговым связям с Византией. Но в отличие от белоглиняной, красноглиняная посуда глубже привилась на местной почве и дала толчок местному производству. В орнаментации красноглиняной посуды был применен новый способ: тонкая гравировка острым инструментом по глине, покрытой ангобом (способ граффито). В литературе неоднократно отмечалась связь этой техники орнаментации с гравировкой по металлу [21].

Первая волна византийского импорта красноглиняной посуды в Тмутаракань оставила очень определенный тип посуды, не выходящий стратиграфически за рамки XI — начала XII в.

Тип 1. Керамика с орнаментом граффито тонкой линией под прозрачной желтой глазурью (рис. 3).

В Тмутаракани найдено несколько фрагментов блюд этого типа, с простейшим геометрическим орнаментом в виде двух параллельных линий, с заключенной между ними волнистой линией, с легкими завитками. Орнамент этот, процарапанный по ангобу тонким острием, прост и изящен и представляет собой несколько геометризированный побег виноградной лозы. Располагается он на поверхности сосуда концентрическими лентами: одна — в центре чаши, другая — в средней части ее. Обычно таких лент бывает две или три. Иногда этот орнамент упрощался: плавная волна заменялась зигзагообразной линией, тонкие побеги в ее углублениях — примитивными галочками и треугольниками. Дальнейшее упрощение этого мотива вело к тому, что волна разрывалась, превращаясь в отдельные спиралевидные завитки с дополнительными кружочками и запятыми между ними.

1. (Тм., 1953, XIII, № 439). Стенка блюда с внутренней желтоватой поливой и орнаментом из двух параллельных линий с заключенной между ними волнистой линией с легкими завитками (рис. 3, *1*). Аналогичные фрагменты: Тм., 1953, XIII, № 653—655.

2. (Тм., 1953, XIV, № 458). Стенка блюда с внутренней желтоватой поливой и орнаментом из двух параллельных линий с заключенной между ними небрежной волной. Промежутки между волнами заполнены мелкими галочками, запятыми, точками (рис. 3, *2*). Аналогичные фрагменты: Тм., 1953, I, № 47; Тм., 1953, XIX, № 138.

3. (Тм., 1954, XIX, № 7). Стенка блюда с внутренней бесцветной поливой и орнаментом в виде отдельных завитков с галочками и кружочками между ними. Ниже полосы орнамента — дополнительная роспись окислом железа (рис. 3, *5*).

---

[21] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 169.

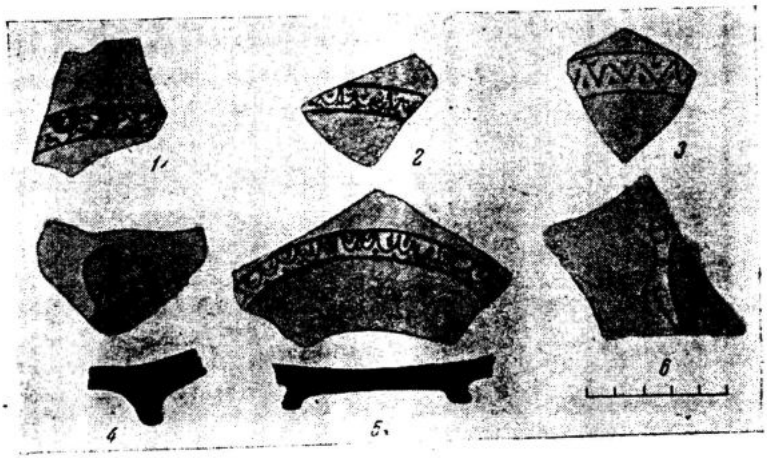


Рис. 3. Красноглиняная византийская керамика XI в.

Развитие техники граффито повело к усложнению орнамента. На нескольких фрагментах из Тмутаракани остались следы сюжетных изображений, выполненных в той же технике и покрытых желтой и зеленоватой прозрачной поливой (рис. 3, *4, 6*).

4. (Тм., 1953, О, № 121). Обломок дна чаши с изображением птицы, выполненным тонкой линией. Сохранились голова птицы и часть шеи, обработанная чешуйками. Кроющая полива желтая (рис. 3, *4*).

5. (Тм., 1953, XX, № 486). Почти целиком сохранившаяся тарелка с изображением птички с тонкой волнистой линией (змея?), идущей из клюва. Борта тарелки украшают небрежные завитки. Кроющая полива бледно-зеленая (рис. 4).

В Тмутаракани найдено лишь одно такое блюдо. В Херсонесе их встречено больше. Часто рисунок подчеркнут на них коричневыми полосами. О стилистической близости этих блюд с предыдущими говорит, помимо тонкой линии рисунка, наличие в этих сложных композициях элементов простейшего орнамента волной или завитками. На тмутараканском блюде — это небрежные завитки; на блюдах из Херсонеса — целые полосы орнамента волной украшают грудь или хвост птицы [22].

Аналогии керамике первого типа известны из раскопок Константинополя, Коринфа, Спарты [23]. Есть она в небольшом количестве в Херсо-

[22] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, табл. XXVI, рис. 99, 103.

[23] «The Great Palace...», табл. 20, 4; 25, 21; D. T. Rice. Указ. соч., табл. XIII; O. Wulff. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke, т. III. Berlin, 1911, табл. XXVI, рис. 2158—2160, 2164; Ch. H. Morgan. Указ. соч., табл. XLIV.

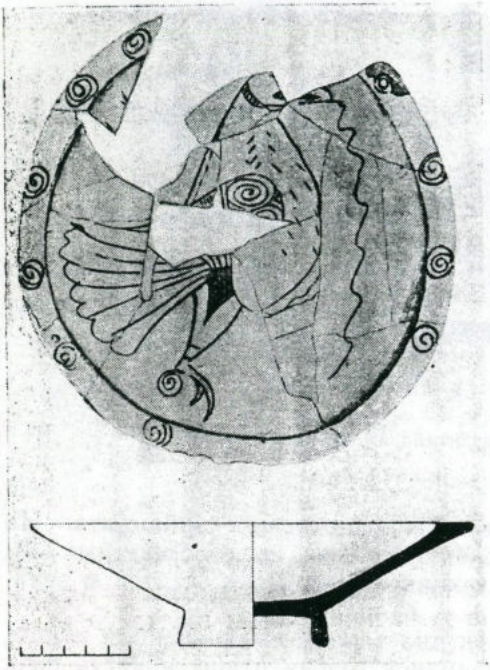


Рис. 4. Красноглиняное византийское блюдо с изображением птицы (XI—XII вв.)

несе и в Саркеле [24]. Всюду она датируется в основном XI, частично XII в. и представляет собой ввоз из Византии [25].

Тип 2. Толстостенные блюда с орнаментом граффито толстой линией, прочерченной по ангобу плоской лопаточкой. Глазурь желтая или зеленоватая.

В Тмутаракани найдено всего два фрагмента поддонов подобных блюд. На них изображены рыбы в окружении виноградных лоз.

1. (Тм., 1953, О, № 1212). Обломок дна блюда с чуть зеленоватой поливой и подглазурным орнаментом в виде виноградных лоз, окружающих изображение рыбы.

2. (Тм., 1953, XIV, № 576). Обломок стенки блюда с желтоватой поливой и изображением рыбы (сохранились голова и часть туловища) в окружении виноградных лоз.

Полное их тождество с аналогичными блюдами из Константинополя и Коринфа [26] не оставляет сомнения в их византийском происхождении. В Византии находки посуды этого типа датируются второй половиной XII в. В Херсонесе она бытовала и в XIII в. [27] В Тмутаракани один экземпляр посуды этого типа является случайной находкой, другой найден в слое XII—XIII вв.

Тип 3. Толстостенные чаши с пухлым прямым или вогнутым внутрь венчиком и орнаментом толстой линией граффито под желтой глазурью (рис. 5).

[24] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 171, 172, табл. 1; Б. А. Шелковников. Поливная керамика Саркела — Белой Вежи, стр. 282, рис. 5.

[25] Три фрагмента блюд этого типа из Саркела Б. А. Шелковников, основываясь на деталях орнамента, считает продуктом местного производства. Вряд ли анализ одного лишь орнамента может служить достаточным доказательством такого серьезного утверждения.

[26] O. Wulff. Указ. соч., табл. XXIII, рис. 2105, 2106; табл. XXVI, рис. 2154; Ch. H. Morgan. Указ. соч., табл. XLIXC.

[27] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 177.

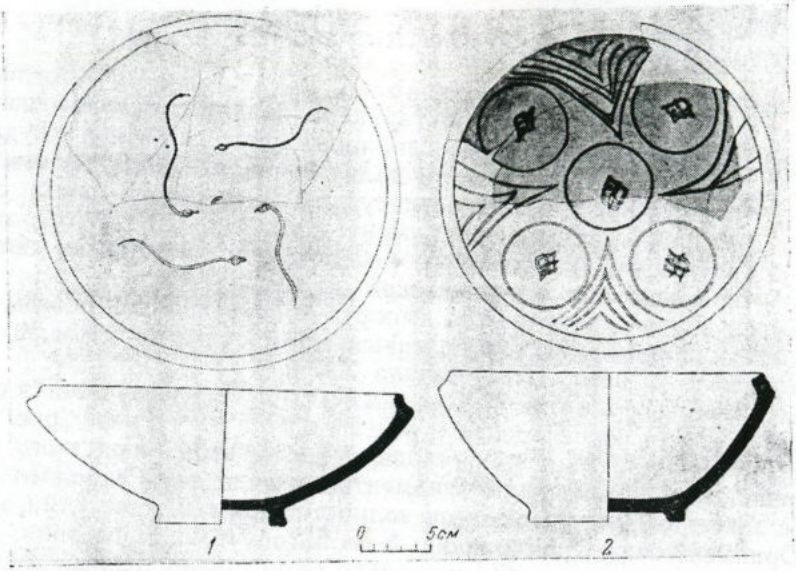


Рис. 5. Обломки красноглиняных чаш с магическими рисунками (XII в.)

В Тмутаракани посуда этого типа широко распространена в слоях XII—XIII вв. На большинстве найденных фрагментов орнамент отсутствует. На двух он частично сохранился (рис. 5).

1. (Тм., 1952, VII, № 146). Обломок чаши на низком поддоне с венчиком, вогнутым внутрь. Орнамент в виде кругов: один в центре и четыре вокруг, с расположенными в них ромбами, перечеркнутыми крест накрест. Между кругами, размещенными по краям чаши,— линии елочкой, доходящие до центрального круга (рис. 5, *2*).

2. (Тм., 1952, VII, № 80). Чаша той же формы. На ее внутренней поверхности изображены свободной извилистой линией змеи (сохранились две, было, вероятно, четыре). В центре — остатки какого-то другого изображения (может быть, птички?) (рис. 5, *1*).

Обе эти чаши объединяет не только техника нанесения орнамента и желтый цвет поливы, но и самый сюжет изображения, несомненно связанный с отголосками магических представлений. Эти вотивные мотивы встречаются на аналогичных сосудах из Херсонеса, на прекрасно сохранившейся чаше, на которой изображения змей чередуются с изображениями перечеркнутых ромбов [28].

На основании традиционного для Крыма культа змеи, отголосками которого являются изображения на чашах из Херсонеса и Тмутаракa-

[28] Там же, стр. 200, табл. XXX.

ии, А. Л. Якобсон считает эту посуду произведением херсонесского мастера [29]. С этим нельзя согласиться. На поливной посуде византийского происхождения мы находим совершенно аналогичный рисунок ромба, перечеркнутого крестом. В одном случае он украшает чашу, аналогичную по форме тмутараканским и херсонесским чашам [30], в другом — он употреблен на типично византийской посуде с изображением рыб и виноградных лоз [31]. Поэтому мы должны считать посуду третьего типа, так же как и посуду второго типа, византийской, ввозившейся в Тмутаракань в XII—XIII вв.

Логическим завершением техники граффито толстой линией по ангобу оказались блюда с изображениями, выполненными выемчатой техникой.

Тип 4. Блюда с изображениями, выполненными выемчатой техникой (рис. 6, *4*).

После нанесения на ангобированную поверхность контуров рисунка, острым инструментом снимался фон до поверхности глины. Под желтой поливой участки без ангоба дают коричневый теплый фон, изображение остается желтым.

На одном из фрагментов, найденном в Тмутаракани, ясно видны следы инструмента, которым соскабливался фон: это узкая плоская лопаточка.

В Тмутаракани обнаружены поддоны двух блюд с очень реалистическими изображениями зайцев с прижатыми ушками.

1. (Тм., 1953, V, № 344). Дно чаши, покрытой желтой поливой с изображением зайца в центре. Фон углубленный, коричневый. Изображение, очень живое и реалистическое, заключено в два концентрических круга (рис. 6, *4*).

2. (Тм., 1953, XII, № 140). Дно чаши, покрытой желтой поливой. В центре — изображение зайца с маленькой головкой, прижатыми ушами и раздутым туловищем.

Аналогии этим чашам известны как в Херсонесе, так и в Византии, где они датируются XIII в. [32] Привозились они в Херсонес и Тмутаракань из Византии.

Все описанные выше типы посуды стилистически представляют развитие одного принципа орнаментации — граффито по ангобу под одноцветной поливой. Технологически связь всех этапов — от прочерченного острым (типа иглы) инструментом (тип 1) до выскабливания части ангоба (тип 4), вполне объяснима.

Четко выраженное стремление к монохромности, а также последова-

---

[29] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 200, табл. XXX.

[30] «The Great Palace...», табл. 20, рис. 8.

[31] O. Wulff. Указ. соч., табл. XXIII, рис. 2105; А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, табл. VII, рис. 35.

[32] O. Wulff. Указ. соч., табл. XXIII, рис. 2079, 2080; А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, табл. XXIX, рис. 117; Гос. Эрмитаж, фонды, Виз. 924/1.

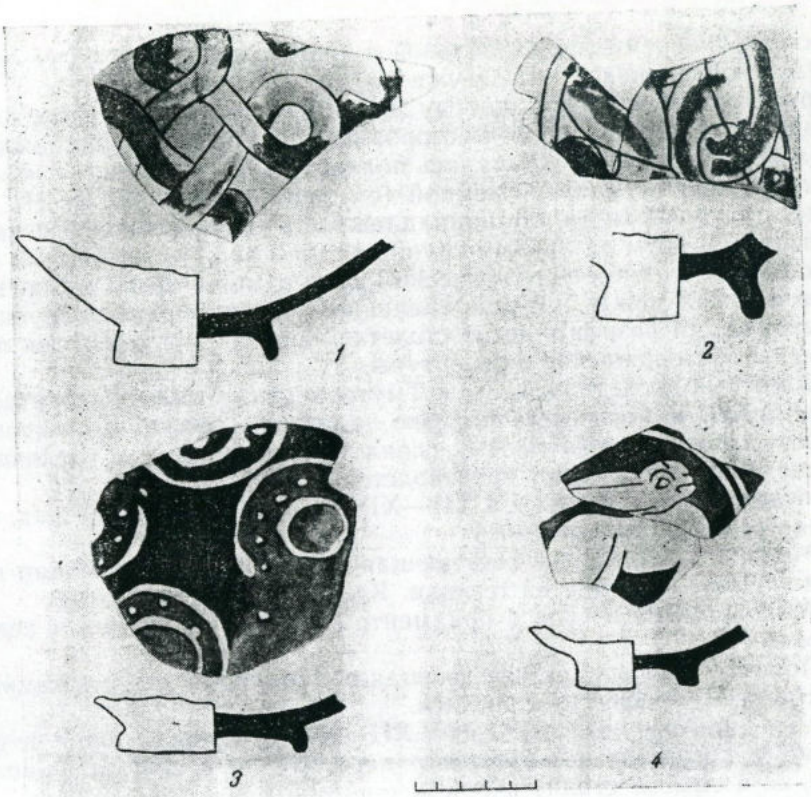


Рис. 6. Красноглиняная керамика XII—XIII вв.

тельность во времени, с которой развиваются технические приемы орнаментации красноглиняной посуды с XI по XIII в., позволяют предполагать принадлежность этих групп керамики к одному какому-нибудь району.

Анализы глины и поливы византийской красноглиняной керамики дают основание связывать ее с деятельностью каких-то двух ремесленных мастерских или центров. Один из них производил самую раннюю группу красноглиняной посуды — с орнаментом, прочерченным очень тонкой линией (тип 1).

Глина, из которой изготовлялась эта посуда, отличается большим содержанием обломочного материала (см. приложение 1, группа 3), что отличает ее от прочих групп красноглиняной посуды. Посуда покрыва-

лась свинцово-кремнеземной поливой — состав, который в более поздней византийской поливной посуде уже не применялся.

Другой центр выпускал посуду 2, 3 и 4-го типов, пользуясь на протяжении XII—XIII вв. одним месторождением глины (см. приложение 1, группа 4). Вся посуда покрывалась поливой другого состава — известково-магниево-свинцово-кремнеземной (см. приложение 2, класс II).

Следует подчеркнуть, что принадлежность красноглиняной византийской посуды к двум различным группам глины вполне совместима с производством ее в одном географическом центре, может быть, в Константинополе, так как между посудой, сделанной из глины разных групп, есть хронологический разрыв в целое столетие, который мог оказаться причиной смены месторождения и рецептуры.

XII век был последним, когда в Тмутаракань ввозилась византийская посуда. В XIII в. количество ее резко падает. Но общее число поливной керамики в позднесредневековых слоях не уменьшается, а увеличивается за счет роста ее местного производства [33].

Посуда, производившаяся в XII—XIV вв. в различных центрах, представлена следующими типами:

1. Монохромная посуда, сочетающая в орнаментации принцип граффито и элементы выемчатой техники. Кроющая полива желтая.

2. Монохромная посуда с орнаментом граффито, покрытая зеленой поливой.

3. Полихромная посуда, сочетающая оба принципа орнаментации поливной посуды: граффито и росписи.

Все эти типы посуды есть в слоях XII—XV вв. Тмутаракани и не представляют какого-либо своеобразного варианта ни в смысле технологическом, ни в смысле стилистическом.

Тип. 5. Чаши и тарелки с простейшим геометрическим орнаментом граффито под желтой глазурью (рис. 7).

В Тмутаракани в слоях XII—XIII вв. наряду с византийской керамикой с орнаментом граффито, встречается посуда с простейшим линейно-волнистым орнаментом, исполненным в той же технике. Это тарелки с горизонтальным бортом или миски на поддонах.

1. (Тм., 1953, XIV, № 795). Обломок днища чаши с орнаментом в виде небрежной волны, заключенной между двумя параллельными линиями. Кроющая полива желтая (рис. 7, *1*).

Обломки посуды с аналогичной орнаментацией встречаются в Тмутаракани в слоях XII—XIII вв. (рис. 7, *1 — 3,6*).

Близкая по технике, стилю, цвету поливы посуда найдена в Чуфут-

---

[33] О находках мастерских поливной посуды см. Н. И. Бороздин. Солхат.— Новый Восток, № 13—14, М., 1926; Н. Протасов. Раскопки в городе Судаке.— Историк-марксист, кн. 5, М., 1938; И. А. Гольдшмидт. Каффа — генуэзская колония в Крыму в конце XIII — первой половине XV в. М., 1952.

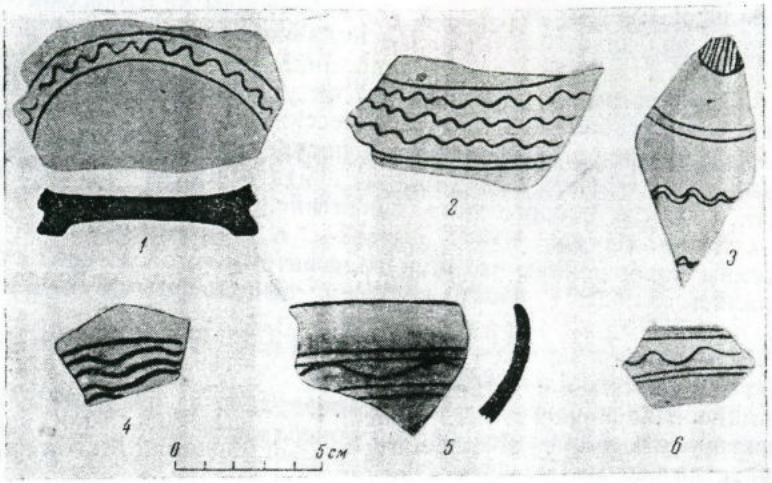


Рис. 7. Красноглиняная керамика с простейшим геометрическим орнаментом граффито и желтой поливой из Тмутаракани, Феодосии, Чуфут-Кале

Кале (рис. 7, *4*), в Феодосии (рис. 7, *5*) [34], на восточном побережье Черного моря [35].

Небрежность прочерченного по ангобу рисунка и яркий желтый цвет поливы отличает описанную керамику от византийской монохромной желтой поливной посуды с орнаментом граффито. Отличается она от последней и по составу глины, близкой по структуре к глине пантикапейской керамики [36]. При изготовлении этой посуды употреблялась полива I и II классов.

Простота орнаментации, состав глины и широта распространения керамики этого типа дают возможность считать ее продуктом местного производства. Местные мастера, наряду с рецептурой поливы, заимствовали характерный для византийской красноглиняной посуды принцип монохромности. Ремесленный центр, где изготовлялась эта керамика, находился, вероятно, в одном из близких к Тмутаракани городов, поскольку именно на Таманском городище встречено наибольшее количество ее обломков.

---

[34] Пользуюсь случаем выразить благодарность И. Б. Зеест и В. В. Кропоткину, предоставившим мне возможность ознакомиться с материалами своих раскопок в Феодосии и Чуфут-Кале.

[35] В. Сизов. Восточное побережье Черного моря. Археологическая экскурсия.— МАК, вып. II, 1889, табл. 6, рис. 4.

[36] О. Ю. Круг. Оптическое исследование боспорской керамики. В кн.: И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора.— МИА, № 83, 1960, стр. 128—131.

Тип. 6. Чаши и тарелки с орнаментом граффито под зеленой кроющей глазурью конца XII—XIII вв. (рис. 8).

Технологически этот тип керамики продолжает традиции византийской посуды с орнаментом граффито под желтой глазурью. На этой посуде орнамент по манере исполнения более небрежен, но в целом ее украшают композиции более сложные, сплошь заполняющие внутреннюю поверхность сосудов. Зеленой поливой покрывались чаще всего открытые тарелки с горизонтальным бортом и высоким поддоном. В одном случае найден обломок кувшина.

Среди находок посуды с зеленой глазурью только две поддаются реконструкции.

1. (Тм., 1953, XVIII, № 23). Обломок дна чаши на низком поддоне с зеленой поливой и грубо исполненным звездчатым орнаментом. Посуду со звездчатым орнаментом и зеленой глазурью, встречающуюся в слоях XII—XIII вв. в Херсонесе, А. Л. Якобсон по стилистическим особенностям считает византийской [37]. В пользу этого предположения говорят и данные анализов глины и поливы. Тмутараканское блюдо со звездчатой орнаментацией по глине и по составу поливы примыкает к группе посуды с изображением рыб, виноградных лоз и рисунками магического характера. Оно, несомненно, вывезено из Византии (рис. 8, *1*).

Другая группа посуды с зеленой поливой и орнаментом граффито стилистически близка поливной керамике Закавказья.

2. (Тм., 1953, XIV, № 293). Два обломка чаши на поддоне с узким вертикальным бортом. Орнамент нанесен тонким острием — это небрежные радиально расположенные волнистые и прямые линии. Кроющая полива зеленая (рис. 8, *2*).

Аналогию этой чаше находим среди керамики Двина [38]. На других фрагментах полностью орнамент восстановить трудно. Но, судя по его составным частям — прямым и закругляющимся линиям, небрежным завиткам и зигзагам,— все они могут быть присоединены к этой группе. Многочисленные аналогии ей дает материал Грузии, Армении, Азербайджана [39].

Однако вряд ли посуду с подобной орнаментацией мы можем считать закавказской. Ее изготовляли на месте из глины, близкой по составу глине тмутараканских смоленых кувшинов (см. приложение 1, группа 6). Она датируется более поздним временем, чем посуда с желтой глазурью и линейно-волнистым орнаментом (тип 5) и относится к концу XII—XIII вв.

Тип 7. Блюда с орнаментом граффито под желтой поливой с дополнительной подцветкой зелеными и марганцевыми поливами конца XII—XIII вв. (рис. 6).

---

[37] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 178.

[38] Там же, стр. 179, рис. 115.

[39] З. Майсурадзе. Грузинская художественная керамика. Тбилиси, 1954,

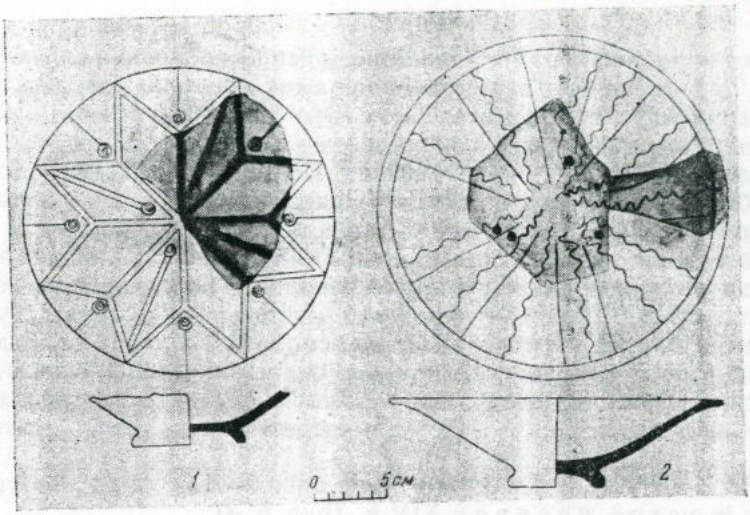


Рис. 8. Блюда с орнаментом граффито и зеленой поливой (XII—XIII вв.)

Для блюд этого типа характерны светло-желтый тон кроющей поливы, обязательная подцветка зелеными и коричневыми пятнами или полосами, а также многообразие орнаментов: радиальная композиция, шахматный рисунок, плетенка, ряд соприкасающихся овалов.

1. (Тм., 1953, XVII, № 27). Обломок дна чаши с орнаментом граффито по розовому ангобу в виде плетенки, образующей четыре петли вокруг центрального квадрата. Ленты расцвечены коричневыми и зелеными подтеками. Цвет кроющей глазури светло-желтый (рис. 6, *1*).

Точно такая же плетенка, как часть непрерывной ленты сложного орнамента, украшает одно из блюд Херсонеса [40]. Судя по орнаменту, раскраска которого совпадает с рисунком по розовому ангобу, встречающемуся в Армении [41], эта чаша отражает несомненное влияние Закавказья.

2. (Тм., 1953, О, № 1207). Обломок дна чаши с небрежным орнаментом граффито, рисунок которого трудно восстановить. Отдельные детали его подцвечены коричневыми и зелеными подтеками. Цвет кроющей поливы бледно-желтый (рис. 6, *2*).

табл. 33—35; Б. А. Шелковников. Художественная керамическая промышленность Армении.— Известия Арм. ФАН, № 3—4, 1942, стр. 18; Т. А. Измайлова. Керамика из раскопок в Анберде.— Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. 4, Л., 1947, стр. 183; В. И. Левиатов. Керамика Старой Ганджи. Баку, 1940, стр. 11.

[40] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, табл. 19, 73.

[41] Б. А. Шелковников. Художественная керамика двинских раскопок.— Известия Арм. ФАН, № 4—5, 1940, стр. 113.

Обломки подобной керамики наиболее распространены в слоях XIII—XIV вв. в Тмутаракани. Аналогичная керамика хорошо известна в синхронных слоях Херсонеса, в поселениях Юго-Западного Крыма и Феодосии. Стилистически вся она близка, но не идентична керамике XII—XIII вв. Ближнего Востока и Закавказья. По-видимому, производство ее в XIII в. было налажено в нескольких центрах Крыма, испытавших на себе влияние закавказского керамического ремесла.

Данные анализов тмутараканской керамики этого типа показали, что она сделана из глины двух групп, что говорит о наличии двух центров производства или по крайней мере двух мастерских. Одна из групп по составу глины близка к тмутараканским смоленым кувшинам. К другой группе, помимо тмутараканской посуды, относятся два фрагмента чаш из Феодосии. Крымские мастера и в данном случае использовали оба рецепта поливы, однако в XII в. преимущество отдавалось свинцовой поливе.

Тип 8. Чаши с орнаментом ангобом под бесцветной или желтой поливой XIV в. (рис. 6, *3*).

В Тмутаракани росписью ангобом украшались чаще всего открытые чаши на поддонах. Роспись ангобом производили двумя способами: рожком и кистью, причем первый считается очень старым. Он до сих пор широко применяется украинскими гончарами [42]. При работе рожком толщина зависит от быстроты движения рожка. При задержках образуются утолщения. На многих фрагментах тмутараканской поливной посуды этого типа рисунок сделан именно таким способом.

1. (Тм., 1953, XIV, № 146). Дно чаши с жидкой бесцветной поливой и подглазурным орнаментом белым ангобом в виде концентрических кругов с расположенными между ними крупными точками (рис. 6, *3*).

Больше всего аналогий посуде этого типа мы находим в Увеке, Старом Сарае [43], а также в поздних слоях Херсонеса [44], в Феодосии и Старом Крыму [45].

На Таманском городище посуда с росписью ангобом характерна для слоев XIV—XV вв.

Тип 9. Блюда с мраморовидным узором.

1. (Тм., 1952, VII, № 81). Открытое блюдо на низком поддоне с рельефным концентрическим валиком с точкой в центре. Общий тон поливы зеленый. Орнамент состоит из свободно расположенных пятен различной формы марганцевого тона. По борту идут прямые линии марганцевого тона. Аналогичное блюдо: Тм., 1952, VII, № 162, 485.

---

[42] С. А. Чикильдин. Украшение гончарных изделий ангобами. М., 1948, стр. 66.

[43] К. Папа-Афанасопуло. Золотоордынская керамика.— Ученые записки Саратовского университета, т. 3, вып. 3, Саратов, 1925.

[44] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 192, табл. X, рис. 93.

[45] Сведения любезно сообщены А. Л. Якобсоном.

Очень близкие, а в ряде случаев совершенно аналогичные блюда хранятся в Эрмитаже: два из них найдены в Мангупе [46], одно связано происхождением с Египтом [47]; два очень близких к ним изданы Масулем [48].

Интересно, что все блюда из Тмутаракани, Мангупа и Египта чрезвычайно близки друг другу не только по характеру орнамента и форме, но и по деталям этой формы: все они имеют характерный низкий поддон и выпуклые валики на внутренней поверхности. Обстоятельство это не может быть случайным и свидетельствует, вероятно, об одном центре производства керамики этой группы. О локализации его говорить трудно, несомненно только, что он находился где-то далеко от Таманского полуострова.

Последнюю группу поливной посуды Таманского городища составляют кувшины, блюда, чайники, покрытые зеленой или бурой поливой. Орнамент выполнен простыми врезными линиями. Чаще всего сосуды лишены орнамента вовсе. Посуда эта характерна для поздних слоев (XVIII в.) городища.

Белоглиняная посуда в поздних слоях Таманского городища, так же как и в раннее время, представляет собой продукт вывоза из различных центров. Находки ее единичны.

1. (Тм., 1953, XIV, № 873). Обломок сосуда с двухсторонней голубой поливой и с подглазурной росписью, выполненной простыми линиями с одной стороны и стилизованными цветами с другой.

Производство посуды с орнаментом, нанесенным черной краской под бирюзовой поливой, появилось в XIII в. и продолжало развиваться в XIV в. [49]

2. (Тм., 1952, IX, № 194). Венчик сосуда с двухсторонней голубой поливой.

Многочисленные аналогии этой посуде известны в городах Золотой Орды.

3. (Тм., 1952, VII, без номера). Тонкостенная фаянсовая чашечка на низком поддоне с росписью голубыми цветами с синим контуром, полива бесцветная.

4. (Тм., 1953, XIV, № 1). Обломок днища фаянсового блюда на низком поддоне. На синем поле разбросаны голубые круги, расположенные по три, с белым абрисом.

Ближайшие аналогии этой посуде находим среди опубликованных М. Станчевой находок турецкого фаянса в Софии [50].

---

[46] Гос. Эрмитаж, фонды, № 1808/14, 16.

[47] Там же, фонды, Ег., № 162.

[48] F. Massoul. La céramique musulmane de L'Egypte. Caire, 1930, табл. LII, рис. 10, *3*.

[49] Б. А. Шелковников. Средневековая керамика Ближнего и Дальнего Востока, стр. 22.

[50] М. Станчева. Турски фаянс от София.— Известия на археологическия институт, XXIII, София, 1960, табл. IX, X.

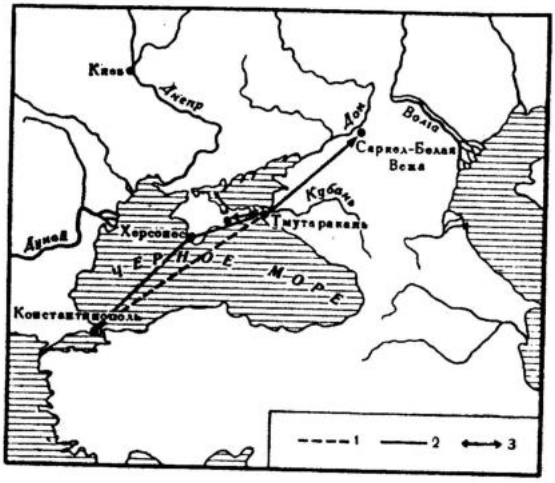


Рис. 9. Карта торговых связей Тмутаракани в X—XII вв. по данным поливной керамики

1 — торговые связи в XI—XII вв.; *2* — торговые связи в X—XI вв.; *3* — торговые связи в XII—XIII вв.

Несмотря на односторонность и фрагментарность такого материала, как поливная керамика, он дает нам представление о торговых связях города (рис. 9).

IX—X вв.— время хазарской Таматархи и образования в конце X в. русского Тмутараканского княжества. В этот период в Таматарху через Херсонес поступала самая ранняя византийская поливная посуда — белоглиняная с желтой и зеленой пятнистой поливой. На какие-то связи с Востоком указывает находка в слое X в. фрагмента сосуда с росписью типа Самарры.

XI в.— время существования русского Тмутараканского княжества совпадает с сокращением ввоза византийской посуды. Вероятно, для русских князей в период их недолговременного и полного беспокойных событий княжения в Тмутаракани город этот был важен, прежде всего, как военный, а не торговый форпост.

XII—XIII вв. Важнейшим источником для этого периода являются сведения Идриси о «цветущем городе Матрахе», относящиеся к 1154 г.[51] Данные Идриси о Тмутаракани как центре широкой торговли вполне согласуются с тем ростом привозной поливной посуды, который характерен для XII — начала XIII в. У Идриси есть подробное описание пути из Константинополя в Тмутаракань (Матраху). О непосредственном вывозе посуды из Константинополя в Тмутаракань говорят находки в слоях XII—XIII вв. типов посуды, обнаруженных в Херсонесе в очень небольшом количестве (например, «магические чаши»).

О важности Тмутаракани в XII в. для Византии свидетельствует договор императора Мануила с генуэзцами (1169 г.), по которому генуэзские корабли не могут посещать гавани Керчи и Тамани.

Еще в XIII в., по сведениям Рубрука (1253 г.), купцы из Константинополя посещали Матраху[52].

---

[51] Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси.— КСИИМК, 43, 1952, стр. 18.
[52] «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1955, стр. 88.

Вторая половина XIII—XV в. Татарский и генуэзский периоды отражены немногочисленной, но характерной группой посуды. Это золотоордынская посуда с голубой поливой, а также отдельные фрагменты привозного фаянса.

Что касается местной крымской поливной посуды, то материала одного Таманского городища хотя бы для частичного решения вопроса о местном производстве ее явно недостаточно. Следует отметить, что в XII в. в Тмутаракань попадала посуда из каких-то местных городов.

Заимствовав рецептуру изготовления поливы из Византии, крымские мастера, однако, внесли в производство поливной керамики некоторое своеобразие. Оно проявилось в сохранении на красноглиняной поливной посуде того рецепта поливы, который византийские мастера употребляли только для белоглиняной посуды. В XII—XIII вв. вся ввозимая из Византии красноглиняная посуда покрывалась известково-магниево-свинцово-кремнеземной поливой. В Крыму, напротив, в производстве красноглиняной керамики преобладала свинцовая полива, широко применявшаяся в поливной посуде на Руси.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

О. Ю. Круг

ПЕТРОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТАВА ТМУТАРАКАНСКОЙ ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ

Анализ 29 образцов керамики Тмутаракани производился путем оптического исследования прозрачных шлифов. По структуре основной массы глины и характеру примесей были выделены следующие группы. Группа 1. Шл. № тпк[1] 12, 16, 30, 31, 8, 14 (инв. № 145, 872, 487, 150, 41, 678).

Глина алевритовая серая, имеющая химическо-осадочный облик. Двупреломление среднее, показатель преломления выше, чем у канадского бальзама, но ниже, чем у кварца (по всей видимости, это бейделлитовая глина). Порода состоит из листочков, сложенных мельчайшими, обычно неразличимыми частичками, из числа которых большая часть обладает почти единой оптической ориентировкой. Это придает глине слоистость.

Механическая примесь кварца составляет около 10% от всего образца. Обломки кварца, размером от 0,25 мм до мельчайших, имеют неправильную форму и остроугольные очертания. В большинстве случаев обломки кварца растресканы под действием обжига.

Группа 2. Шл. № 3, 11, 20, 21, 18 (инв. № 133, 275, 102, 44, 85).

Алевритовая глина серого цвета. Основная масса тонкодисперсная игольчатая. Показатель преломления ее выше, чем у кварца. Алевритовая примесь представлена в большинстве случаев кварцем, реже плагиоклазом. Размеры обломков колеблются в пределах от 0,25 мм до мельчайших. Преобладающая фракция имеет размеры от 0,1 до 0,04 мм. Почти все зерна катаклазированы или обладают волнистым погасанием. Обломочный материал составляет около 60% всего образца. Этот тип сероглиняной керамики также отличается отсутствием оптической ориентировки основной глинистой массы.

Группа 3. Шл. № 7 (инв. № 1022).

Измененная обжигом глина, пропитанная бурыми окислами железа. Отличается от всех описанных выше образцов очень большим содержанием обломочного материала, видимо, искусственной примеси. Среди обломков выделяются кварц (85%), плагиоклаз, биотит, авгит и мелкий тщательно дробленый шамот.

Группа 4. Шл. № 5, 6, 13, 33, 35, 27 (инв. № 1212, 23, 75, 258, 385, 729).

Материал данных образцов представляет собой ожелезненную измененную обжигом глинистую массу с мелкозернистой, а иногда с тонкоигольчатой структурой. На фоне этой однородной массы выделяются обломки роговикового кварца неправильной формы размером от 0,2 до 0,02 мм. Этим данная керамика отличается от всех других типов.

[1] Здесь и далее приняты следующие сокращения при описании керамики: шл.— шлиф; тпк — таманская поливная керамика.

Группа 5. Шл. № 1, 25, 32 (инв. № 898, 1067, 147).

Образцы представлены сильно ожелезненной, почти не действующей на поляризованный свет глинистой массой, содержащей большое количество алевритовой примеси кварца, серицита и реже плагиоклаза. Иногда образцы карбонатизированы и имеют редкую мелкую примесь шамота. Размеры таких обломков колеблются в пределах от 0,5 до 0,2 мм. По своей структуре этот материал напоминает пантикапейскую керамику.

Группа 6. Шл. № 10, шл. № 24 (инв. № 27, 897).

Основная масса образцов представлена измененной обжигом ожелезненной сильно карбонатной глиной с тонкоигольчатой структурой. В качестве естественной алевритовой обломочной примеси присутствуют мелкие обломки кварца, кислого плагиоклаза, биотита и пироксена.

Группа 7. Шл. № 19, шл. № 22, шл. № 26, шл. № 28, шл. № 34 (инв. № 13, 67, 6, Ф-40[2], Ф-52).

Красноглиняная поливная керамика представляет собой хорошо отмученную измененную обжигом глинистую массу, пропитанную бурыми окислами железа, что затрудняет оптическое определение минерала глины. Основная масса имеет тонкоигольчатое строение. На ее фоне выделяются мельчайшие обломочки кварца.

В данных образцах присутствует значительное количество карбоната вторичного происхождения.

Группа 8. Шл. № 2 (инв. № 1207).

Тонкодисперсная каолиновая глина с большим содержанием диатомовых водорослей.

---

[2] Здесь и далее буквой «Ф» обозначены образцы из Феодосии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Ю. Л. Щапова

РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА ПОЛИВЫ ТМУТАРАКАНСКОЙ КЕРАМИКИ

Исследованные 29 образцов, несмотря на относительно разное содержание основных, или стеклообразующих, элементов в пробах оказалось возможным разделить на два класса [1].

I класс. Свинцово-кремнеземные (бесщелочные) стекла.

По количеству содержащегося в составе стекла свинца весь класс стекол может быть разделен на следующие группы.

1. Содержание свинца в количестве порядка «2» — ан. № 234 : 8, № 145. Глазурь самого лучшего качества.

2. Содержание свинца в количестве порядка «3» — ан. № 234 : 1, № 133; 234 : 3, № 678; 234 : 9, № 1022; 234 : 13, № 898; 243 : 3, № 13; 243 : 8, № 85; 243 : 15, № 147; 243 : 16, № 150, 243 : 23, № 897.

---

[1] При расшифровке спектрограмм использовалась следующая система шифров: цифрой «1» обозначается наибольшее содержание элемента в пробе, «2» — значительное содержание, примесь; «3» и «4» обозначается постепенно убывающее количество примеси; «5» — следы, «6» и «7» — следы следов.

3. Группа отличается от предыдущей меньшим содержанием свинца порядка «3» — ан. № 243 : 4, № 44, 243 : 9, № 102; 243 : 10, № 872; 243 : 11, № 6, 243 : 12, № Ф-40.

4. Эту группу можно объединить по количеству свинца со второй, но несколько более высокое содержание кальция мешает этому — ан: № 243 : 7, № 67; 243 : 13, Ф., 1952, V/1, без номера.

II класс. Известково-магниево-свинцово-кремнеземные бесщелочные стекла.

1. Содержание свинца в количестве порядка «2», кальция и магния — порядка «3» — ан. № 234 : 2, № 23, 234 : 4, № 27.

2. Отличается от предыдущей меньшим содержанием свинца («3»), количество магния и кальция почти то же. Ан. № 243 : 7, № 1207; 234 : 11, № 41; 12, № 275.

Ан. № 243; 24; № 1067 отличается немного меньшим содержанием кальция («4+»), Ан. № 243 : 20, № 487 — отличается меньшим содержанием свинца («3»). Количество марганца таково, что его можно рассматривать как краситель, который в сочетании с железом дает интенсивную коричневую окраску.

3. Содержание свинца в количестве порядка «4» — ан. № 243 : 18, № 258; 243 : 19, № 385.

4. Группа отличается еще меньшим содержанием свинца — ан. № 243 : 10, № 1212; 234 : 14, № 75.

На основании нашей классификации можно сделать следующие выводы.

1. В качестве поливы использовалось стекло, состав которого отличен от составов обычных стеклянных изделий: вместо содово-известково-кремнеземных стекол употребляются стекла состава PbSi (I класса) и CaMgPbSi (II класса).

2. Полива состава CaMgPbSi представляет собою, видимо, вариант состава PbSi, где часть окиси свинца заменена окислами Ca — Mg, скорее всего, вводились одновременно через один и тот же минерал, видимо, через доломит или ашарит.

3. Только в одном образце (ан. № 234 : 6, № 94) нужно отметить небольшое присутствие щелочей (калия и натрия).

4. Несмотря на рецептурное однообразие и сходство, необходимо отметить, что качество самой поливы разное. Это определяется на наш взгляд тем, что в составе некоторых полив: № 145, 1022, 150, 897, 102, 67, 898 (I класс) и № 23, 27, 97, 1207, 41, 275, 258 и 385 (II класс) обнаружена окись марганца, введенная сюда в качестве физического обесцвечивателя.

5. Мастера использовали в качестве красителя окись меди для получения зеленого цвета, окись железа для желтого, желто-коричневого, зеленого, окись марганца и окись железа для темно-коричневого.

6. Рассмотрение свиты элементов микропримесей позволило заметить, что для большинства полив характерно присутствие сурьмы в больших или меньших количествах, может быть, это является свидетельством применения в виде сырья сурьмянистого свинца.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Таблица 1

Фрагменты тмутараканской поливной керамики, подвергнутой петрографическому и спектральному анализам*

Тип посуды	Инвентарные номера	Шифр петрографического анализа, номера шлифа	Шифр спектрального анализа
I—1	Тм., 1952, XIII, № 133	3	234:1
I—1	Тм., 1954, XXVII, № 41	8	234:11
I—1	Тм., 1954, XXX, № 102	20	243:9
I—1	Тм., 1955, тр. IV, № 44	21	243:4
I—1	Тм., 1954, XXV, № 85	18	243:8
I—2	Тм., 1953, XIII, № 275	11	234:12
I—2	Тм., 1953, XIV, № 487	30	243:20
I—2	Тм., 1952, VII-Б, № 150	31	243:16
I—3	Тм., 1953, XIV, № 145	3	234:8
I—3	Тм., 1953, XVIII, № 678	14	234:3
I—3	Тм., 1953, XIV, № 872	16	243:10
II—1	Тм., 1953, XIV, № 1022	7	234:9
II—2	Тм., 1953, О, № 1212	5	234:10
II—3	Тм., 1952, VII, № 75	13	234:14
II—3	Тм., 1953, XIV, № 729	27	243:22
II—3	Тм., 1953, XIV, № 385	35.	243:19

* Анализам были также подвергнуты два фрагмента поливной керамики из раскопок И. Б. Зеест в Феодосии в 1952 г.

Результаты качественного

№ п/п	№ пластинки	№ спектра	Типы и виды керамики	Паспорт	Si	Ba	Cr	K	Mn
1	234	1	поливная I—1	Тм., 1952, XIII, № 133	—	—	4	6	5
2	234	11	» I—1	Тм., 1954, XXVII, № 41	—	—	5	6	4
3	243	9	» I—1	Тм., 1954, XXX, № 102	—	—	4	7	4
4	243	4	» I—1	Тм., 1955, тр. IV, № 44	—	—	5	7	5
5	243	8	» I—1	Тм., 1954, XXV, № 85	—	—	5	7	6
6	234	12	» I—2	Тм., 1953, XIII, № 275	—	—	4	5	4
7	243	20	» I—2	Тм., 1953, XIV-В, № 487	4	—	4	5	3
8	243	16	» I—2	Тм., 1952, VII-Б, № 150	6	—	5	6	3
9	234	8	» I—3	Тм., 1953, XIV, № 145	—	—	7	7	4
10	234	3	» I—3	Тм., 1953, XVIII, № 678	—	—	5	7	5
11	243	10	» I—3	Тм., 1953, XIV, № 872	7	—	5	6	5
12	234	9	» II—1	Тм., 1953, XIV, № 1022	—	—	5	5	5
13	234	10	» II—2	Тм., 1953, О, № 1212	—	—	5	5	5
14	234	14	» II—3	Тм., 1952, VII, № 75	—	—	5	4	4
15	243	22	» II—3	Тм., 1953, XIV, № 729	4	—	6	4	4
16	243	19	» II—3	Тм., 1953, XIV, № 385	4	—	4	4	4
17	243	18	» II—4	Тм., 1953, V, № 258	4	—	5	5	4
18	234	13	» II—5	Тм., 1953, О, № 898	—	—	6	6	6
19	243	24	» II—5	Тм., 1953, О, № 1067	4	—	4	5	4
20	234	2	» II—6	Тм., 1953, XVIII, № 23	—	—	4	5	4
21	243	23	» II—6	Тм., 1953, О, № 897	7	—	4	5	4
22	243	3	» II—7	Тм., 1953, XXXVIII, №13	7	—	4	5	5
23	243	7	» II—7	Тм., 1954, XXV, № 67	6	—	4	4	4
24	243	11	» II—7	Тм., 1952, IX, № 6	—	—	4	5	5
25	243	13	» II—7	Ф., 1952, кг., V/1, без номера	6	—	4	4	4
26	243	12	» II—7	Ф., 1952, V/7, № 40	6	—	4	5	5
27	234	4	» II—7	Тм., 1953, XVII, № 27	—	—	4	5	4
28	234	7	» II—7	Тм., 1953, О, № 1207	—	—	4	4	4
29	243	15	» II—8	Тм., 1953, XIV, № 147,	—	—	5	6	5

спектрального анализа

Ca	A	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	P	As	Fe	In	Ge	Au
4	3	5	5	4	—	5	4	3	4	4	5	4	4	—	4	3	7	—	—	—	—	—
3	3	5	5	4	—	5	4	5	4	4	—	4	3	6	3	3	—	—	—	—	—	—
4	4	6	5	4	6	5	4	4	4	4	—	5	3	7	4	3	—	—	3	—	—	—
4	3	7	5	4	—	6	4	4	4	4	—	—	3	—	4	3	—	—	3	—	—	—
5	4	7	5	5	—	6	4	4	4	4	—	5	3	5	4	3	—	—	—	—	—	—
3	3	6	5	4	—	5	4	5	4	7	—	—	4	6	3	3	—	—	4	—	—	—
4	3	7	4	4	—	5	4	4	4	5	6	6	3	7	3	3	—	—	3	—	—	—
4	3	4	5	4	—	6	4	4	5	5	7	—	3	5	4	3	—	—	5	—	—	—
5	5	—	7	7	—	—	4	5	7	4	—	4	5	5	5	2	—	—	—	—	—	—
5	4	—	5	5	—	6	4	4	5	5	—	5	4	7	4	3	—	—	—	—	—	—
4	4	—	5	4	—	5	4	4	5	4	—	6	3	7	4	3	—	—	3	—	—	—
4	3	—	5	5	—	5	4	5	6	5	—	7	4	5	3	3	—	—	—	—	—	—
3	3	—	6	4	—	5	6	5	6	—	—	—	4	6	3	4	—	—	—	—	—	—
3	3	—	5	4	7	5	5	5	6	6	—	—	3	5	3	4	5	—	—	—	—	—
4	3	—	6	4	—	5	4	4	6	—	—	5	3	7	4	4	—	—	3	—	—	—
3	3	—	5	4	4	—	5	4	5	7	—	—	3	—	3	4	—	—	3	—	—	—
3	3	—	6	4	—	5	5	4	6	7	—	—	3	6	3	4	—	—	3	—	—	—
5	5	—	5	6	6	5	4	5	5	4	—	5	4	5	4	3	—	—	—	—	—	—
4	3	—	6	4	—	5	4	3	5	4	—	5	3	7	4	3	—	—	3	—	—	—
3	3	7	5	4	—	5	4	3	4	5	—	4	3	5	3	2	6	—	—	—	—	—
4	4	7	4	5	—	5	4	3	5	4	—	5	3	7	4	3	—	—	3	—	—	—
4	4	—	5	4	—	5	4	4	5	5	—	4	3	4	4	3	6	—	3	—	—	—
4	4	7	5	4	—	4	5	4	4	6	—	—	3	4	4	3	—	6	3	—	—	—
4	4	—	6	5	—	5	4	5	5	—	—	—	3	6	4	3	—	—	3	—	—	—
4	4	6	5	4	—	5	5	4	5	5	7	—	3	5	4	3	—	5	3	—	—	—
4	4	—	5	5	—	5	5	4	5	4	—	—	3	7	4	3	—	—	3	—	—	—
3	3	7	5	4	—	5	4	3	4	4	5	4	3	6	3	2	6	—	—	—	—	—
3	3	7	5	4	—	5	5	4	4	4	—	—	4	5	3	3	—	—	—	—	—	—
4	4	7	5	5	—	5	4	4	5	4	7	5	3	5	4	3	—	—	3	—	—	—

Ю. Л. Щапова

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТМУТАРАКАНИ

Комплекс средневековых стеклянных изделий Тмутаракани резко отличен от комплекса стеклянных изделий античного периода прежде всего по составу находок. Стекло античного периода представлено посудой разных форм и оконным стеклом. Стеклянных украшений совсем немного. Лишь изредка встречаются вставки и перстни, а также небольшие по размерам бусы.

Среди стеклянных изделий средневековой Тмутаракани особенно много обнаружено браслетов. Немало по сравнению с античным временем найдено и бус, но посуда представлена единичными образцами.

Поскольку стеклянные изделия Тмутаракани (из раскопок Б. А. Рыбакова 1952—1955 гг.) еще никем не издавались [1], следует начать с подробного описания техники изготовления, состава стекла, типов и их особенностей по категориям вещей: браслеты, бусы, посуда, перстни. Изучение стеклянных изделий в настоящее время уже не мыслится без изучения состава стекла и техники изготовления изделий, которая во многом определяет форму и ее особенности.

Немаловажное значение для исследователей Причерноморья имеют вопросы о времени появления здесь стеклянных браслетов, происхождения разных видов стеклянных изделий.

Небезынтересно рассмотрение тмутараканского материала с точки зрения возможности производства стекла в самом городе. Существование в нем производства поливной керамики позволяет надеяться на положительное решение этой, может быть, самой интересной проблемы.

БРАСЛЕТЫ

Стеклянные браслеты — наиболее частая находка среди изделий из стекла в Тмутаракани. В разных слоях города найдено 299 стеклянных браслетов. Наиболее насыщены находками слои центральной части горо-

[1] Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность автору раскопок Б. А. Рыбакову за разрешение опубликовать материал.

дища, раскопы III, VIII—XII, XIX, XX, XXIII, XXV, XXIX, XXXI — XXXIV, раскопы IV, VII, XVII и XVIII западной части и раскопы XXVII, XXVIII, XXX — восточной.

В раскопах на юго-западной части городища (IV, VII, XIII—XIV) найден 51 браслет, тем не менее они исключены из общего числа браслетов, изучаемых в данной статье. Это объясняется тем, что большая часть браслетов происходит из слоев XVIII—XIV вв. и находится, следовательно, во вторичном залегании. Эта часть коллекции лишена самого необходимого качества массового материала: более или менее надежных стратиграфических дат.

Датировка находок. В основу деления материала по времени положена хронологическая (стратиграфическая) шкала, разработанная С. А. Плетневой [2]. Относительно времени появления стеклянных браслетов в Северном Причерноморье нет единого мнения. Некоторые авторы относят появление браслетов к IX—X вв. [3] В. В. Кропоткин считает, что браслеты в Крыму и на Тамани появились в середине X в. [4]

Обращаясь к изучению стеклянных браслетов Тмутаракани, мы ставим перед собой следующие задачи: определить время появления браслетов, характер бытования украшений этого типа, характерность этого типа украшений для каждого отрезка времени.

Для решения этих вопросов все находки браслетов на городище суммируем и рассчитываем проценты, определяющие в среднем число находок в каждое столетие.

Столетие	Число находок	%	Столетие	Число находок	%
XVIII—XV	8	2,79	XI	100	34,85
XIV	6	2,09	X	83	28,91
XIII	33	11,5	IX	18	6,27
XII	39	13,59	Всего	287	100

Эта же характеристика может быть выражена графически в виде диаграммы (рис. 1). Время появления браслетов мы должны относить к IX в. В X—XI вв. число браслетов резко увеличивается, причем максимум приходится на XI в. В последующее время количество браслетов

[2] См. статью С. А. Плетневой «Керамика Таманского городища» в настоящей книге.
[3] М. А. Тиханова. Мангуп. Базилика.— МИА, № 34, 1953, стр. 374, 375; Л. Н. Новикова. Могильник на горе Болван в Судаке.— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. III, 1929, стр. 136, 137.
[4] В. В. Кропоткин. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси.— КСИИМК, 68, 1957, стр. 36.

заметно сокращается, оставаясь все же достаточно частой находкой в слоях XII—XIII вв. Начиная с XIV в., браслеты практически исчезают на Тамани, встречаясь нередко во вторичном залегании.

Естественно возникает вопрос, насколько и как могут измениться полученные результаты в дальнейшем в связи с накоплением материала. Это можно рассчитать по формуле[5]. Увеличение коллекции почти в четыре раза (до 1250) оставит в силе данные, полученные нами в настоящее время, причем отклонения возможны только в пределах ±5%. Учитывая возможные изменения, тем не менее можно считать, что браслеты в Тмутаракани бесспорно появляются в IX в. Заметим, что значительные изменения можно ожидать только для XIV—XVIII вв. Браслеты безусловно характерны для времени X—XIII вв., наиболее часто встречаются они в XI в.

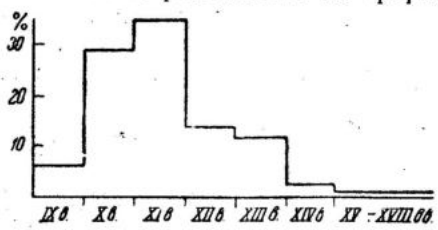


Рис. 1. Диаграмма распространения браслетов по векам (в %)

Типология. Типологическое изучение стеклянных изделий, основанное на чисто внешних, формальных признаках, уже устарело. Одну и ту же форму изделий можно получить разным путем, даже в примитивных условиях технологии стеклоделия в древности. Особенно красноречивы в этом отношении стеклянные бусы. З. А. Львова, изучая стеклянные браслеты Саркела — Белой Вежи, применила принцип технологической классификации не только к бусам, но и к браслетам[6].

Обращение к технологии изготовления изделий оказалось плодотворным. Рассмотрим тмутараканские браслеты с точки зрения техники их изготовления.

Технология изготовления браслетов складывается из двух основных операций: вытягивание жгута и скрепление отрезка в кольцо. Техноло-

---

[5] $n = \frac{1}{\frac{4\varepsilon^2}{\chi^2} + \frac{1}{N}}$; по этой формуле можно рассчитать, для какого количества браслетов, которое будет найдено с течением времени (N), останутся справедливыми выводы, приведенные на стр. 103. Будем рассчитывать N, исходя из условий: $n = 287$ (количество найденных в Тмутаракани браслетов); ε — точность 0,05; $\chi = 1{,}96$ при надежности до 0,95; $N = \frac{4\varepsilon^2}{\chi^2} = \frac{4\,(0{,}05)^2}{1{,}96^2} = 0{,}0026 \cdot n = \frac{1}{0{,}0026 + \frac{1}{N}}$; $287 = \frac{1}{0{,}0026 + \frac{1}{N}}$;

$\frac{1}{287} = 0{,}0026 + \frac{1}{N}$; $\frac{1}{287} - \frac{26}{10\,000} = \frac{1}{N} = \frac{34 - 26}{10\,000} = \frac{8}{10\,000}$; $N = \frac{10\,000}{8} = 1250$.

[6] З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи.— МИА, № 75, 1960, стр. 308—310.

гические различия могут проявиться на обоих этапах. Нередко при изготовлении более сложных форм (крученых разных видов) применяются дополнительные операции.

Полоса стекла или жгут имеют разные формы продольного сечения (рис. 2): круглое, плосковыпуклое, прямоугольное, квадратное, треугольное, в виде розетки с разным числом лепестков, плоское с одной стороны и рубчатое — с другой.

Ниже приводятся сведения о количестве находок браслетов разного сечения в слоях IX—XVIII вв. в Тмутаракани (в абсолютных числах и в процентах).

Браслеты	Количество	%
Круглые	97	33,81
Плосковыпуклые	89	31,01
Квадратные	22	7,68
Треугольные	39	13,60
Рубчатые крученые	24	8,37
Плосковыпуклые усложненные	14	4,53
Рубчатые	2	0,7
Всего . . .	287	100

Из приведенной таблицы следует, что гладкие круглые в сечении браслеты являются самыми частыми находками. Это можно объяснить простотой изготовления браслетов этого типа. Технологическая схема изготовления требует вытягивания жгута, разрезания на куски и скрепления концов отрезка.

Второе место занимают гладкие браслеты плосковыпуклого сечения. Схема их изготовления также очень проста, по сравнению с изготовлением круглых браслетов она отличается использованием плоской поверхности. Стеклянный жгут раскладывается на гладкой плите. Жгут подвергается известной деформации и принимает каплеобразную форму в силу законов поверхностного натяжения расплавленных стекол. Использование плит позволяет получать простым способом гладкие плосковыпуклые браслеты.

Таким образом, самые распространенные браслеты оказываются наиболее простыми по технике изготовления. Иногда вдоль такого браслета проложена бороздка шириною до 3 мм. Браслеты получают особый профиль и могут быть выделены в тип, условно называемый «плосковыпуклые вдвое» (рис. 2, *11*). Рядом с плосковыпуклыми браслетами и типологически и технологически нужно поставить браслеты плосковыпуклые усложненные (рис. 2, *5*). Усложнение типа состоит в том, что на одну полосу стекла, лежащую на плите, сверху накладывается вторая полоса, более узкая. В результате получается браслет новой формы.

Обстоятельство, что браслеты-полуфабрикаты лежат на плоскости, создает условия для украшения поверхности браслета. Действительно,

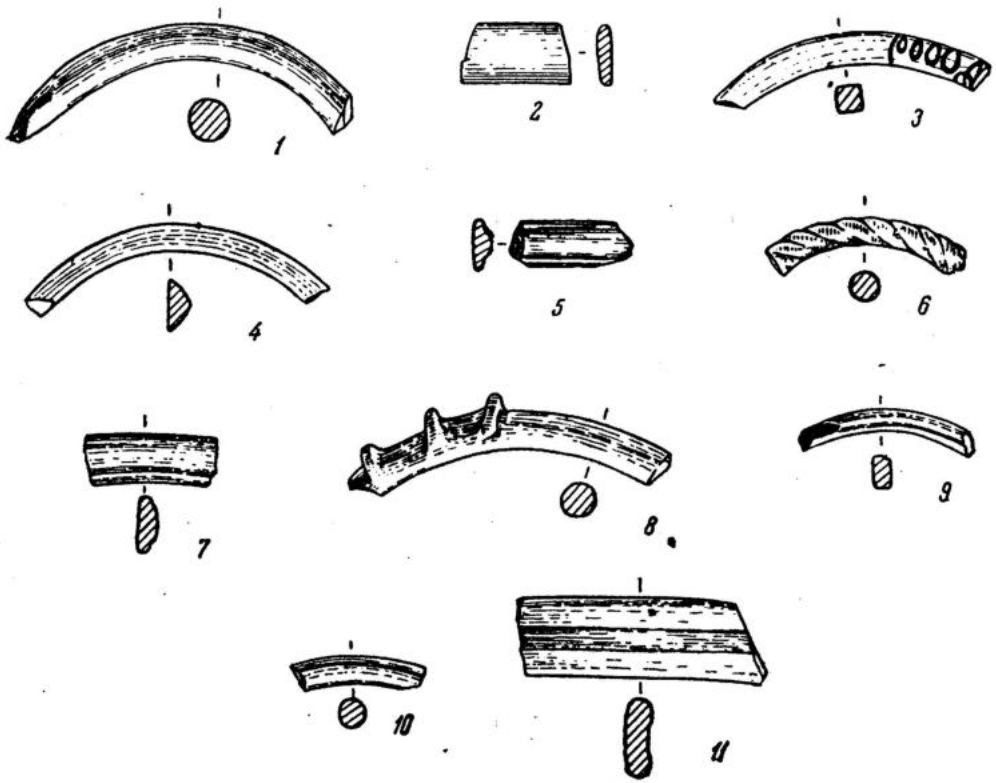


Рис. 2. Формы стеклянных браслетов

1 — круглый; *2* — плосковыпуклый; *3* — квадратный; *4* — треугольный; *5* — плосковыпуклый вдвое (византийский); *6* — крученый (византийский); *7* — плосковыпуклый в двое (тмутараканский); *8* — круглый с защипами; *9* — плоский (техника навивки); *30* — круглый (с патиной); *11* — плосковыпуклый усложненный

часть браслетов этого типа расписана желтой и красной эмалью (о сюжетах росписи см. ниже). Затем полосы стекла, с росписью или без нее, нарезались на куски нужной длины и концы отрезков скреплялись.

Изготовление граненых браслетов, прямоугольных и треугольных, связано с использованием фигурных наборных трубок и форм. Вытягивалась квадратная или треугольная заготовка, которая затем подправлялась до получения заданной формы. Нередко поверхность квадратных браслетов расписывалась, иногда они оставались без росписи, треугольные браслеты украшались редко.

Крученые браслеты изготавливались очень редко из четырехгранных браслетов путем кручения, чаще из специальных рифленых заготовок

В качестве украшения часто использовались [illegible] нитью.

Технологическое описание будет неполным, если не учесть небольшую группу плосковыпуклых браслетов, изготовленных [illegible] навивки, или накручивания. Их всего девять.

Браслеты различаются и по способу скрепления концов дрота. В районе соединения концов — самая некрасивая часть браслета. У двух браслетов место скрепления оформлено путем защипов, в результате чего получается три — пять бугорков, декорирующих место скрепления. Браслеты, изготовленные навивкой, места скрепления не имеют. Концы остальных браслетов соединены путем наложения.

В результате технологической характеристики стеклянные браслеты Тмутаракани мы должны разделить на три группы, опираясь на установленные выше различия.

1. Подавляющее число браслетов (287) изготовлено путем вытягивания. Около трети таких браслетов изготовлено путем вытягивания на плоскость, две трети — путем вытягивания с помощью профилированных наборных трубок.

2. Очень небольшая часть браслетов изготовлена путем накручивания (девять штук).

3. Еще меньше (всего два) встречено круглых браслетов с декоративно оформленным замком.

Как мы видели, браслеты Тмутаракани представляют собою совокупность трех составляющих, которые выделились в результате рассмотрения техники изготовления браслетов.

Группа браслетов, очень небольшая по числу, резко отлична от всех остальных находок. Эта группа составлена из девяти браслетов (рис. 2, *9*), изготовленных путем навивки или накручивания. Тонкая стеклянная полоса толщиною 1,5—2 мм, шириною 5—6 мм накручивалась на стержень диаметром 6 см (иногда 5—7 см). Закончив изготовление браслета, мастер обрывал утончившуюся нить так, что не оставалось следа ее обрыва. В результате такой технологии изготовления браслет не имел места скрепления. К сожалению, не все девять находок имеют стратиграфические даты (два браслета найдены в яме 1 раскопа XX, остальные семь — в слоях X—XI вв.). Подобная техника изготовления браслетов известна наряду с другими и в Византии [7] и в Закавказье [8].

По составу стекла браслеты этой группы отличаются друг от друга. Два браслета изготовлены из натриево-магниево-кальциево-кремнеземного стекла (ан. № 313 : 21; 314 : 1). Два обломка (ан. № 313 : 22 и 23) оказались принадлежащими одному браслету (этому не противоречит и топография находок: один обломок был найден на раскопе VIII, другой — на IX). Число находок браслетов этой группы сократилось на единицу.

[7] В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 39, рис. 11, третий (правый).

[8] Н. Н. Угрелидзе. Стеклоделательное производство феодальной Грузии.— Доклад на сессии ИИМК 5.IV 1959 г. на секции Кавказа и Средней Азии.

Остальные пять браслетов изготовлены из калиево-натриево-магниево-кальциево-кремнеземного стекла. Из стекла такого же состава изготовлены два перстня, найденные в Тмутаракани (ан. № 311 : 21, 22), перстень из закавказской мастерской (в технике навивки) (ан. № 314 : 18) и несколько обломков браслетов (ан. № 314 : 15—17), кусочек тонкого стеклянного дротика (ан. № 314 : 14) из той же мастерской, два браслета из городища Верхний Джулат [9].

Из приводимых в списке примеров бесспорны только закавказские аналогии, полученные непосредственно из мастерской. Они сходны и в составе стекла и в технике изготовления изделий (см. перстни, изготовленные навивкой). Заметим, что из пяти обломков изделий и полуфабрикатов этой мастерской три имеют большую примесь окиси марганца, а два — нет (ан. № 314 : 16, 18). В составе наших браслетов нет больших примесей окиси марганца. Можно думать, что эта часть стеклянных браслетов, изготовленных навивкой, вероятнее всего, происходит из стеклоделательных мастерских Закавказья. Самая меньшая часть — всего два — это круглые браслеты, место скрепления которых декорировано несколькими защипами в виде бугорков (рис. 2, *8*). Аналогичный способ скрепления концов браслетов и перстней встречается на стеклянных изделиях XIII—XIV вв., происходящих из закавказских мастерских Орбети и Натбеури [10]. Тмутараканские браслеты темно-коричневого цвета происходят из слоев XIII в. Браслеты подобной формы встречаются в Керчи и Херсонесе. К сожалению, эти находки происходят из случайных сборов и лишены определенных дат.

Исследованы составы обоих браслетов. Они изготовлены из натриево-магниево-кальциево-кремнеземного стекла (ан. № 313 : 12, 14). В составе стекла обнаружена большая примесь окиси марганца. Это обстоятельство многие, начиная с Н. Н. Угрелидзе, неоднократно приводили в качестве признака закавказского происхождения стеклянных изделий [11].

Основная масса стеклянных браслетов Тмутаракани абсолютно едина и в технике изготовления, и в типе изделий. Единственное очевидное различие в браслетах этой группы получило свое выражение в сохранности стекла. Бóльшая часть браслетов имеет плотную пленку иризации или покрыта радужной побежалостью. Другую часть браслетов отличает прекрасная сохранность стекла, эти браслеты чистые, блестящие, яркие, будто бы только вышли из рук мастера.

Браслетов этой группы в коллекции сохранилось 49 [12], из которых

---

[9] Ан. № 314: 6, 7. Приношу глубокую благодарность О. В. Милорадович за предоставление материала.

[10] Н. Н. Угрелидзе. Указ. соч.

[11] Н. Н. Угрелидзе. К истории производства стекла в древней Грузии (стеклянные сосуды IV—VIII вв. н. э. из Самтаврского могильника). Автореферат. Тбилиси, 1955, стр. 15.

[12] В статье З. А. Львовой «Стеклянные браслеты и бусы Саркела — Белой Вежи» указывается, что браслеты этого вида в Тмутаракани составляют 40% от общего числа

семь лишены паспортов, так что обработке подверглось 42. Браслеты этой группы составляют 14,64%. В общем числе браслетов они занимают очень скромное место, никогда, даже в пору расцвета бытования, их число не превышало 5% (см. табл. 1). Это очень серьезный признак того, что браслеты этой группы откуда-то ввозились в Тмутаракань.

Для определения места производства браслетов мы можем использовать две возможности: установить состав стекла, из которого эти браслеты изготовлены, и установить ареал этих браслетов.

Браслеты Тмутаракани — это один из немногих комплексов, изучаемых специально. Подробно исследованы браслеты Саркела [13], вряд ли можно считать таковыми браслеты Киева [14] и Херсонеса [15], в стадии первоначального изучения находится история стеклянных браслетов древнерусских городов [16]. Большинство исследователей интересуют вопросы хронологии, а не места производства стеклянных браслетов [17]. К сожалению, браслеты в большинстве опубликованных материалов описаны столь кратко, что нельзя представить себе ничего, кроме количества находок, только этих сведений недостаточно. Обращение к теме стеклянных браслетов требует подробного знакомства со всеми находками. Уже сейчас это выходит за пределы возможностей одного исследователя. Приходится довольствоваться немногими публикациями, которые уже имеются, и частью неопубликованных материалов, предоставленных в наше распоряжение авторами раскопок.

Браслеты этого типа встречены в Саркеле, где они составляют 4,8% всех браслетов [18], есть они в небольшом количестве, до 1%, в Киеве, Чернигове [19], Смоленске [20], Белоозере, Минске, Друцке, Любече, Вщиже,

---

(стр. 320). К настоящему времени изменился и показатель с 40 до 14,64% в связи с тем, что коллекция возросла почти вдвое, а число браслетов этой группы осталось прежним.

[13] З. А. Львова. Указ. соч.

[14] М. К. Каргер. Древний Киев. М.— Л., 1958, стр. 406—408.

[15] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес XII—XIV вв.— МИА, № 17, 1950; его же. Раннесредневековый Херсонес.— МИА, № 63, 1959.

[16] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно.— МИА, № 41, 1954; А. Л. Монгайт. Старая Рязань.— МИА, № 49, 1955; В. В. Седов. Сельские поселения Смоленской земли.— МИА, № 92, 1960.

[17] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948; В. В. Кропоткин, Г. Ф. Соловьева. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси.— КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 21—25; М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме.— КСИИМК, XLVII, 1952; В. К. Гончаров. Древний Колодяжин.— КСИИМК, LII, 1951; В. А. Богусевич. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве.— КСИА АН УССР, 3, 1954; его же. Археологические раскопки на Подоле.— КСИИМК, LII, 1951.

[18] З. А. Львова. Указ. соч., стр. 320.

[19] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова.— МИА, № 11, 1949.

[20] Результаты спектрального анализа стеклянных браслетов из указанных пунктов. Материалы предоставлены Э. М. Загорульским, Л. В. Алексеевым, Б. А. Рыбаковым, Л. А. Голубевой. Пользуюсь случаем поблагодарить их за разрешение воспользоваться этими материалами.

Новгороде [21], встречаются они в Херсонесе, Византии, Дунайской Болгарии, на Кавказе [22] и в Крыму [23]. О частоте находок браслетов этого типа, встреченных в Причерноморье, нам ничего не известно.

Тем не менее географически они скорее характерны для Юга Руси и Причерноморья, чем для основной территории древнерусского государства.

Внешне совершенно сходные браслеты изготовлены из стекла разных составов. Исследован состав десяти браслетов (ан. № 312 : 23, 24; 313 : 4—10; 314 : 23). Семь браслетов изготовлены из калиево-натриево-магниево-кальциево-кремнеземного стекла. В качестве красителя использовано небольшое количество окиси кобальта. Удивительным кажется отсутствие в составе стекла окиси марганца, обычно вводимого в подобные стекла для нейтрализации действия загрязняющих примесей. Три браслета изготовлены из калиево-натриево-кальциево-магниево-кремнеземного стекла с повышенным содержанием окиси алюминия (ан. № 313 : 4, 312 : 23, 314 : 24); самая близкая аналогия составу стекла этого браслета известна из Саркела [24], для всей группы аналогии составов известны в том же Саркеле и в Херсонесе [25].

Таким образом, химическую устойчивость браслетов этой группы нельзя объяснять только повышенным содержанием глинозема. Как мы видели, этой особенностью обладает меньшая часть браслетов. Большая часть имеет обычное содержание окиси алюминия. Более устойчив для этой группы другой признак — довольно значительное содержание окиси калия. Отмеченные пункты находок браслетов аналогичного состава замыкают треугольник Херсонес — Саркел — Тмутаракань. За этими пределами браслеты подобного состава встречаются нечасто. Известны находки браслетов такого состава в Белоозере (1 экз., 1%), Новгороде (50 экз., 1%), Друцке (12 экз., 2%), Вщиже (6 экз., 1%), Любече (6 экз., 2%), Титчихе (1 экз.), Новогрудке (6 экз., 1%), Москве (1 экз., 1%), Мстиславле (1 экз., 1%) [26]. Во всех пунктах подобные браслеты найдены в домонгольских слоях. Эти браслеты нужно рассматривать или как продукцию греческих мастерских Киева, или как ввоз из Византии (в этом случае речь идет о плосковыпуклых и треугольных браслетах с

---

[21] М. Д. Полубояринова. Стеклянные браслеты древнего Новгорода.— МИА, № 117, 1963.

[22] З. А. Львова. Указ. соч., стр. 320.

[23] В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 39.

[24] М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, табл. 25, ан. № 204.

[25] Там же, табл. 25, ан. № 207; табл. 26, ан. № 208.

[26] Номера даны по книге регистрации результатов спектрального анализа: Белоозеро, ан. № 273 : 1; Новгород, ан. № 179 : 3, 7—14; 180 : 1, 4, 5, 9, 16, 17, 21, 24; 181 : 10, 11—14; 182:20; 183:10, 13, 19; 191:1—5, 8—10; 194:1—12, 18; 195:1, 3, 17; Друцк, ан. № 203:14; 204:3, 4, 8; 257:22; 258:18—21, 24; Вщиж, ан. № 187:7, 11; 188:10, 19; 189:4, 20; Любеч, ан. № 280:2—6; 278:19; Титчиха, ан. № 206:51; Новогрудок, ан. № 214:13—16, 24; 215:1, 11; Москва, ан. № 252:15; Мстиславль, ан. № 260:6.

росписью или без нее). Таким образом, браслеты, изготовленные в Византии (или в мастерских византийских мастеров на Руси), встречаются во многих городских пунктах древней Руси очень редко, по мере приближения к центру производства (Саркел — 5%, Тмутаракань — 14%) количество браслетов византийского производства возрастает, что вполне закономерно.

Небезынтересен более детальный типо-хронологический анализ браслетов этой группы. Типологически можно характеризовать всю группу в целом, включив сюда и депаспортизированные находки.

Из 49 браслетов 16 принадлежат к типу гладких треугольного сечения, 14 — к типу плосковыпуклых усложненных, 8 — к типу плосковыпуклых, 8 — к типу крученых, 3 браслета гладких круглых. Все браслеты этой группы, кроме двух, лишены какого-либо декора на поверхности, что резко отличает их от аналогичных браслетов Саркела. Видимо, в Тмутаракань и Саркел браслеты ввозились, хотя и из одного большого района, но, вероятно, из разных областей или во всяком случае из разных мастерских.

В качестве еще одного свидетельства в пользу византийского происхождения браслетов этой группы можно рассматривать аналогичные браслеты Саркела, золото росписи и ряд сюжетов которых (птицы) ведут нас к западным областям Византийской империи[27]. По времени находки распределяются следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение по времени типов браслетов первой группы

Столетие	Браслеты					Количество		
	круглые	плосковыпуклые	рубчатые	треугольные	плосковыпуклые усложненные	итого	%	% от 287
XIII	—	—	1	1	2	4	9,53	1,4
XII	1	1	1	4	1	8	19,05	2,79
XI	1	1	1	4	6	13	30,95	4,53
X	1	3	3	5	3	15	35,72	5,23
IX	—	—	—	—	2	2	4,76	0,7
Всего	3	5	6	14	14	42	100	14,02

Период расцвета в бытовании браслетов этой группы наступает сразу после их появления. Все разнообразие типов приходится на X—XI вв.

[27] З. А. Львова. Указ. соч., стр. 314, 319.

Хотя разница в количестве находок и невелика, но в X в. они встречаются несколько чаще. В течение X—XII вв. бытует один и тот же набор типов. Более детальную типологическую характеристику сделать невозможно: слишком малы числовые показатели. А все рассуждения, построенные на подобных основаниях, будут иметь очень широкий доверительный интервал.

Обратимся к браслетам второй группы. В табл. 2 приведены сведения о количестве находок браслетов этой группы по слоям, из этой же

Таблица 2

Распределение по времени типов браслетов второй группы

Столетие	Браслеты							Количество	
	круглые	квадратные	плосковыпуклые	рубчатые крученые	треугольные	рубчатые	плосковыпуклые усложненные	итого	% от 287
XVIII—XV	5	—	3	—	—	—	—	8	2,79
XIV	4	—	1	1	—	—	—	6	2,09
XIII	15	2	7	3	—	—	—	27	9,41
XII	14	1	9	3	6	—	—	33	11,50
XI	24	10	37	6	9	1	—	87	30,31
X	24	8	23	3	10	—	—	68	23,69
IX	8	1	4	2	—	1	—	16	5,58
Всего . .	94	22	84	18	25	2	—	245	85,37
	38,37	8,98	34,29	7,35	10,20	0,82	—	100	

таблицы можно представить себе соотношение разных типов в разное время.

Совершенно очевидно преобладание браслетов этой группы над всеми остальными: 85,37% — число достаточно показательное. Появляясь так же, как и браслеты первой группы, в IX в. в небольшом числе, они в значительном количестве встречаются уже в X в., максимума распространения браслеты достигают в XI в. В последующее время количество находок резко падает, в XIV в. они встречаются изредка, не будучи характерными для этого времени.

Самое видное место среди браслетов этой группы занимают браслеты гладкие круглые и плосковыпуклые. Это объясняется прежде всего простотой технологической схемы их изготовления. И те и другие браслеты сделаны путем вытягивания: круглые — свободно, плосковыпуклые — на плоскость. Преобладание этих типов среди браслетов второй группы особенно очевидно из следующего сравнения: круглые браслеты во второй группе составляют 38,37%, в первой — 2,7%; плосковыпук-

лые соответственно — 34,89 и 16,22%. Браслеты треугольные в первой группе составляют 32,43%, во второй — 10,2%; крученых браслетов в обеих группах около 8%. Браслеты квадратного сечения присущи только второй группе, браслеты плосковыпуклые усложненные — только первой.

История бытования браслетов обеих групп, как мы видим, не одинакова (рис. 3). Хотя появляются обе группы браслетов одновременно, ритм развития у них разный. Браслеты первой группы максимума распространения достигают в X в., в последующее время их число постепенно сокращается. Браслеты второй группы получают наибольшее распространение в XI в., в XII и XIII вв. они встречаются достаточно часто.

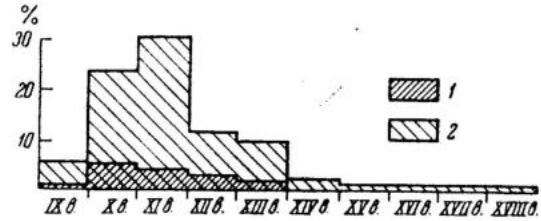


Рис. 3. Диаграмма распространения браслетов по векам (в %) с учетом сохранности стекла

1 — браслеты без иризации; *2* — браслеты с иризацией

Этот факт можно рассматривать как некоторое доказательство в пользу разных источников происхождения браслетов обеих групп.

Несмотря на известную разницу браслетов обеих групп, их связь между собой несомненна. В технике изготовления изделий они едины.

Намечается сходство и в украшении поверхности браслета росписью. Правда, расписаны только два браслета второй группы (0,7%). Роспись на браслетах первой группы встречается чаще, среди браслетов этой группы расписных почти 14%. Мотивы росписи и техника ее нанесения на браслеты обеих групп очень близки. Расписаны браслеты плосковыпуклые, треугольные четырехгранные и один круглый.

Сюжеты росписи разные. Простейший сюжет — последовательно расположенные круги (рис. 4, *1*); так орнаментирован круглый гладкий браслет, шесть квадратных. Дважды повторены в качестве орнаментального мотива одноцветная полоска, штрихи и желтые круги (рис. 4, *13, 15*). Все остальные декоративные сюжеты несхожи друг с другом, каждый орнамент единственный в своем роде (рис. 4, *4—15*). Браслеты расписаны желтой, очень редко красной краской, которая хорошо закреплена на поверхности.

Иногда поверхностная иризация уничтожает не только верхний слой стекла, но и роспись.

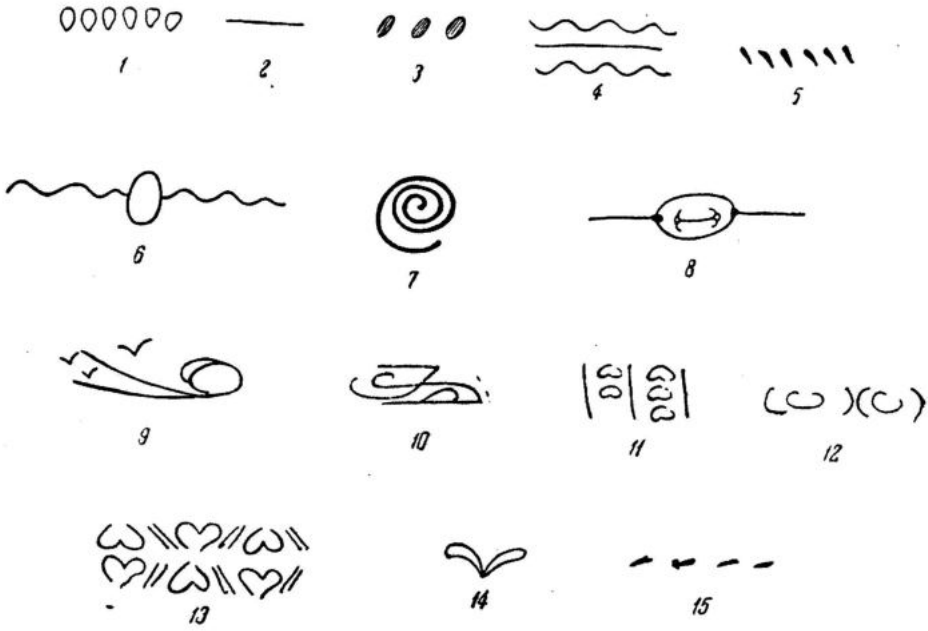


Рис. 4. Сюжеты росписи на браслетах (*1—15*)

Некоторые декоративные сюжеты браслетов имеют аналогии в сюжетах росписи на браслетах Белой Вежи [28], Коринфа [29], Дунайской Болгарии [30] (рис. 4, *4, 10*). Роспись на остальных браслетах можно рассматривать как вариации завитков, волнистых линий, волют и спиралей, имеющих повторения на браслетах указанных районов. Анализ росписи (ее техники и сюжетов) еще раз убеждает нас в том, что рассматриваемая группа браслетов Тмутаракани принадлежит к тому же кругу, что и изделия Белой Вежи, Византии, Херсонеса, Болгарии.

Браслеты Тмутаракани достаточно различны по составу стекла. Исследован состав 20 браслетов и одного отрезка дрота. Отрезок дрота длиною 2,5 см представляет собою остаток длинного дрота, из которого нарезались браслеты. Этот дрот, как и большая часть браслетов, изготовлен из натриево-кальциево-кремнеземного стекла (ан. № 312 : 6), столь характерного для стеклоделия различных эпох [31]. Из этого же

[28] З. А. Львова. Указ. соч., рис. 2, *4*, *7*.

[29] G. R. Davidson. The minor objects.— The Corinth, t. XII, № 2152, 2153, New Jersey, 1952.

[30] «Известия русского Археологического института в Константинополе», т. X, альбом «Абоба — Плиска», табл. LVII, № 9, 11, 12.

[31] М. А. Безбородов. Стеклоделие..., стр. 253, табл. 36.

стекла изготовлено 15 браслетов круглых, плосковыпуклых, плосковыпуклых усложненных, квадратных, синих, зеленоватых, фиолетовых с росписью и без нее (ан. № 312 : 4, 5, 10—14, 16—18, 20; 313 : 1—3; 314 : 13).

Среди этой группы есть браслеты подобных же типов, изготовленные из стекол других составов. Два браслета, плосковыпуклый и крученый, изготовлены из натриево-магниево-кальциево-кремнеземного стекла (ан. 312 : 15, 22). Из стекла сделаны браслеты, найденные в Керчи (ан. № 230 : 18, 19), Чуфут-Кале (ан. № 230 : 1, 3, 4).

Три браслета изготовлены из стекла калиево-натриево-магниево-кальциево-кремнеземного (ан. № 312 : 13, 21; 314 : 3). Из стекла такого же состава изготовлена и большая часть браслетов первой группы (ан. № 312 : 23; 313 : 5—10; 314 : 23), один из четырех исследованных браслетов, происходящих из Чуфут-Кале, изготовлен из стекла такого же состава (ан. № 230 : 22).

Браслеты Чуфут-Кале и Керчи очень сходны с аналогичными браслетами Тмутаракани: в их состав не вводится окись марганца. Это упрощение состава стекла имеет только одно следствие — получается стекло менее чистого тона, но красящие свойства окиси кобальта настолько активны, что на внешних качествах стекла отсутствие окиси марганца не отражается. Браслеты этих составов встречены в слоях IX—XI вв. (в XI в.— 3 экз.).

Основная масса (15 браслетов и дрот) имеют аналоги состава в том же Херсонесе, но в слоях XII—XIII вв.[32]

Взаимная связь стеклянных браслетов Причерноморья (Херсонес, Чуфут-Кале, Керчь, Тмутаракань, Византия) совершенно очевидна.

Типологически браслеты Тмутаракани и Саркела едины, но количественное соотношение типов различное[33]. Различны и соотношения объемов браслетов разных групп. Сравним их между собой (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение браслетов Саркела и Тмутаракани (в %)

Название памятника	Браслеты				
	из черного стекла	из серовато-голубоватого и василькового стекла (браслеты второй группы в Тмутаракани)	из химически стойкого стекла первой группы в Тмутаракани	навивка I	с фигурным замком
Саркел	40,56	53,04	4,84	—	—
Тмутаракань	—	81,60*	14,05*	3,01	1

* 81,6, а не 85,37 % от общего числа находок —299 вместо 287 (см. табл. 1,2).

[32] М. А. Безбородов. Стеклоделие..., стр. 208, табл. 26, ан. № 105, 180.
[33] З. А. Львова. Указ. соч., стр. 323.

Браслетов предполагаемого местного производства в Саркеле — 40,56%, в Тмутаракани саркельских браслетов нет. Византийских браслетов в Саркеле меньше, чем в Тмутаракани. Соотношение же количества находок (по векам в %) византийских браслетов в обоих городах примерно одинаково, особенно для IX и XI вв.

Столетие	Саркел	Тмутаракань	Столетие	Саркел	Тмутаракань
XIII	—	9,53	X	41,61	31,19
XII	9,35	19,05	IX	19,42	14,31
XI	32,26	30,95			

Картина бытования византийских браслетов в Саркеле ярче, чем в Тмутаракани. Большая часть византийских браслетов приходится на X в., первые византийские браслеты появляются в IX в., т. е. хронологическая характеристика одинакова, что может свидетельствовать в пользу единого источника происхождения, наряду с внешним сходством (сохранность, форма) и сходством состава.

Соотношение во времени разных типов браслетов второй группы (серовато-голубоватые и васильковые, покрытые иризирующей пленкой) в Тмутаракани и Саркеле имеет многие сходные черты, как следует из приводимых цифр:

Столетие	Саркел	Тмутаракань	Столетие	Саркел	Тмутаракань
XIII	—	11,02	X	32,94	27,76
XII	15,88	13,57	IX	8,24	6,53
XI	44,71	35,51			

Как и в первом случае, сопоставление данных обнаруживает в Саркеле картину более выразительную, чем в Тмутаракани, и в этом сказывается значение больших серий находок. Подобие линий развития в обоих случаях может свидетельствовать опять-таки в пользу предположения о едином источнике происхождения браслетов этих групп. В этой связи значение решения вопроса о происхождении основной массы браслетов Тмутаракани несравненно возрастает.

Таким образом, все браслеты Тмутаракани были разделены предварительно на четыре группы. Каждая из этих групп может быть связана с определенным источником. Это деление в известной степени гипотетично, но вполне оправдывается имеющимися аналогиями. Группу браслетов, изготовленных путем вытягивания из чистого, прозрачного, без иризации стекла состава K — Na — Mg — Ca — Si, можно связывать с производством мастерских византийской метрополии.

Группа в восемь браслетов, изготовленных путем навивки из стекла двух сортов K — Na — Mg — Ca — Si и Na — Mg — Ca — Si, может быть связана с Закавказьем так же, как и еще одна группа, состоящая из двух браслетов с фигурно оформленным местом скрепления концов дрота.

Основная масса браслетов, теперь уже не 245, а 246 штук, должна быть рассмотрена более подробно в свете материалов, приводимых выше.

Уже отмечалось, что эта часть браслетов неоднородна по своему составу. Для меньшей части браслетов (по составу), происходящей из слоев IX—XI вв., оказалось возможным подобрать серию аналогов среди материалов Херсонеса, Чуфут-Кале, Керчи и Тмутаракани. Другая часть браслетов, бóльшая, изготовлена из несколько отличного по составу стекла, имеет в комплексе так называемый отход производства, который является бесспорным доказательством производства соответствующих изделий на месте.

Кроме этого прямого свидетельства, имеется ряд косвенных, которые все вместе составляют доказательство существования производства стеклянных браслетов в Тмутаракани.

Ритм развития производства браслетов в Тмутаракани не зависит от внешних обстоятельств. Как мы видели (рис. 3), максимум браслетов падает на XI в. Политическая ситуация в Причерноморье, очень изменчивая и сложная в течение X—XI вв., никак не отражалась на развитии этого производства. Оно началось в IX в. и развивалось постепенно. Благоприятными условиями для его развития сначала оказалась мода на стеклянные браслеты, распространившаяся в Причерноморье с IX в. Затем русское население в Тмутаракани X—XI вв. восприняло моду на браслеты, что также способствовало развитию производства, переживавшего в это время свой расцвет. В последующее время, в половецкий период истории города, благоприятная обстановка исчезла, а вслед за этим и сократился объем производства, став почти одинаковым с объемом производства X в. Разорение города татарами свело это производство на нет, лишь отдельные находки встречаются в более поздних слоях.

В течение всего времени производства браслетов, а в период расцвета его в особенности, изделия тмутараканских мастерских вывозились за пределы города, например, в Херсонес (находка в слое XII—XIII вв.), а, возможно, что и в Саркел. Таким образом, в Тмутаракани осуществлялось производство браслетов в течение долгого времени. Можно думать, что известная часть браслетов, находимых в других южнорусских городах, может оказаться связанной по происхождению с Тмутараканью.

Другая часть браслетов этой же технологической группы, но изготовленная из другого стекла: Na — Mg — Ca — Si и K — Na — Mg — Ca — Si, по происхождению не может быть прямо связана с Тмутараканью. Хотя все перечисленные составы стекла — это единый в целом комплекс, отмеченной разницей пренебречь нельзя.

Сосредоточенность подобных находок в Крыму может, правда, лишь косвенно указывать на крымский источник их происхождения. К сожалению, не все крымские находки имеют даты, например, керченские

браслеты найдены коллекционером-любителем вне слоя. Браслеты Чуфут-Кале датируются X—XI вв.[34], аналогичные браслеты Тмутаракани датируются так же. Возможно, что в течение этого времени браслеты в Тмутаракань ввозились не только из Византии и Кавказа, но и из городов Крыма, Корчева или Херсонеса. Последний до русско-византийской войны конца X в. был крупным производственно-экономическим и культурно-политическим центром в Причерноморье[35]. К сожалению, автор раскопок А. Л. Якобсон совсем не обращается в своем исследовании к теме стеклянных браслетов. С конца X в., со времени русско-византийской войны, в которой Херсонес очень сильно пострадал, жизнь города, видимо, затихла. В первой половине XI в. резко сократились ремесла и торговля Херсонеса, что, с другой стороны, явилось следствием сложившейся в это время обстановки. Активизация кочевых племен причерноморских степей, ясно выраженное сближение Руси и Византии (с 1037 г.), ослабление торговой и политической активности Руси в Западном Крыму — все это усугубляло положение Херсонеса, разоренного войной и потерявшего свое значение крупного торгового центра. К концу XI в. Херсонес утратил его и для Византии[36].

В этой связи возникновение производства браслетов в Тмутаракани естественно и закономерно.

Экспорт византийского ремесла (продукции и мастеров) достигал Киева в пору наиболее тесных контактов Руси и Византии[37].

В пределах Причерноморья этот экспорт мог осуществляться в течение более длительного времени и почти беспрерывно. С Византией связано производство поливной керамики Херсонеса и Тмутаракани[38]. Представляется возможным связывать с Византией и производство стеклянных браслетов этих городов.

Технология производства браслетов, состав стекла, манера и техника декора византийских и остальных браслетов, кроме кавказских, настолько родственны, что при менее детальном членении они оказались бы вместе. В этой связи и на этом фоне история производства стеклянных браслетов в Тмутаракани, до известной степени гипотетичная, может быть воссоздана в следующем виде.

В IX—X вв. ведущее место в производстве браслетов в Северном Причерноморье занимал Херсонес. Потребность населения Тмутаракани в браслетах удовлетворялась за счет их ввоза из метрополии и из

---

[34] Пользуюсь случаем поблагодарить В. В. Кропоткина за предоставленный материал и точные справки о дате и месте находок.

[35] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес XII—XIV вв.— МИА, № 17, 1950, стр. 11—13.

[36] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес..., стр. 14—17.

[37] Ю. Л. Щапова. Древнерусские стеклянные изделия как источник по истории русско-византийских отношений XI—XII вв.— ВВ, XIX, М., 1961.

[38] См. статью Т. И. Макаровой «Поливная керамика Таманского городища» в этой книге.

Херсонеса. Вполне вероятно, что в самой Тмутаракани тоже работала какая-нибудь мастерская, основанная византийцами. Изменение положения в Херсонесе могло послужить причиной переезда какой-то части мастеров в Тмутаракань, иначе трудно объяснить встречавшиеся в XI в. браслеты предполагаемого херсонесско-крымского варианта. Другая часть херсонесских мастеров могла вернуться на родину.

ПЕРСТНИ

В Тмутаракани найдено три обломка перстней: два черных, один полупрозрачный бирюзовый.

Один перстень изготовлен путем вытягивания дрота (черный). Концы дрота соединены щипцами, место соединения украшено бугорком (рис. 5, *1*). Подобным образом скреплены концы перстней, изготовленных в закавказских мастерских Орбети и Натбеури. Он изготовлен из калиево-натриево-магниево-кальциево-кремнеземного стекла с повышенным содержанием окиси алюминия. Стекло темное из-за того, что плохо обработано сырье и введен обесцвечиватель — окись марганца — в очень малом количестве (ан. № 311 : 20). Перстень найден в слое X в. Аналоги состава известны в Азербайджане и в Саркеле [39].

1 *2*

Рис. 5. Перстни
1 — круглый с защипом;
2 — треугольный (техника навивки)

Два других перстня изготовлены путем навивки стеклянной полосы вокруг стержня (черный, бирюзовый). Следы вращения нити видны отчетливо (рис. 5, *2*). В подобной технике изготовлены перстни из стеклоделательной мастерской Закавказья [40]. Оба перстня изготовлены из калиево-натриево-кальциево-магниево-кремнеземного стекла (ан. № 311 : 21, 22). Голубой цвет стекла получен в результате введения в состав небольшого количества окиси меди, непрозрачность — за счет окиси олова; коричневый цвет зависит от окиси марганца. Один перстень найден в слое X в., два других — в слоях XI—XIII вв. Совершенно очевидно, что для Тмутаракани перстни не характерны, так же как и для Саркела.

Несколько чаще они встречались на Руси. Как украшение перстни более характерны для Закавказья, где они производились в ряде мастерских, откуда они и попали в Тмутаракань. Отметим, что в Тмутаракани совсем нет русских и византийских перстней.

---

[39] М. А. Безбородов, А. Л. Якобсон. Химическое исследование средневековых стекол из Байлакана.— СА, 1960, № 4, стр. 294, 295.

[40] Н. Н. Угрелидзе. Раскопки мастерской VII—VIII вв. у Орбети.— Доклад на сессии ИИМК 5.IV 1959 г. на секции Кавказа и Средней Азии.

БУСЫ

В Тмутаракани, вернее в ее средневековых слоях, найдено очень мало бус, всего десять. Даже это небольшое число бус можно разделить на две технологические группы. Обычное технологическое описание при таком малом числе находок не нужно, так как нет двух одинаковых бусин.

Первая группа составлена из бусин, изготовленных из трубочки. Красная бусина с тремя голубыми глазками в желтых ободках (рис. 6, *1*) сделана из натриево-магниево-кальциево-кремнеземного стекла с небольшой примесью окиси свинца. Стекло глухое, цвет темный, «печеночный». И цвет и непрозрачность стекла зависят от находящейся в стекломассе во взвешенном состоянии металлической меди. Окись марганца введена первоначально для нейтрализации действия загрязняющих примесей. Бусины аналогичных форм и состава встречаются на территории Восточной Европы довольно часто в памятниках до начала XI в.

Из стекла того же состава изготовлена бусина, шарообразная, черная, с тремя глазками в трехчастной восьмерке (рис. 6, *2*). Стекло в тонком сколе прозрачное, коричневое, цвет зависит от присутствия в составе стекла окиси марганца. Аналогии происходят из широкого круга памятников до начала XI в.

Типологически к этому же кругу памятников и к этому же времени должна быть отнесена темная с белыми полосами бусина лимоновидной формы (рис. 6, *3*).

Одна бусина этой группы — брак, у нее нет отверстия (рис. 6, *4*). Находка бракованных изделий всегда вселяла надежду, что обнаружено доказательство местного производства. Однако это не всегда так, как и в нашем случае. Бусина изготовлена из стекла состава K — Na — — Ca — Mg — Si, который отличается от предыдущего повышенным содержанием окисей калия и кальция. Кроме того, в ее составе прослеживается заметная примесь окиси бария и стронция, которая не известна в средневековых стеклах и лишь изредка встречается в позднеантичных стеклах этого же состава. Видимо, бусина попала сюда из более глубоких слоев, но эта находка единичная и не имеет значения для выводов.

По аналогиям (тип изделия и состав стекла) бусины этой группы должны быть отнесены к продукции производства ближневосточных мастерских до первой четверти XI в. (рис. 6, *1—4*), за исключением последней.

Шесть бусин второй группы изготовлены путем навивки. Одна синяя зонная бусина с красной инкрустацией в виде многочастной восьмерки (рис. 6, *5*) сделана из натриево-магниево-кальциево-кремнезем-

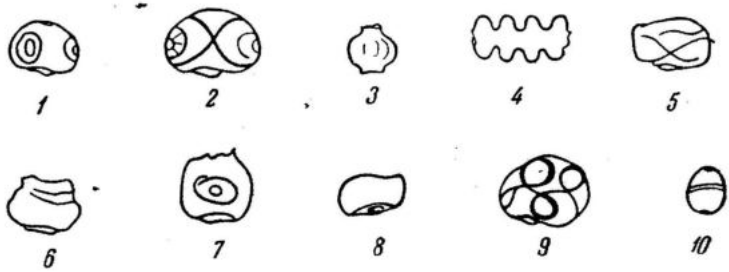


Рис. 6. Бусы (схема)

1—4 — бусы ближневосточного происхождения; *5—10* — бусы в технике навивки

ного стекла с пониженным содержанием щелочных земель. Краситель — окись кобальта.

Красная зонная бусина (рис. 6, *6*) изготовлена из стекла того же состава. Окрашено стекло окисью меди, окись марганца присутствует в составе в обычных количествах, она, как всегда, введена для нейтрализации действия загрязняющих примесей.

Путем навивки изготовлена из стекла K — Na — Ca — Mg — Si (ан. № 311 : 17) овальная коричневая бусина с белым пояском. Коричневый цвет получен за счет введения в состав окиси марганца. Небольшое содержание окиси сурьмы, возможно, попало в пробу из белой полосы стекла; для белого стекла она выступает в качестве глушителя и обесцвечивателя. Однажды уже исследовалась бусина, изготовленная подобным способом. Она была найдена в раннесредневековом могильнике Латвии и относилась к продукции передневосточных мастерских. Сходство состава, технологии и времени существования позволяет сближать и источник происхождения. Может быть, эта бусина, найденная в Тамани, была изготовлена в ближневосточной мастерской. Это предположение вполне оправдывается наличием в Тмутаракани других бус, происходящих оттуда же, отнесенных к первой группе.

Происхождение одной части бус можно лишь предположительно связывать с Византией.

В большинстве случаев бусы, находимые в Тмутаракани в слоях X — XI вв., происходят из мастерских Ближнего Востока. В синхронных слоях разных памятников Восточной Европы передневосточные бусы — в изобилии. Они встречаются и в глухих районах Подонья и Заонежья а здесь, у начала сухопутного пути на Север, бус нет. В такой связи эт кажется невероятным, но факт бесспорен. Видимо, отсутствие бус со ставляет какую-то особенность набора женских украшений в Тмутара кани.

ПОСУДА

По сравнению с античным временем, в средневековых слоях Тмутаракани найдено совсем мало посудного стекла — всего пять обломков. Но они очень разнохарактерны и представляют не менее трех художественных и производственных школ.

Одна находка — это часть днища сосуда на поддоне (рис. 7, *1*; ан. № 312 : 1). Стекло голубого цвета, хотя специального красителя нет, а обесцвечиватель — окись марганца — введен. Стекло по составу принадлежит к группе натриево-калиево-кальциево-кремнеземного стекла, из такого же стекла изготовлен перстень (рис. 5, *2*; ан. № 311 : 22), бусина (рис. 6, *7*; ан. № 312 : 9), сосуд из античного слоя (ан № 311 : 1). Хотя стратиграфически находку следует датировать концом VIII в., правильнее ее отнести к IX в. и искать аналогии среди изделий мастерских византийской метрополии.

Другой осколок донца принадлежит аналогичному сосуду, выдутому в форму, так же как и первый. На его изготовление употреблено натриево-кальциево-кремнеземное стекло, окрашенное окисью кобальта (рис. 7, *2*; ан. № 312 : 2). Обе находки нужно отнести к производству византийской метрополии IX—XIII вв. Хронологические пределы установлены на основании стратиграфических дат. Сосуды, имевшие днища такой формы, изготавливались в течение целого столетия в стеклоделательной мастерской Коринфа XI—XII в.[41] К сожалению, в нашем распоряжении нет материалов для характеристики других отрезков времени периода IX—XIII вв. В этой связи более точное определение места производства этих сосудов приобретает серьезное значение.

Осколок третьего сосуда этого типа принадлежит к изделиям русских мастерских Киева домонгольского времени. Бесспорным признаком для такого определения служит состав стекла — калиево-свинцово-кремнеземное (рис. 7, *3*; ан. № 312 : 3) — в сочетании с техникой свободного дутья и формой, столь часто встречающейся в русских древностях[42]. Этот осколок найден в слое XIII—XIV вв. Против такой даты нужно возразить. С 1240 г. русское производство посуды в Киеве уничтожено татарами[43], а на протяжении предшествующего времени, в половецкий период истории города, возможность попадания русского сосуда через степь в Тмутаракань очень невелика. Появление этого сосуда, скорее, следует относить к XI в., времени наиболее тесных контактов Тмутаракани с Русью, которое совпадает с периодом существования этого производства в Киеве. Находка осколка в позднем слое может быть объяснена частичным перекопом, имевшим место в древности.

---

[41] G. R. Davidson. Указ. соч., стр. 111, рис. 324, 325.

[42] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 398; М. К. Каргер. Указ. соч., табл. LXIX, 2.

[43] Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия древнего Новгорода.— МИА, № 117, 1963.

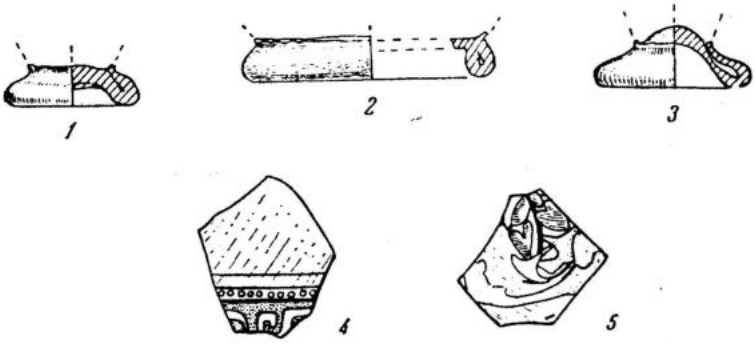


Рис. 7. Обломки стеклянных сосудов (*1—5*)

Один фрагмент представляет собою осколок стенки в том месте, где цилиндрическое тулово сосуда переходит в слегка расширяющееся устье. У самого начала расширения располагается неширокий поясок, состоящий из трех параллельных красных линий (рис. 7, *4*). Между первой и второй — белые точки, ниже третьей — элементы меандра. Судя по целому ряду аналогий, сосуды подобной формы, украшенные орнаментом такого рода, изготавливались в Сирии в XIII в. (1260—1290 гг.). Не противоречит такому решению и состав стекла. Осколок принадлежит сосуду, сделанному из стекла состава K — Na — Mg — Ca — Si (ан. № 311 : 11). Из стекла такого же состава изготовлены два сирийских сосуда, найденные в Новгороде [44], сирийский сосуд, найденный в Новогрудке [45], два сирийских сосуда, хранящихся в ГИМ [46].

В Тмутаракани обнаружен еще один осколок стеклянного расписного сосуда (рис. 7, *5*), изготовленного из стекла, аналогичного предыдущему по составу (ан. № 311 : 12). Аналоги росписи найти очень трудно, так как имеющиеся остатки настолько невыразительны, что нельзя понять самый сюжет, не говоря уже о его возможном сочетании с остальными элементами композиции. По манере росписи, по цветовому сочетанию, наконец, по технике росписи и составу стекла круг поисков аналогий может быть ограничен географически районами Ближнего Востока, хронологически — XIII в. [47] Обе тмутараканские находки

---

[44] Ю. Л. Щапова. Два сирийских сосуда из Новгорода.— Историко-археологический сборник. М., 1962, стр. 232—236.

[45] Ф. Д. Гуревич. Стеклянный резной бокал из Новогрудка.— СА, 1963, № 2.

[46] Ан. № 135:8, 9 по книге регистрации результатов спектрального анализа. Хранится на кафедре археологии МГУ.

[47] C. J. Lamm. Oriental glass of mediaeval date found in Sweden and the early lustrepainting. Stockholm, 1941, табл. XXII, рис. 17; K. J. Lamm. Mittelalterliche Glä-

происходят из слоя конца XIII в. Совпадение стратиграфического возраста находки с определением времени на основе сравнения особенностей стиля художественного оформления и химического анализа позволяет надеяться, что определения эти правильны.

Нужно заметить, что сирийские сосуды в Тамани — не первые в Причерноморье и на Северном Кавказе. Достаточно припомнить стеклянные сосуды из белореченских курганов [48] и из Змейского могильника [49]. Видимо, какая-то связь жителей Таманского городища с Сирией существовала непрерывно или с перерывами на протяжении чрезвычайно длинного периода (находки бус в слоях X—XI вв. и посуды в слое XIII в.).

* * *

Как мы видели, комплекс стеклянных изделий Тмутаракани количественно сравнительно небольшой, и число категорий и типов изделий также очень невелико. Преобладают браслеты, а находки бус и перстней настолько редки, что ими можно пренебречь, рассматривая женские стеклянные украшения в целом.

Для разработки других тем, например, торговли, культурных связей, некоторых отделов стратиграфии и хронологии, значение этих редких находок, наряду с другими, может существенно измениться.

Небольшое число находок стеклянной посуды в средневековых слоях Тмутаракани по сравнению с большим количеством подобных находок в слоях античного времени можно объяснить изменением набора парадной столовой посуды.

В средние века здесь получила распространение очень декоративная поливная керамика: чаши, блюда, небольшие кубки. Стеклянная посуда, более скромная и тонкая, теряется рядом с роскошным великолепием разноцветных глазурей. При желании жители Тмутаракани могли обеспечить себя стеклянной посудой, доставляя ее из Византии или из Закавказья, наконец, с Руси. Однако стеклянной посуды в Тмутаракани мало.

Отсутствие интереса к стеклянной посуде, наряду с равнодушием ко всем стеклянным украшениям, кроме браслетов, видимо, составляло одну из особенностей быта населения Тмутаракани.

Как бы там ни было, стеклянные изделия, происходящие из мастерских разных районов, указывают нам направления торговых и культурных связей города (правда, на основании только изделий из стекла мы не можем судить об интенсивности этих связей). Какими-то путями

---

ser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Berlin, 1928—1930, т. II, табл. 133—137.

[48] ОАК за 1896 г., стр. 26, 27, рис. 144; курган 47.

[49] В. А. Кузнецов. О позднеаланской культуре Северного Кавказа.— СА, 1959, № 2, стр. 102.

Тмутаракань была связана с Центральным Закавказьем (браслеты и перстни — аналоги грузинским), с Восточным Закавказьем (перстни), Византией (браслеты, бусы, посуда), Херсонесом (браслеты), Русью (посуда), Сирией (посуда) — из этих мест изделия поступали в Тмутаракань на протяжении всего времени существования города. В разные годы намечаются изменения направлений связей: в хазарский период IX—X вв.— Сирия, Византия, Восточное Закавказье, Херсонес; в русский период — Византия, Русь, Центральное Закавказье; в половецкий период — Закавказье, Сирия. Разное направление торговых и культурных связей определяется динамикой внутреннего развития этого района и в равной мере особенностями внешнеполитических ситуаций.

В сфере предположений находятся наши решения о связях, идущих из Тмутаракани в направлении Саркел (IX — начало XII в.), Южная Русь (X—XI вв.), Херсонес (XII—XIII вв.).

Подробное рассмотрение стеклянных браслетов с химико-технологической и типо-хронологической точек зрения позволило выделить их группу, в местном производстве которой можно не сомневаться. Эти браслеты, главным образом, синие, желтые, фиолетовые и зеленые с росписью или без нее, покрытые иризацией на поверхности, химически относятся к группе натриево-кальциево-кремнеземных стекол. Технология стекловарения отличается высоким уровнем (обесцвечиватели, разные красители), техника нанесения декора и многое другое свидетельствует о том, что перед нами ремесло высокоразвитое, тесно связанное с Византией.

Существование в Тмутаракани производства поливной посуды по византийским образцам и рецептам дополняется наличием византийских мастерских по производству стеклянных браслетов. Объем производства этих мастерских безусловно перекрывал все внутренние потребности. На этой основе можно было организовать вывоз браслетов за пределы княжества, что и было, видимо, сделано в наиболее благоприятное для этого время, в пору связей Тмутаракани с другими городами Хазарского каганата, а затем в пору существования здесь русского княжества.

Таманское стекло вносит известную ясность в спор о времени появления браслетов в Северном Причерноморье. Судя по материалам Тмутаракани, браслеты появляются здесь в IX в. Материалы Саркела заставляют поднять дату появления браслетов до второй половины IX в., известное сходство этих памятников позволяет принять это уточнение и для Тмутаракани.

Такова вкратце история производства и бытования различных категорий изделий из стекла в Таматархе-Тмутаракани.

№ п/п	№ пластинки	№ спектра	Описание предмета	Паспорт	Sr	Ba	Cr	K
1	311	11	Стенка сирийского сосуда	Тм., 1953, XIV, № 233	4	7	5	3
2	311	12	Стенка сирийского сосуда	Тм., 1952, V, № 195	4	5	5	3
3	311	13	Стенка сирийского сосуда	Тм., 1953, XX, № 382	4	7	5	3
4	311	14	Бусина лимоновидная (рис. 6, *4*)	Тм., 1954, XXX, № 96	4	4	4	3
5	311	15	Бусина красная с сине-желтыми глазками (рис. 6, *1*)	Тм., 1954, XXX, № 77	5	7	4	4
6	311	16	Бусина красная (рис. 6, *6*)	Тм., 1954, XXX, № 310	4	7	4	4
7	311	17	Бусина красная (рис. 6, *10*)	Тм., 1954, XXIX, № 37	4	6	5	3
8	311	18	Бусина с глазками (рис. 6, *2*)	Тм., 1954, XXIX, № 48	4	6	4	4
9	311	19	Бусина зонная синяя (рис. 6, *5*)	Тм., 1952, I, № 75	4	7	5	4
10	311	20	Перстень черный с «бородавкой» (рис. 5, *1*) . . .	Тм., 1954, XXX, № 154	4	6	4	2
11	311	21	Перстень бирюзовый, навивкой (рис. 5, *2*)	Тм., 1953, ЦШ № 2, № 4	4	7	5	2
12	311	22	Перстень черный, навивкой (рис. 5, *2*)	Тм., 1957, XII, № 76	4	4	5	3
13	312	1	Днище сосуда (рис. 7, *1*)	Тм., 1954, XIX, № 8	—	5	3	3
14	312	2	Днище сосуда синее (рис. 7, *2*)	Тм., 1954, XXVII, № 13	—	5	4	3
15	312	3	Днище сосуда желтое (рис. 7, *3*)	Тм., 1954, XIX, № 294	—	5	2	—
16	312	4	Браслет плоский черный рубчатый	Тм., 1954, XII, № 91	—	5	4	3
17	312	5	Браслет гладкий синий круглый	Тм., 1952, I, № 521	6	5	4	3

спектрального анализа

Mn	Ca	Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	P	Au
3	4	4	4	4	5	5	2	5	4	5	4	5	—		—	3	4	5	5
3	4	4	7	5	5	—	2	5	5	5	5	5	—		7	3	4	6	5
3	3	4	4	5	5	6	2	5	4	5	5	5	—		—	3	4	5	—
3	3	4	5	5	5	7	2	4	5	5	6	5	—		—	3	5	5	—
3	4	4	5	4	5	6	2	4	3	5	4	6	—		—	3	4	5	—
3	4	4	4	4	5	4	2	4	3	5	3	5	—		5	3	3	5	—
3	3	4	6	5	5	—	2	6	5	5	6	5	—		5	3	4	6	—
3	4	4	7	5	4	7	2	5	4	5	4	5	—		—	3	4	5	—
4	4	4	4	5	5	5	2	6	4	5	5	5	—	ОСНОВА	—	3	4	5	—
4	4	4	7	5	5	—	2	7	5	5	7	7	—		—	3	6	5	—
5	3	4	—	5	6	—	2	5	4	6	4	6	—		—	3	4	5	—
3	3	4	5	4	5	7	2	5	5	5	5	5	—		—	3	4	5	—
4	3	4	5	5	5	7	2	5	4	—	4	5	—		—	3	4	—	—
4	3	4	4	4	5	4	2	5	4	—	4	5	—		—	3	4	—	—
5	4	5	—	7	6	—	4	5	5	—	—	4	—		—	4	3	—	—
4	3	4	4	5	5	7	2	6	4	—	5	5	—		7	3	4	—	—
4	3	4	4	5	5	6	2	5	4	—	4	4	—		—	3	4	—	—

№ п/п	№ пластинки	№ спектра	Описание предмета	Паспорт	Sr	Ba	Cr	K
18	312	6	Отрезок дрота круглый . .	Тм., 1952, I, № 521	6	5	4	3
19	312	7	Бусина зонная	Тм., 1954, западный некрополь, № 35	—	4	4	3
20	312	8	Бусина черная с желтой инкрустацией (рис. 6, 9) . .	Тм., 1954, XXIII, № 14	7	—	—	3
21	312	9	Бусина синяя плоская с глазком (рис. 6, 7) . . .	Тм., 1954, XXVIII, №1	7	5	3	5
22	312	10	Браслет синий плоский с росписью	Тм., 1954, XX, № 111	6	5	4	3
23	312	11	Браслет гладкий круглый с росписью	без паспорта	7	5	4	3
24	312	12	Браслет круглый зеленый	Тм., 1954, XX, № 129	5	5	4	3
25	312	13	Браслет квадратный коричневый	Тм., 1954, XXIX, № 98	2	4	4	3
			Браслеты					
26	312	14	круглый гладкий синий . .	Тм., 1953, XVIII, № 39	—	7	4	4
27	312	15	крученый синий	Тм., 1954, XXIII, № 197	—	—	5	4
28	312	16	плоский рубчатый синий	Тм., 1954, XIX, № 52	—	7	5	4
29	312	17	плосковыпуклый вдвое синий	Тм., 1953, XVIII, № 658	—	7	5	4
30	312	18	плосковыпуклый синий . .	Тм., 1953, XVIII, № 444	—	7	5	4
31	312	19	круглый синий	Тм., 1954, XVI, № 44	—	7	6	3
32	312	20	квадратный фиолетовый . .	Тм., 1954, XXIII, № 190	—	7	5	4
33	312	21	плосковыпуклый синий . .	Тм., 1953, XVIII, № 841	—	—	—	3
34	312	22	плосковыпуклый двуцвет.	Тм., 1955, XXXII, № 13	—	—	—	4
35	312	23	треугольный красный . . .	без паспорта	—	—	—	3
36	312	24	» » . . .	Тм., 1954, н. з., № 63	—	—	6	3

Приложение (продолжение)

Mn	Ca	Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	P	Au
4	3	4	4	5	4	7	2	5	4	—	4	4	—		7	3	4	—	—
4	3	4	5	5	4	—	2	7	4	—	7	5	—		—	3	6	—	—
5	5	5	5	5	4	—	5	4	2	—	4	6	4		5	4	3	—	—
4	3	4	7	6	4	—	2	7	5	—	6	7	—		—	3	5	—	—
4	3	4	4	5	6	6	2	4	4	—	5	5	—		—	3	4	—	—
4	3	4	5	4	6	6	2	4	4	—	4	4	—		7	3	4	—	—
4	3	4	—	7	5	—	2	—	5	—	7	6	—		—	3	7	—	—
4	3	4	5	4	5	—	2	6	4	—	7	4	—	ОСНОВА	7	3	5	—	—
3	3	4	4	5	5	6	2	5	4	5	6	5	—		—	3	4	—	—
4	4	4	4	5	6	6	2	5	4	5	5	5	—		—	3	4	—	—
3	3	4	4	5	5	6	2	5	4	5	5	5	—		—	3	4	—	—
3	3	4	4	5	5	6	2	5	4	5	6	5	—		—	3	5	—	—
3	3	4	4	5	5	6	2	5	4	5	5	5	—		—	3	4	—	—
5	4	4	—	7	5	—	2	7	5	4	—	6	—		—	3	7	—	—
3	4	4	6	5	5	—	2	7	5	4	7	5	—		—	3	6	—	—
6	5	5	5	7	7	—	2	—	•4	6	7	5	—		—	3	5	—	—
5	5	5	—	6	7	6	2	4	4	5	4	6	6		—	3	4	—	—
6	5	5	4	6	7	6	2	7	4	7	6	5	—		—	3	5	—	—
5	3	4	4	6	6	7	2	7	4	6	7	5	—		—	3	5	—	—

№ п/п	№ пластинки	№ спектра	Описание предмета	Паспорт	Sr	Ba	Cr	K
37	313	1	плосковыпуклый синий . .	Тм., 1953, XIV, № 911	4	7	5	4
38	313	2	плосковыпуклый синий . .	Тм., 1954, XXV, № 29	5	7	5	4
39	313	3	плосковыпуклый синий . .	Тм., 1953, XIII, № 762	4	7	5	4
40	313	4	треугольный без иризации синий	Тм., 1953, XII, № 454	4	—	5	3
41	313	5	плосковыпуклый синий . .	Тм., 1954, XIX, № 20	6	—	5	3
42	313	6	треугольный синий	Тм., 1953, XII, № 513	7	—	5	3
43	313	7	треугольный синий	Тм., 1954, XXIII, № 36	6	—	5	3
44	313	8	круглый синий	Тм., 1954, XXX, № 6	6	—	5	3
45	313	9	треугольный синий	Тм., 1953, XIII, № 825	4	—	5	3
46	313	10	треугольный синий	Тм., 1954, XXIII, № 9	5	—	5	3
47	313	11	круглый гладкий желтый	Тм., 1953, XX, № 405	4	5	5	4
48	313	12	круглый черный с защипами	Тм., 1954, XXIII, № 43	4	7	5	4
49	313	13	плосковыпуклый без иризации синий	Тм., 1953, XIV, № 1075	4	6	5	4
50	313	14	круглый черный с защипами	Тм., 1953, XIV, № 569	4	6	5	4
51	313	15	треугольный малый, синий	Тм., 1954, XXX, № 1	5	—	5	3
52	313	16	плосковыпуклый малый, синий	Тм., 1954, XIX, № 185	5	—	5	3
53	313	17	плосковыпуклый малый, синий	Тм., 1953, XX, № 403	4	7	5	3
54	313	18	треугольный малый, коричневый	Тм., 1954, XIX, № 328	4	6	5	3
55	313	19	треугольный малый, коричневый	Тм., 1954, XXX, № 59	5	6	6	3
56	313	20	плосковыпуклый, навивкой	Тм., 1952. № 139	6	—	5	3

Приложение (продолжение)

Mn	Ca	Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	P	Au
3	3	4	4	4	4	6	2	5	4	4	6	5	—		—	3	4	—	—
3	3	4	4	4	5	5	2	5	4	4	5	4	—		—	3	4	—	—
3	3	4	4	4	5	6	2	5	4	4	5	4	—		—	3	4	—	—
5	3	3	4	5	5	—	2	7	4	6	7	5	—		—	3	5	—	—
5	4	4	5	5	7	7	2	7	4	5	7	5	—		—	3	5	—	—
6	4	4	5	5	7	7	2	7	4	6	7	5	—		—	3	5	—	—
5	4	4	4	5	7	7	2	7	4	6	7	5	—		—	3	5	—	—
4	4	4	5	5	7	7	2	7	4	6	7	5	—		—	3	5	—	—
5	4	4	5	5	5	7	2	7	4	6	7	5	—		—	3	5	—	
5	4	4	5	5	5	7	2	7	4	6	7	5	—	ОСНОВА	—	3	5	—	—
3	4	4	6	5	5	7	2	4	4	4	5	5	—		—	3	4	5	—
3	4	4	5	5	5	—	2	5	4	4	4	5	—		—	3	4	6	—
3	3	4	4	5	5	7	2	6	4	5	6	5	—		—	3	5	—	—
3	4	4	5	5	5	7	2	4	4	5	4	5	—		—	3	4	5	—
5	4	4	4	4	5	—	2	—	4	5	7	5	—		—	3	5	—	—
6	4	4	4	4	5	—	2	—	4	5	7	5	—		—	3	5	—	—
3	4	4	4	4	5	5	2	6	4	5	5	5	—		—	3	5	—	—
4	4	4	4	7	5	5	2	7	5	4	7	6	—		—	3	7	—	—
5	4	4	—	6	5	—	2	7	5	5	7	6	—		—	3	6	—	—
7	4	5	—	6	6	—	2	7	5	5	—	5	—		—	3	6	—	—

№ п/п	№ пластинки	№ спектра	Описание предмета	Паспорт	Sr	Ba	Cr	K
57	313	21	плосковыпуклый навивкой	Тм., 1954, XXV, № 140	5	—	4	4
58	313	22	плосковыпуклый навивкой	Тм., 1952, VIII, № 239	5	—	5	3
59	313	23	плосковыпуклый навивкой	Тм., 1952, IX, № 269	5	—	4	3
60	314	1	плосковыпуклый бирюзовый, навивкой	Тм., 1953, XX, № 235	7	—	4	4
61	314	2	плосковыпуклый коричневый, навивкой	Тм., 1953, XX, № 25	4	—	5	3
62	314	3	крученый синий	Тм., 1954, XXX, № 7	5	—	4	3
63	314	4	плосковыпуклый коричневый, навивкой	Тм., 1952, VIII, без номера	4	—	4	3
64	314	5	плосковыпуклый коричневый, навивкой	Тм., 1953, XVI, № 3	4	7	4	3
65	314	6	плосковыпуклый коричневый	Верхний Джулат, без номера	5	7	4	3
66	314	7	плосковыпуклый коричневый	Верхний Джулат, без номера	5	—	5	3
67	314	13	квадратный фиолетовый с росписью	Тм., 1952, XIII, № 85	4	5	4	4
68	314	14	крученый зеленый	Мастерская Орбети VII—VIII вв., раскопки Н. Н. Угрелидзе, 1961 г.	5	6	5	3
69	314	15	плосковыпуклый черный . .		5	5	5	3
70	314	16	плосковыпуклый черный, навивкой		5	6	4	3
71	314	17	крученый черный		5	5	4	3
72	314	18	Перстень плосковыпуклый черный, навивкой		5	5	4	3
73	314	23	Браслет плосковыпуклый без иризации, синий . .	Тм., 1954, XXX, № 11	5	—	6	3

Приложение (окончание)

Mn	Ca	Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	P	Au
5	4	4	7	5	4	—	2	7	5	4	6	7	—		—	3	6	—	—
4	4	4	7	5	4	—	2	7	5	4	7	7	—		—	3	5	—	—
4	4	4	7	5	4	—	2	7	5	4	7	7	—		—	3	5	—	—
4	4	4	—	5	4	—	2	4	3	4	4	—	6		—	3	4	—	7
5	4	4	—	5	4	—	2	—	5	4	7	6	—		—	3	7	—	—
3	4	4	4	4	5	7	2	5	4	4	5	5	—		7	3	4	—	—
6	4	4	—	6	5	—	2	—	5	5	—	6	—		—	3	7	—	—
4	4	4	7	5	5	—	2	7	5	5	—	6	—		—	3	5	—	—
4	4	4	7	5	5	7	2	5	4	5	4	7	—		—	3	4	—	—
5	4	4	5	6	7	7	2	7	5	6	7	6	—		—	3	6	—	—
3	4	4	4	4	5	7	2	5	4	4	4	4	—		7	3	4	—	—
3	4	4	7	5	4	—	2	—	5	4	7	6	—		—	3	5	—	—
3	4	4	6	5	4	—	2	5	5	4	4	5	—		—	3	4	—	—
4	4	4	7	5	5	—	2	7	5	4	7	6	—		—	3	5	—	—
3	4	4	7	5	5	—	2	7	5		7	5	—		—	3	6	—	—
4	4	4	7	5	4	—	2	7	5	4	7	6	—		—	3	6	—	—
4	4	4	4	6	5	—	2	6	4	7	7	5	—		—	3	5	—	—

ОСНОВА

Н. П. Сорокина

ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ СТЕКЛО С ТАМАНСКОГО ГОРОДИЩА

Обломков стекла позднеантичного и раннесредневекового времени из раскопок Б. А. Рыбакова на Таманском городище в 1952—1955 гг. сравнительно немного — всего около 110 штук. Это мелкие обломки различных частей сосудов (краев, горлышек, стенок, донышек, ручек), а также оконного стекла. Они встречались на всех раскопах, расположенных в различных частях городища. Однако степень концентрации их на раскопах неодинакова. Большая часть стекла была найдена в восточной части городища. Меньшее число обломков дали раскопы в центре городища и совсем незначительное — раскопы на западе. Такое распределение находится в прямой связи с топографией городища. Стекла было больше там, где под средневековой Тмутараканью и Таматархой залегали остатки Гермонассы, как это удалось проследить на восточных и отчасти центральных раскопах. В эпоху средневековья городище расширялось к западу и юго-западу, выйдя за пределы городской черты Гермонассы, поэтому на западных раскопах имелись слои, относящиеся, по-видимому, только ко времени не ранее IX в. Обломки стекла в этих слоях единичны.

На городище были найдены исключительно обломки стеклянной посуды. Но благодаря тому, что они представляли собою в большинстве случаев профилированные части сосудов, по ним было возможно в ряде случаев восстановить всю форму сосуда. В основу реконструкции нами положены целые сосуды с аналогичными профилями из многих могильников Северного Причерноморья: Пантикапейского, Фанагорийского, Херсонесского, Инкерманского и некоторых могильников и городищ Средиземноморья. Аналогии помогли нам в датировке обломков [1] и они служили, кроме того, средством контроля хронологического единства

[1] При определении времени стеклянных обломков нам пришлось отказаться от датировки, построенной на статистическом методе, который применен С. А. Плетневой в отношении керамики и Ю. Л. Щаповой для стеклянных браслетов, поскольку обломков стекла ничтожное количество по сравнению с указанными материалами.

или разновременности слоев и найденных в них обломков стекла. Этот контроль был необходим потому, что установить дату обломков стеклянной посуды по тому слою, в котором они были найдены, не всегда было возможно. Таманское городище, прошедшее сложную многовековую историю, имеет не менее сложную стратиграфию. Перемещение находок из одного слоя в другой из-за различного рода перекопов грунта в разные эпохи можно было констатировать в процессе раскопок очень часто, особенно на раскопах XXVII, XXVIII, XXX, расположенных в восточной части городища с напластованиями культурных слоев от средневекового и античного времени. Обломки стеклянной посуды IV в., наряду с другими находками античного времени, много раз оказывались там найденными в слоях VII—VIII вв. Установить перемещение стекла из позднеантичных слоев в средневековые позволило, кроме того, сравнение некоторых форм сосудов, широко представленных на восточных раскопах с мощными античными слоями и отсутствие их на западных раскопах, где наблюдались только слои средневекового времени.

Все найденные обломки стекла с Таманского городища мы распределили по основным профилированным частям сосудов: края, горла, ножки, донышки, ручки, выделив внутри каждого раздела различные типы. Характеризуя типы, мы старались по возможности выяснить район их распространения, а также установить принадлежность обломков сосуда к позднеантичному или раннесредневековому времени. Помимо того, мы выделили в особые разделы описания находок стенок сосудов и обломки оконного стекла.

Края сосудов. Представлены пятью типами: А — Д. Ведущими из них являются типы А и Б.

Тип А отличается следующими признаками: это края сосудов, сделанных из оливково-зеленоватого стекла. Профиль краев очень характерен: он сильно отогнут (рис. 1, *1—4*). Сверху край обычно не обработан. Диаметр устья сосудов стабильный — 7 см. Толщина стенок от 1 до 2 мм.

Профиль обломков краев и качество стекла настолько характерны, что форма сосуда в целом может быть довольно легко восстановлена. Это стаканы, имеющие слегка суживающееся книзу тулово и немного вогнутое дно, иногда украшались одним или тремя каплевидными напаями из синего стекла, расположенными в средней части тулова (рис. 2, *1, 2*). Такие стаканы были найдены в могильнике Харакса, который по монетам датируется второй половиной III — первой половиной IV в. [2]

Аналогичные стаканы также хорошо известны по некрополю Пантикапея. Они найдены, главным образом, в земляных склепах в районе

---

[2] В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг. — МИА, № 19, 1951, рис. 14, *5*, стр. 290.

Госпитальной улицы. Например, в склепе 179 (раскопки 1904 г.), 181 (3) (раскопки 1903 г.), катакомбе Б (раскопки 1905 г.) и т. д.[3] Совместный материал датирует их IV — первой половиной V в. н. э. Филярской[4] опубликован подобный же стакан из некрополя Пантикапея или Ольвии, который она относит к III—IV вв. При раскопках Пантикапея в 1946—1961 гг. в слоях III—IV вв. были обнаружены обломки краев таких же стаканов. Список стаканов из Пантикапея можно было бы продолжить, но мы его ограничим и приведем некоторые аналогии стаканам типа А с территории Западной Европы и Средиземноморья. Стаканы с аналогичным профилем, найденные в Паннонии, венгерские археологи датируют III в. и второй половиной IV в.[5] Известны стаканы и в Галлии. Опубликовавший их Морэн-Жан относит эти сосуды к IV в.[6]

Все приведенные аналогии позволяют считать, что края сосудов типа А следует отнести к позднеантичной группе стеклянных сосудов Таманского городища.

Тип Б представлен обломками краев сосудов, имеющих другой, чем у типа А, профиль. Край этих сосудов не отогнут так резко, он только немного утолщается и обычно бывает сверху обработан (рис. 1, *5—7*). Судя по одному обломку (Б, *1*) довольно больших размеров, тулово сосуда, которому он принадлежал, немного расширялось к устью и сужалось ко дну. Диаметр сосудов, которым принадлежали края, неодинаков: у одних он равен 7—8 см, у других — 5—6 см. Отличается и цвет стекла. У сосудов диаметром 7 см стекло обычно имеет голубовато-зеленоватый оттенок, у сосудов с диаметром 5—6 см оно чаще голубоватое. Видимо, в этом различии надо усматривать не только работу разных мастерских, но, главным образом, разницу во времени. Некоторые обломки краев диаметром 7 см были найдены вместе с материалами IV—V вв., но они встречались и в более поздних слоях; обломки краев меньшего диаметра — главным образом в раннесредневековых слоях. Надо полагать, что сосуды, имеющие большой диаметр, в основном бытовали в IV и частично в V в. С VI в. появилась тенденция изготовлять сосуды с таким же краем, но меньшего размера. Подтверждением этому может служить материал из стекольной мастерской Коринфа. Там были найдены обломки краев от античных сосудов, имевших диаметр от 3,5 до 6 см, но не больше[7].

---

[3] ИАК, вып. 25, 1907, стр. 54; ИАК, вып. 9, 1904, стр. 107; ИАК, вып. 30, 1909, стр. 5. Вещи из этих склепов хранятся в ГИМ (инв. № 46029, 45717, 43935).

[4] B. Filarska. Szkło starożytne. Warszawa, MCMLII, стр. 103, табл. XV, рис. 5.

[5] M. Parducz. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunenzeit in Ungarn.— Acta archaeologica Academiae Scienticarum Hungaricae, Budapest, 1959, II, табл. VII, *21*, *22*, рис. 4, 51, 53.

[6] Morin-Jean. La verrerie en Gaule sous l'empire Romain. Paris, 1913, табл. 10.

[7] G. R. Davidson. A mediaeval glass-factory at Corinth.— AJA, 1940, t. XLIV, № 3, стр. 308.

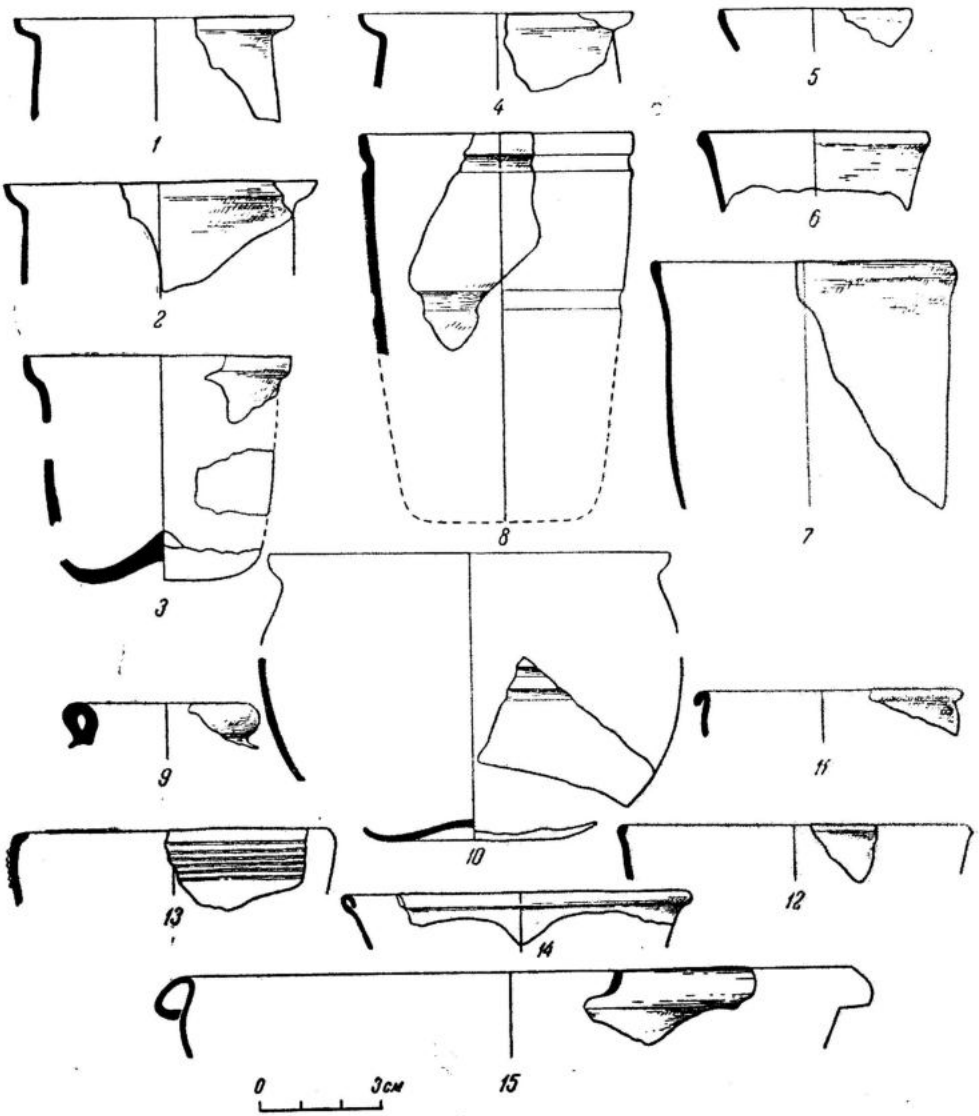


Рис. 1. Обломки стеклянных сосудов

1—4 — края сосудов. Тип А; *5—7* — края сосудов. Тип Б; *8* — край сосуда. Тип В; *9, 11, 14, 15* — края сосудов. Тип Г; *10* — обломок стенки и дна чаши IV в.; *13* — край сосуда. Тип Д

Датировку обломков краев с диаметром 7—8 см IV—V вв. можно аргументировать еще и рядом аналогий. Например, в Херсонесе было раскопано за последнее время несколько цистерн, засыпанных мусором, среди которого встречено много обломков стеклянных сосудов. Цистерны, по мнению Г. Д. Белова, были засыпаны в два приема. Первый раз в 70-х годах IV в., второй — в первую половину VI в.[8] Наиболее интересный комплекс стекла IV—V вв. был найден в цистерне «Ж», исследованной в 1957 г.[9], к которому нам придется еще не раз обращаться. В этот комплекс входили обломки краев совершенно такого же профиля (рис. 3), как края типа Б из Тамани. Таких краев — меньше 7 см в диаметре — среди херсонесского стекла не было. Обломки краев, имеющие профиль, аналогичный краям типа Б из Таманского городища, были найдены в Пантикапее, в слое IV в. Они имели диаметр, равный 7 см. Интересно, что рюмкообразные сосуды IV в., найденные на о. Кипре, имели диаметр устья 7—7,2 см[10].

Определить в целом форму сосудов, от которых сохранились обломки краев типа Б, труднее, чем форму предшествующего типа. По-видимому, края сосудов типа Б могли принадлежать рюмкам или стаканам. Это предположение не лишено основания, так как, во-первых, обломки ножек и донышек тех и других сосудов были обнаружены на Таманском городище вместе с обломками краев. Во-вторых, известные нам несколько целых хорошо сохранившихся рюмок, найденных в различных пунктах Северного Причерноморья, в том числе в Пантикапее и Фанагории, дают именно такой пример сочетания у одного сосуда подобного профиля края и ножки (см. стр. 149). Позднее мы возвратимся к разбору этих сосудов в соответствующих разделах при характеристике обломков ножек и донышек. Здесь же укажем, что края сосудов типа Б, *1—5* диаметром 7—8 см должны быть сопоставлены с ножками рюмкообразных сосудов типа А IV—V вв., а края сосудов того же типа, Б — *10*, но диаметром 5—6 см,— с ножками типа Б и В, датирующихся временем от IV—V вв. и позднее.

Обломки краев разбираемого типа обычно лишены каких-либо украшений. Исключение представляет лишь один обломок края Б—*11* (рис. 1, *12*), по которому положена голубоватая нить стекла. Форма всего сосуда из-за фрагментарности обломка не поддается реконструкции. Обломок был найден в слое IV—V вв. и потому он должен относиться ко времени не позднее V в.

Таким образом, края сосудов типа Б встречаются не только у сосудов позднеантичной группы, их формы были сохранены и позднее, в

---

[8] Г. Д. Белов. Северный прибрежный район Херсонеса.— МИА, № 34, 1953, стр. 21, 22.

[9] Материал не опубликован. Хранится в Эрмитаже, колл. № 515.

[10] O. Vessberg. Roman Glass in Cyprus.— Archaeologica Opuscula, VII, Lund, 1952, стр. 124.

Рис. 2. Стеклянные сосуды IV—V вв. Северное Причерноморье

1 — стакан. Пантикапей. Собрание ГИМ, инв.№ 43935; *2*— стакан. Пантикапей. Собрание ГИМ, инв. № 43935; *3* — сосуд. Крым. Собрание ГИМ, инв. № 55765; *4* — стакан. Пантикапей. [Собрание ГИМ, инв. 45717; *5* — кувшин. Пантикапей. Собрание ГИМ, инв. 43938

эпоху раннего средневековья. Однако при этом следует отметить, что форма сосудов в целом не оставалась без изменения, что мы постараемся доказать ниже.

Обломок края типа В (рис. 1, *8*) дополняет группу позднеантичного стекла. Сосуд, которому принадлежал этот обломок, является скорее всего стаканом. Близкую аналогию ему дает сосуд III—IV вв. из собрания Варшавского музея[11]. У того и другого совпадают цвет стекла, диаметр устья и орнамент в виде шлифованных полосок. Филярская приводит известные ей подобные сосуды того же времени с территории Западной Европы и Средиземноморья (Египта и Палестины), подтверждающие правильность ее датировки. Не противоречит этому и обломок стакана из Тамани, найденный в слое IV в.

К типу Г мы относим четыре края сосудов, сделанных по одному принципу. Край типа Г отогнут наружу (Г, *1—3*; рис. 1, *9*, *11*, *15*) или загнут внутрь (Г, *4*), а затем завернут, благодаря чему образуется валик (рис. 1, *14*). Обломки краев разбираемого типа в большинстве случаев настолько малы и невыразительны, что определить по ним форму сосудов и установить их дату не представляется возможным. Только двум обломкам (Г, *1* и Г, *4*) нам удалось подобрать аналогии, которые позволяют подтвердить ту дату, которую дает слой. Край типа Г, *1* должен относиться к IV в. по находке в слое того же времени и точному совпадению профиля с одним из обломков края из херсонесской цистерны «Ж» (рис. 3). Второй обломок края типа Г, *4* находит аналогию с найденной в катакомбе 9 в Балте[12] верхней частью сосуда с тремя небольшими ручками, а также некоторыми профилями сосудов из Декаполиса на Ближнем Востоке[13] (рис. 3). Это позволяет склониться к мнению, что таманский обломок (Г, *4*) принадлежит к раннесредневековому стеклу.

Обломок края типа Д дает еще один вариант профиля верхней части сосуда (рис. 1, *13*). Но, к сожалению, форма его в целом не восстанавливается. Этот обломок интересен тем, что на его примере мы можем наблюдать орнаментацию сосуда цветной нитью. Этот прием мы отмечали уже у одного края сосуда типа Б, *11*. Украшение сосудов из прозрачного стекла цветными нитями получило большое распространение в мастерских Рейнской долины во II—III вв.

Отдельные сосуды того же времени с подобными украшениями известны и на Востоке. Однако разбираемый обломок из Таманского

---

[11] B. Filarska. Указ. соч., стр. 101, 102, табл. XV, рис. 3.

[12] МАК, т. 8, 1900, табл. CXIV, *9*.

[13] C. H. Kraeling. Gerasa sity of Decapolis. New Haven, 1938, рис. 22, *380*; 23, *381 F*. Бауэр, которому принадлежит глава о стекле в работе Крэлинга, датирует основную группу стекла IV—V вв. Но не все согласны с этим мнением. Например, Айсингс (C. Isings. Roman glass from dated finds. Djakarta, 1957, стр. 139) считает, что в отдельных случаях стекло из Декаполиса может быть датировано временем до середины VIII в.

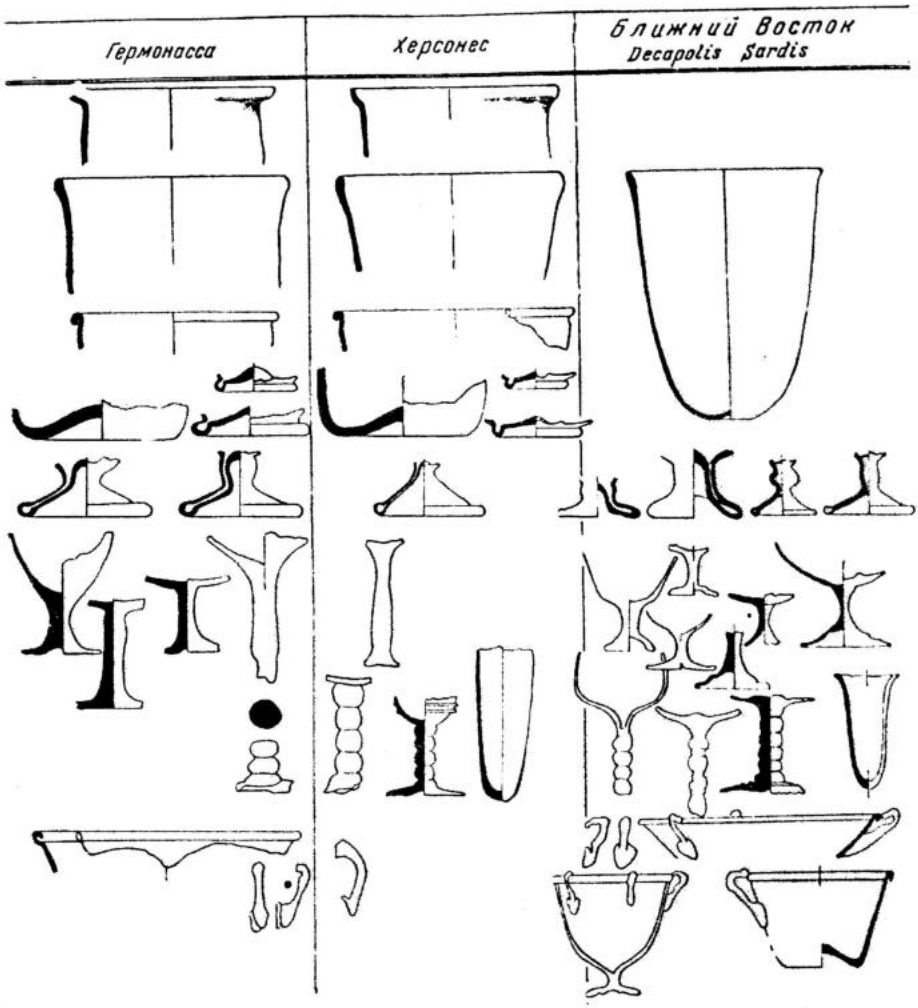


Рис. 3. Сравнительная таблица стеклянных сосудов IV—VI вв. из Гермонассы, Херсонеса и Ближнего Востока

городища нельзя на основании близости приема украшения сосуда датировать II—III вв., так как среди стекла этого периода нам не известно профиля, который можно было бы сопоставить с профилем обломка края сосуда из Тамани. Кроме того, этот обломок был найден в слое раннесредневекового времени. Поэтому не исключена возможность, что

обломок края типа Д может быть включен в группу таманского стекла VI—VIII вв.

Горла сосудов. Обломков горлышек сосудов найдено на городище семь штук. По ряду признаков (качеству стекла, форме и т. д.) и условиям находки они подразделяются довольно четко на две группы. К группе стекла IV в. относятся четыре фрагмента, к раннесредневековому времени — три. Обломки горлышек позднеантичного периода представлены двумя типами. Горлышки типа А прямые, цилиндрические, их венчики образуют отогнутый и загнутый вовнутрь край. Качество стекла у них одинаковое. Обломок горлышка А, *1* (рис. 4, *1*) может принадлежать бальзамарию или так называемому рожку. Надо полагать, что последнее предположение более правильное. Во-первых, в IV в. бальзамарии на Боспоре почти совсем выходят из употребления. Во-вторых, диаметр горлышка сосуда с Таманского городища слишком велик для бальзамариев этого времени. Наиболее поздние бальзамарии, относящиеся к III в., обычно имеют диаметр горла от 1,5 до 1,8 см. Стеклянные сосуды с длинным носиком, которые часто называют детским рожком, но которые на самом деле служили, по всей вероятности, специальными сосудами-масленками для наполнения светильников маслом, продолжали бытовать и в IV в. Примером такого сосуда может служить сосуд-масленка [14] из земляного склепа 25 Инкерманского некрополя, который датируется III—IV вв. Подобные же масленки хорошо известны из некрополя Пантикапея. Диаметр их горла и устройство венчика такие же, как у обломка горла из Тамани.

Горлышко А, *2* (рис. 4, *3*; 5, *3*) принадлежало сосуду, имевшему, по-видимому, шарообразное тулово. На это указывает профиль сохранившейся верхней части стенок сосуда. Аналогии, на основании которой можно было бы восстановить форму этого сосуда, подобрать нам не удалось.

Обломок горлышка Б, *1* (рис. 4, *2*; 5, *2*) отличается по форме от предшествующего. Хотя это горло было и цилиндрическое, но оно заканчивалось не просто венчиком, а раструбом. Край раструба загнут вовнутрь, благодаря чему образован валик, полый внутри. Сосуды, имеющие цилиндрические горла с раструбом на конце, очень характерны для второй половины III в. и особенно IV в. Такие сосуды делались с ручками или без них. В первом случае они напоминали кувшины, во втором — графины. Те и другие сосуды (рис. 2, *3*, *5*) являлись почти обязательными компонентами в погребальных инвентарях могил конца III—IV вв. и особенно склепов, раскопанных на Госпитальной улице в Керчи и в Фанагории [15]. Подобные сосуды получили распространение не только в Северном Причерноморье. Они были популярны также у населения Средизем-

---

[14] Б. В. Веймарн. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г.— ИАДК, Киев, 1957, стр. 229, рис. 10.

[15] В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг., рис. 8

номорья. Они встречены в Каранисе [16], где бытовали вплоть до VII в., в Сирии. Особенно многочисленны их находки в Палестине [17]. На территории Европы они засвидетельствованы в Паннонии, в комплексах тоже IV в. [18] Другие могильники на территории Западной Европы дают несколько иной вариант этого типа сосудов. По-видимому, к сосудам такой же формы, как и сосуды из Пантикапея, Фанагории и Средиземноморья, принадлежит и обломок горла Б, *2*.

Горлышки сосудов второй группы резко отличаются от только что разобранных. Они относятся к типу В. Горлышки короткие, цилиндрические или немного расширяющиеся кверху, стенки их толстые (рис. 4, *4*, *5*; 5, *3*, *4*). Таких горлышек у стеклянных сосудов I—IV вв. не встречается, но их можно видеть у стеклянных сосудов средневекового времени из кавказских могильников [19], аланских памятников Украины. Прекрасное представление о сосудах с коротким горлом дает стеклянный сосуд с шарообразным, несколько приплюснутым туловом, раскопанный С. А. Плетневой в 1960 г. в могиле 26 Дмитриевского могильника Белгородской области (рис. 6). С. А. Плетнева относит его по найденному вместе с ним в могиле инвентарю к VIII—IX вв. Нам представляется, что истоки форм этих средневековых сосудов уходят далеко в античное время. К этому предположению заставляют склониться сосуды с цилиндрическим, но высоким горлом без всякого венчика, и шарообразным туловом, существование которых можно проследить со II в., вплоть до второй половины IV в. [20] В сосуде из Дмитриевского могильника можно видеть пример дальнейшего развития их форм. При этом совершенно очевидно огрубение их внешнего вида, а также и техники производства.

Ножки рюмкообразных сосудов. Обломки ножек рюмкообразных сосудов образуют самую большую и, пожалуй, наиболее интересную группу обломков стеклянных сосудов, найденных в Тамани. Подобные же обломки были раскопаны на многих городищах нашего Юга. Встречаются они и в Средиземноморье. Поэтому по находкам таких ножек Таманское городище не представляет исключения. В литературе по Северному Причерноморью интересующий нас материал почти не нашел отражения. Имеются только отдельные указания на находки ножек стеклянных сосудов, которые называются иногда рюмками, иногда бокалами. Специальным изучением этих фрагментов никто не занимался, поскольку стекло как археологический материал не привлекало

---

[16] D. B. Harden. Roman Glass from Karanis.— Ann Arbor, 1936, стр. 191, класс IX, табл. XVIII.

[17] D. B. Harden. Tomb-groups of Glass of Roman date from Syria and Palestine. Iraq, 1949, ч. II. стр. 154; C. H. Kraeling. Указ. соч., стр. 532, рис. 28.

[18] M. Parducz. Указ. соч., табл. VII, рис. 18, 50.

[19] «Очерки истории СССР», М., 1958, т. II, стр. 725; МАК, т. VIII, 1900, табл. CXXVIII, рис. 5.

[20] «Glass from ancient word».— The Ray Winfield Smith Collection, New York, 1957, стр. 169, рис. 349; стр. 172, табл. VIII.

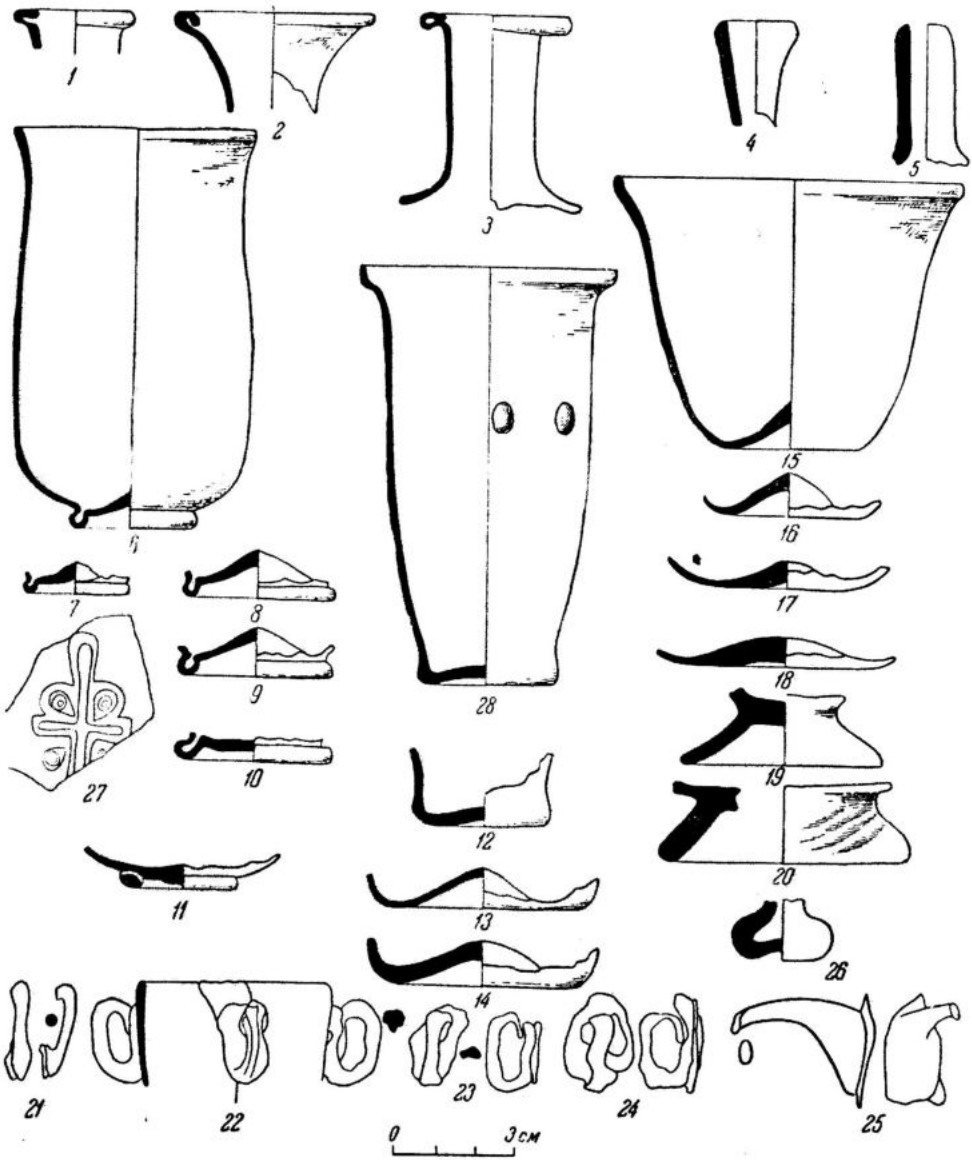


Рис. 4. Стеклянные сосуды с Таманского городища, из Пантикапея и Инкерманского могильника

1, 3 — обломки горлышек сосудов. Тип А; *2* — обломок горла сосуда. Тип Б; *4, 5* — обломки горлышек сосудов. Тип В; *6* — стакан. Инкерманский могильник. Могила 37; *7—11* — донышки сосудов. Тип А; *12—18* — донышки сосудов. Тип Б; *19, 20* — донышки сосудов. Тип В; *21* — ручка сосуда. Тип А; *22—24* — ручки сосудов. Тип Б; *25* — ручка сосуда. Тип В; *26* — дно бальзамария. Тип Г; *27* — обломок дна краснолакового блюда с клеймом; *28* — стакан. Пантикапей. ОГАИ А 56334

Рис. 5. Обломки стеклянных сосудов с Таманского городища и из могильников Северного Кавказа

1—4 — горлышки сосудов. Типы А, Б, В; *5, 6* — ножки рюмкообразных сосудов. Тип А; *7, 8* — ножки рюмкообразных сосудов. Борисовский могильник, погреб. 52; *9, 10* — ножки рюмкообразных сосудов. Тип Б; *11,12* — ножки рюмкообразных сосудов. Тип В; *13* — ножки рюмкообразных сосудов. Тип Г; *14* — обломок сосуда. Балта, катакомба 9;. *15* — ручка сосуда. Тип А; *16, 17* — ручки сосудов. Тип Б; *18* — ручка сосуда. Тип В

Рис. 6. Стеклянный сосуд VIII—IX вв. Дмитриевский могильник, могила 26

к себе особого внимания[21]. Рюмки, найденные в Средиземноморье, изучены много лучше. Специально на этих сосудах, обнаруженных в Каранисе, останавливается Харден[22]. Много места уделяет им Бауэр, опубликовавший стекло из раскопок в Декаполисе[23]. О. Весберг издал подобные же сосуды с о. Кипра, а А. Сэлдерн — из Сард[24]. В своей книге, в разделе о стекле IV в., уделяет им внимание Айсингс[25]. В статье Х. Джамбова приведены рисунки ножек рюмкообразных сосудов, которые были найдены на городище в окрестностях Пловдива[26].

Все авторы сходятся на мнении, что сосуды на высокой ножке характерны для средиземноморской группы стекла, включая Сирию, Палестину, Египет римского времени. В противоположность восточным странам, на Западе рюмкообразные сосуды почти не получили распространения. Интересно отметить новые находки ножек, рюмок, или бокалов, IV в. в Италии, о которых сообщает Айсингс[27]. Этот материал, по-видимому, не опубликован, так как О. Весберг в своей работе по кипрскому стеклу подчеркивал, что ему не известны в Италии сосуды на высоких ножках[28].

В мнении о назначении этих сосудов нет единогласия. Харден и Весберг[29], например, считают, что они служили питьевыми сосудами, а Бауэр[30] рассматривает их как светильники. Нам кажется, что это-

---

[21] Приношу глубокую благодарность Г. Д. Белову, В. В. Кропоткину, С. А. Плетневой, Н. В. Анфимову за предоставление мне еще не опубликованного материала из их раскопок.

[22] D. B. Harden. Roman Glass from Karanis, стр. 167 и сл.

[23] C. H. Kraeling. Указ. соч., сосуды типа A, B.

[24] O. Vessberg. Указ. соч., стр. 124; Axel von Saldern. Glass from Sardis.— AJA, 1962, t. 66, № 1, стр. 9; табл. 6, 13, 14; табл. 9, 10 a. c. d. e. f. g.

[25] C. Isings. Указ. соч., стр. 139 и сл.

[26] Христо Джамбов. Раннехристиянска църква прис. Исперихово. Пещерска околия.— Годишник на музеите в Пловдивски окръг, София, 1956, стр. 188, рис. 33.

[27] C. Isings. Указ. соч., стр. 139.

[28] O. Vessberg. Указ. соч., стр. 124.

[29] D. B. Harden. Roman Glass from Karanis, стр. 167; O. Vessberg. Указ. соч., стр. 124.

[30] C. H. Kraeling. Указ. соч., сосуды типа A, B.

требление этих сосудов не следует ограничивать какой-либо из этих функций. Они могли служить для той и другой цели.

Публикация ножек рюмкообразных сосудов из Средиземноморья представляет достаточно богатый материал для сравнения аналогичных ножек сосудов, найденных при раскопках Таманского городища. Этот материал особенно важен тем, что помогает разобраться в хронологии рюмкообразных сосудов и позволяет наметить те центры, которые могли экспортировать сосуды такой формы в города Северного Причерноморья.

В Северном Причерноморье обломки ножек рюмкообразных сосудов, помимо Тамани, найдены в Пантикапее, Фанагории, Мирмекии, Тиритаке, Херсонесе, Диоскуриаде — Себастополисе, могильнике у урочища Сопино Туапсинского района. Известны они также на памятниках, относящихся уже к раннесредневековому времени: в Борисовском могильнике, склепах Чуфут-Кале, Эски-Кермен, Чми, в Перещепинском кладе. Таким образом, в нашем распоряжении оказывается достаточное количество разновременных (от IV до VIII в.) обломков интересующих нас сосудов для того, чтобы наметить изменения их формы с течением времени, выделить типы и сделать некоторые другие наблюдения. Прежде всего нельзя не отметить, что разнообразные сосуды в Северном Причерноморье встречаются почти исключительно в обломках и, главным образом, на городищах. В могилы они ставились очень редко и представляли собой не всегда целые экземпляры. Нам известно лишь девять целых сосудов, которые, к сожалению, не все имеют точные паспорта. Наибольший интерес для нас представляют рюмки, хорошо датирующиеся по найденным с ними вещам IV в. Один сосуд был найден в Пантикапее в 1909 г., в катакомбе 52(3) [31] (рис. 7, *10*), второй — в Фанагории, в могиле 84 [32], третий — в погребении 3 могильника в урочище Сопино Туапсинского района [33] (рис. 7, *8*). К рюмкам позднеантичной группы относятся две рюмки из Одесского музея [34] (рис. 7, *9*) и две рюмки из собрания Фогеля [35]. Но они, однако, без точного паспорта. Рюмка из могильника Эски-Кермен [36] и Перещепинского клада [37], а также рюмка из собрания Исторического музея [38] (рис. 7, *11*; 8, *1*), значащаяся как найденная в Северном Причерноморье, входят в группу средневекового времени. Эти десять сосудов, сохранившихся в целом виде, не отражают всех типов рюмок. Судя по обломкам ножек, найденных на городище, их было больше.

---

[31] ИАК, вып. 47, 1913, рис. 9.
[32] В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории, рис. 8, *1*.
[33] Материалы по этому могильнику нам любезно предоставил Н. В. Анфимов.
[34] ОГАМ, 56336, 36336.
[35] S. Vogel. Altertümer Südrußland. Kassel, 1908, табл. XI, *9*, *11*.
[36] Н. И. Репников. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг.— ИГАИМК, т. XII, рис. 36, стр. 169.
[37] Рюмка не опубликована. Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № ОИПК, 1930/150.
[38] Собрание ГИМ, инв. № 2854.

22 ножки рюмкообразных сосудов из Таманского городища, отличающиеся по устройству, мы подразделяем на несколько типов: А, Б, В, Г.

Ножек типа А больше всего — их десять. Ножка состоит из конусовидного в разрезе и круглого в плане основания, имеющего по краю валик, и столбика, который поддерживал дно сосуда (рис. 5, *6*, *7*; 7, *1*, *3—7*). Высота столбика варьирует, но он никогда у этого типа ножки не бывает высоким. Форма столбика не у всех образцов одинакова: иногда столбик напоминает невысокий цилиндр, а иногда он приобретает шарообразные очертания. По-видимому, варианты формы столбика создавались в процессе выдувания и обработки сосуда, как неизбежное и вполне возможное отклонение при сугубо ручном труде мастера-стеклодува.

Чрезвычайно характерна техника изготовления ножек сосуда типа А, определяющая их форму и прочность. Ножки выдувались вместе с туловом сосуда и первоначально представляли собою пузырь. Мастер, работая над формовкой ножки, вдавливал вершину пузыря по направлению к дну сосуда, благодаря чему образовывались двойные стенки ножки и ее круглой подставки, а на дне сосуда, в самом его центре, получалось небольшое возвышение, которое являлось в начале процесса вершиной пузыря (рис. 7, *2*). Благодаря тому, что круглая подставка ножки и сама ножка имели двойные стенки, они оказывались более прочными, чем сам сосуд. Поэтому в слоях обычно находят целые ножки этих сосудов и реже их обломки. Но именно по этим обломкам удалось проследить технику их изготовления.

Большое количество подобных ножек было найдено в слоях IV—V вв. и не только в Причерноморье, но и, например, в Италии[39]. Поэтому можно сказать, что расцвет такой техники изготовления рюмок падает на этот период. Позднее V в. в городах, поселениях и могильниках Северного и Восточного Причерноморья, хотя и встречаются иногда обломки ножек рюмкообразных сосудов, но качество стекла и работы в целом говорит о вырождении той техники, в которой были исполнены сосуды IV—V вв. Об этом можно судить по двум обломкам ножек рюмкообразных сосудов из погребения 52 (V—VII вв.) Борисовского могильника (рис. 5, *7*, *8*; 7, *12*, *13*)[40], обломку ножки из катакомбы 21 из Чми (рис. 7, *20*; 8, *2*)[41]. За пределами Северного Причерноморья такую технику можно наблюдать у франкских сосудов на высокой ножке[42] и в Средней Азии. При раскопках Нисы были найдены обломки

---

[39] C. Isings. Указ. соч., стр. 139.

[40] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг.— ИАК, вып. 56, 1914, стр. 138. Эти обломки хранятся в ГИМ, инв. № 49272.

[41] «Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекций древностей профессора Д. Я. Самоквасова». Варшава, 1892, № 2745.

[42] C. Isings. Указ. соч., стр. 139, 140.

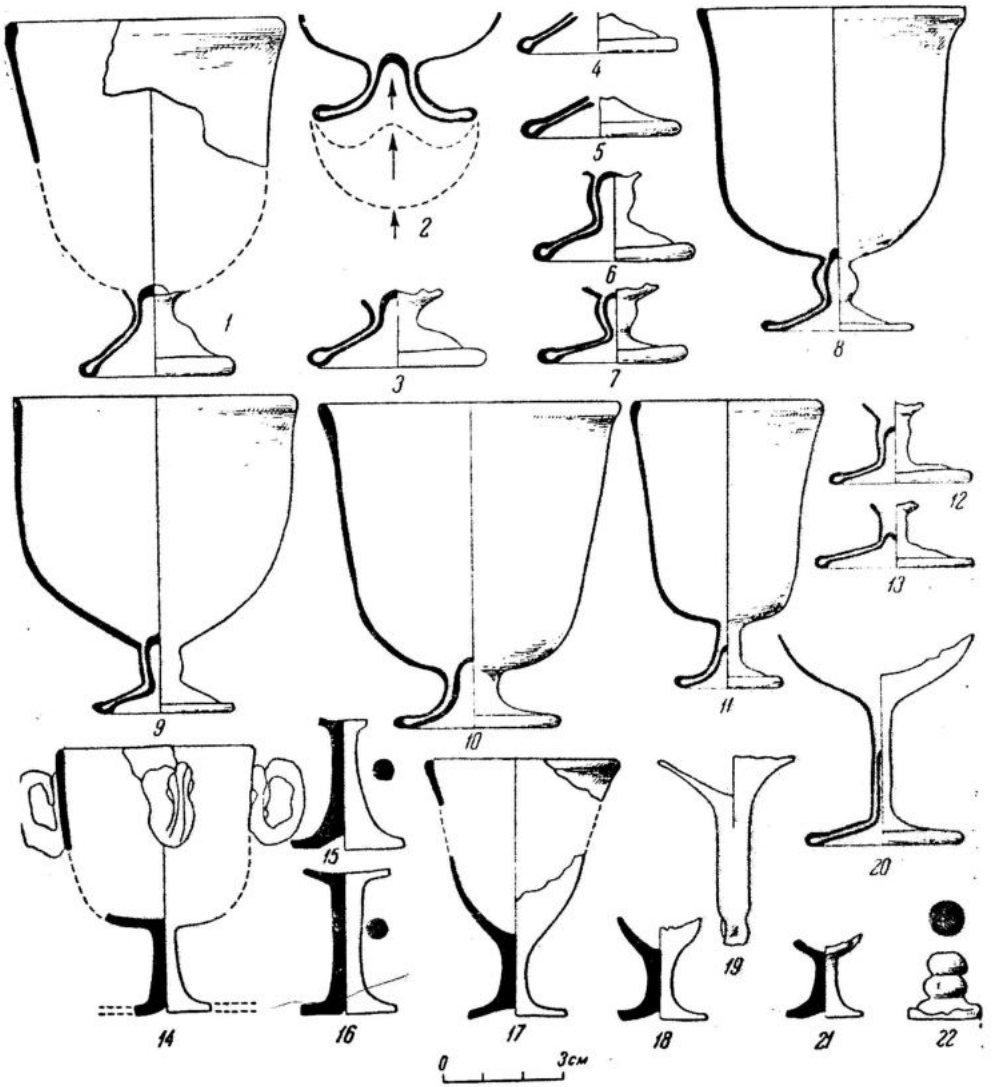


Рис. 7. Стеклянные сосуды с Таманского городища и из могильников Северного Кавказа

1 — реконструкция общего вида рюмкообразного сосуда; *2* — схематическое изображение процесса изготовления ножки сосуда; *3—7* — обломки ножек сосудов. Тип А; *8* — сосуд из погребения 3 могильника у с. Сопино; *9* — сосуд. Собрание Одесского музея. ОГАМ, 56337; *10* — сосуд. Пантикапей, могила 52. Раскопки 1909 г.; *11* — сосуд. Северное Причерноморье. Собрание ГИМ, инв. № 2854; *12, 13* — ножки сосудов. Борисовский могильник, погребение 52; *14* — реконструкция общего вида рюмкообразного сосуда; *15, 16* — ножки сосудов. Тип Б; *17—19, 21* — ножки сосудов. Тип В; *20* — ножка сосуда. Чми, катакомба 21; *22* — ножка сосуда. Тип Г

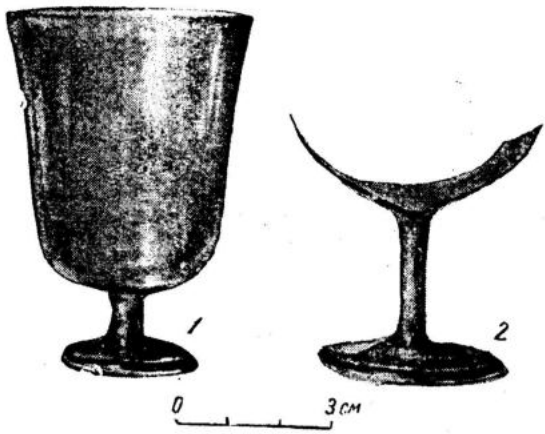


Рис. 8. Стеклянные сосуды раннесредневекового времени из могильников и городищ Северного Причерноморья и Северного Кавказа

1 — рюмка. Собрание ГИМ, инв. № 2854; *2* — обломок сосуда. Чми, катакомба 21

сосудов на высокой ножке (IX—X вв.) [43], техника изготовления которых отдаленно напоминает приемы, восходящие к античному времени.

Ножки рюмкообразных сосудов типа А сделаны обычно из прозрачного, слегка голубовато-зеленоватого стекла, напоминающего цветом стекло сосудов из Сирии, Палестины и Малой Азии [44] и отличающегося от цвета стекла рюмок из Кераниса, для которого характерны оливково-зеленый и желтые оттенки. Диаметр ножек сосудов из Тамани удивительно стандартен — 4 см. Этот стандарт обычен не только для таманских ножек, но он наблюдается у образцов из Пантикапея, Фанагории, Херсонеса и т. д. Гораздо реже встречаются ножки меньшего (до 3,5 см) и большего (до 4,5—5 см) диаметров.

Форму всего сосуда с ножкой типа А удается реконструировать на основании двух целых рюмок из Пантикапейского и Фанагорийского некрополей. Оба сосуда имеют совершенно аналогичные с таманским устройство ножки, совпадают у них и диаметры основания, равного примерно 4 см. Эти сосуды позволяют считать, что описанные выше обломки краев типа Б принадлежат именно рюмкообразным сосудам с ножкой типа А. Таким образом, мы можем считать, что рюмкообразные сосуды с ножкой типа А и краем типа Б достигали в высоту примерно 7,5—8 см, диаметр их устья равняется 7—8 см, а диаметр ножки — 4 см.

Рюмка из склепа 52(3) Пантикапейского некрополя датируется по найденным вместе с ней стеклянным сосудам и пряжкам не ранее IV в. К тому же времени относится аналогичная ей рюмка из Фанагорийского склепа 84, обнаруженная вместе с графинообразным сосудом, типичным для IV в. Дата этих сосудов согласуется с условиями находок ножек рюмкообразных сосудов в слоях Таманского городища, главным образом, от IV в. Встречались они и в гораздо более поздних слоях, куда они попада-

[43] Е. А. Давидович. Стекло из Нисы.— Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 374, табл. I, рис. 1.

[44] D. B. Harden. Tomb-groups of Glass of Roman date from Syria and Palestine, стр. 152, 154; Axel von Saldern. Указ. соч., стр. 9, 10, 10-е.

ли в результате перемещения. Настаивая на этом положении, мы исходим из того, что все известные нам ножки типа А были найдены на других памятниках в основном с материалами, датируемыми не позднее, чем V в. Из всех памятников только Пантикапей дает наиболее ранние образцы ножек разбираемого типа. Там они начали встречаться уже в слоях конца III в., но большее их количество падает на IV в. Поскольку на горе Митридат слоев позднее IV в. не имеется, то проследить, сколь долго бытуют рюмкообразные сосуды с таким типом ножки на примере Пантикапея не представляется возможным. В этом отношении помогает материал из раскопок других городов Северного Причерноморья. Так, много обломков и целых экземпляров ножек типа А найдено в Херсонесе среди обломков керамики и мусора, заполнявших цистерны [45]. Там интересующие нас ножки найдены с материалом IV и V вв., в том числе, и с обломками краев типа Б (рис. 3). Памятники Северо-Восточного [46] и Восточного Причерноморья (Диоскуриада — Себастополис, Питиунт [47]) тоже дают нам право считать, что рюмкообразные сосуды с ножкой типа А встречались и в V в.

Ножек типа Б обнаружено пять экземпляров. Техника изготовления их другая, чем ножек типа А. Они делались отдельно от самого сосуда из стеклянного сплошного стержня, одним концом который прикреплялся ко дну тулова (рис. 5, *9, 10; 7, 14—16*). Место скрепления ножки и дна хорошо заметно у некоторых образцов. Круглая подставка ножки, сделанная из одинарного стекла и потому очень хрупкая, бывает обычно отбита. Цвет стекла ножек преимущественно голубой, только у одного образца он зеленоватый. Ножки этого типа довольно высокие — до 3,5 см, и этим напоминают рюмкообразные сосуды, вышедшие из египетских мастерских [48].

Ножки типа В сделаны иначе, чем ножки типов А и Б. Они оттянуты из стеклянной массы, скапливающейся у дна тулова (рис. 5, *11, 12*; *7, 17—19, 21*). Поэтому у сосудов с типом ножки В лучше всего сохраняются донья, так как они имеют наиболее толстые стенки у перехода в ножку, и ножки, сплошные внутри и круглые в сечении. Легко у них отбивалась верхняя часть тулова и круглая подставка у ножки,

---

[45] Г. Д. Белов. Северный прибрежный район Херсонеса.— МИА, № 34, 1953, стр. 21, 22; Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий. Кварталы XV и XVI.— МИА, № 34, 1953, стр. 82, 88, 90; Г. Д. Белов, А. Л. Якобсон. Квартал XVII.— МИА, № 34, 1953, стр. 117, 118; Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон. Квартал XVIII.— МИА, № 34, 1953, стр. 191.

[46] Краснодарский край, Туапсинский район, с. Ново-Михайловское; городище, слой IV—V вв. Раскопки Н. В. Анфимова в 1955 г. Могильник в урочище Сопино, погребение 3. Раскопки Н. В. Анфимова 1960 г. Тот и другой материал не опубликован. О нем нам любезно сообщил Н. В. Анфимов.

[47] А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе. Отчет о работах Причерноморской археологической экспедиции в 1959 г.— Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1959 г., Тбилиси, 1960, стр. 34—37.

[48] Edgar. Graeco-Egyptian Glass. Le Caire, 1905, № 32, 499; 32, 505; 32, 504; D. B. Harden. Roman Glass from Karanis, табл. VI, рис. 479, 482, 484.

которая была одинарной, а следовательно, очень хрупкой. Представление о подставках к этим ножкам дают их обломки (В, *4—5*). Они имели, по-видимому, довольно большой диаметр, доходивший до 5—6 см, и очень тонкие стенки — 1—2 мм. К краю они утолщались, благодаря чему создавалось впечатление закраины или валика. Вполне возможно, что эти обломки подставок могли принадлежать также ножкам типа Б. Ножки типа В невысокие, от 1,5 до 2 см. Очень характерно, что все ножки сделаны из голубого стекла, и поверхность у некоторых обломков прекрасной сохранности, без каких-либо признаков иризации.

Тип Г представлен всего одним обломком ножки (рис. 5, *13*; 7, *22*). Ножка сделана из стеклянного прута диаметром в 1 см. Снаружи ножка имеет перехваты, благодаря чему создается впечатление, что она состоит из нанизанных на один стержень шариков. Цвет стекла голубой и по внешнему виду оно близко стеклу, из которого сделаны ножки типа Б и В.

Ножки типа Б, В, Г были найдены в слоях как IV в., так и раннесредневековых. Аналогии из различных памятников Северного Причерноморья и Средиземноморья позволяют установить, что они относились ко времени тех слоев, в которых были найдены, а не попали туда вследствие перекопов, как мы видели это в отношении, например, краев типа А.

В IV—V вв. были распространены рюмкообразные сосуды с ножками всех четырех типов. Это можно хорошо проследить по нескольким комплексам. Во-первых, в Таманском городище ножки типов А—Г были найдены в одном слое, относящемся к IV—V вв. При этом следует отметить, что обломков ножек типа А было подавляющее количество, а ножек типа Б — Г — только отдельные экземпляры. Такую же картину соотношения ножек типа А и Б — В дали слои Пантикапея IV в. Во-вторых, очень важен комплекс стеклянных обломков сосудов из цистерн Херсонеса. Эти цистерны, как мы уже указывали выше, содержали материал в основном IV в., а самые поздние находки относились к первой половине VI в. Набор ножек от стеклянных рюмок из этих цистерн и особенно цистерны «Ж» из раскопок 1957 г. очень близок таманскому. В свою очередь, тот и другой комплексы Северного Причерноморья почти полностью совпадают с почти одновременным материалом из раскопок Декаполиса на Ближнем Востоке и немного более поздним (VI в.), найденным в Сардах, что отражает сравнительная таблица обломков стеклянных сосудов из этих трех центров (рис. 3). Стекло из Декаполиса считается в основном сирийским и датируется IV—V вв.[49] Обращают на себя внимание обломки рюмкообразных сосудов из Декаполиса и Сард, почти полностью аналогичные ножкам типа В и Г. Тип А в Декаполисе почти не отражен, но в Сардах он представлен лучше. Ножки рюмкообразных сосудов разного типа были открыты в

[49] C. H. Kraeling. Указ. соч., стр. 513.

развалинах Митрайума IV в. в Риме, под церковью Святого Приска [50]. Ножки одних сосудов были вытянуты из того же материала, что и тулово, другие — сделаны отдельно. Тот и другой тип согласуется с типами Б и В таманских ножек и свидетельствует об их одновременности.

Рюмкообразные сосуды из Египта, известные благодаря публикациям Д. Хардена и Эдгара [51], имеют ножки, насколько можно судить по рисункам, ближе всего стоящие к таманским ножкам типа Б и В. Египетские сосуды, по мнению Д. Хардена, датируются IV в. и позднее. Таким образом, временем появления рюмкообразных сосудов с ножками типа Б—Г следует считать IV в., эти сосуды постепенно к VI в. сменили собою сосуды с ножкой типа А. В памятниках нашего Юга, датирующихся временем от VI в. и позже, чаще встречаются ножки типа Б, В (например, они были найдены в склепе 98 VI в., раскопанном В. В. Кропоткиным в могильнике Чуфут-Кале в 1958 г. [52]; в склепе 65 могильника Эски-Кермен [53], Перещепинском кладе [54]) и наряду с ними иногда попадаются ножки рюмкообразных сосудов, в которых следует видеть вырождение ножек типа А (например, в погребении 52 Борисовского могильника и склепе 21 могильника Чми, о которых мы упоминали выше).

Ножки рюмок типа Г встречаются много реже, но они, появившись в IV в., бытовали на протяжении VI — начала VII в. и сохраняются до IX—X вв., как об этом можно судить на примере стеклянной рюмки из Нисы [55]. На таблице (рис. 9) представлены известные нам обломки ножек рюмкообразных сосудов типа А, *1* из различных памятников Причерноморья и Средиземного моря. Эта таблица отражает изменения типов ножек рюмок во времени и дает представление об ареале этих сосудов.

Суммируя все сказанное о ножках рюмкообразных сосудов, мы приходим к следующим выводам.

1. Ножки типа А следует отнести к позднеантичной группе сосудов, а ножки типа Б — Г считать более характерными для средневековой группы стекла.

2. Наибольшее количество типов рюмкообразных сосудов существовало в Гермонассе IV—V вв. Это относительное разнообразие объясняется тем, что в этот период еще изготовлялись сосуды, которые продолжали традиции античного времени (тип А) и наряду с ними стали делаться сосуды, хотя и близкие им по форме и назначению, но имевшие отличия в технике изготовления (тип Б—Г). С VI в. преобладают сосуды

---

[50] C. Isings. Указ. соч., стр. 139.

[51] D. B. Harden. Roman Glass from Karanis, стр. 167; Edgar. Указ. соч., предметы № 32. 499, 32. 505, 32. 501, 32. 504.

[52] Обломок не опубликован. Хранится в ГИМ, инв. № 97863.

[53] Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 169, рис. 36.

[54] Рюмка не опубликована. Хранится в Гос. Эрмитаже.

[55] Axel von Saldern. Указ. соч., стр. 10, табл. 6, *14;* 9, *109;* Е. А. Давидович. Указ. соч., стр. 374, табл. I, рис. 1.

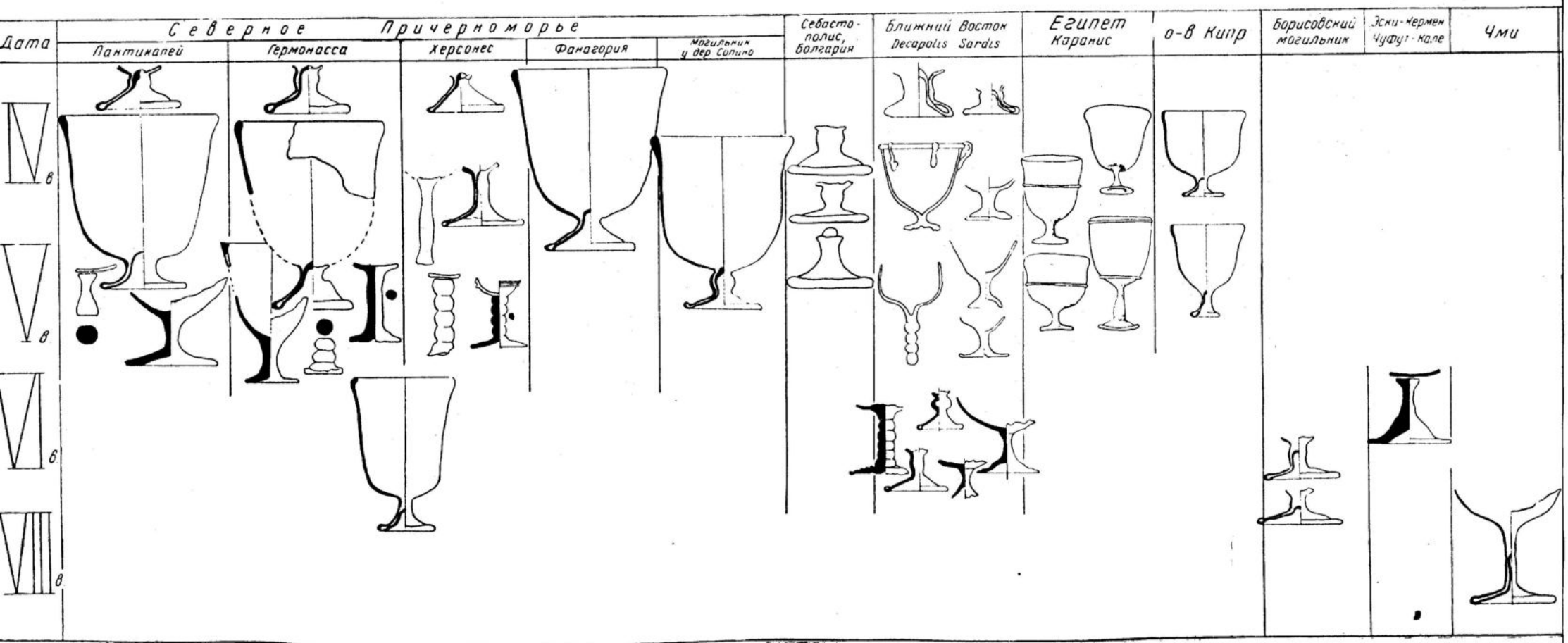


Рис. 9. Стеклянные сосуды на высокой ножке IV—VIII вв. из различных памятников Крыма, Северного Кавказа и Средиземноморья

к. 2063

с ножкой (тип Б—В). Рюмкообразные сосуды Тамани находят наиболее близкие аналогии с сосудами из Пантикапея и особенно из херсонесских цистерн и вместе с тем с набором сирийских сосудов из Декаполиса того же времени. Это наблюдение заставляет склониться к мнению, что рюмкообразные сосуды из Тамани, Пантикапея, Херсонеса и других мест могли поставляться в IV—V вв. из мастерских Средиземноморья (возможнее всего, из Сирии и Палестины). В этом нас убеждает близость форм, цвет стекла, подбор сосудов на тех и других памятниках, а также те анализы, которые позволяют говорить о близости состава стекла. Ставить вопрос о местном производстве этих сосудов мы считаем преждевременным. До тех пор, пока не будут найдены на Таманском берегу мастерские по производству стекла, такое предположение не будет иметь под собою твердую почву и всегда может быть оспорено.

Донышки сосудов. Донышек сосудов 19. Они представлены четырьмя типами А — Г.

Донышки типа А отличаются тем, что они немного вогнуты конусом и имеют донное кольцо, полое внутри (рис. 4, *7—9*). Только у одного донышка сосуда А, *7* донное кольцо было образовано из отдельной стеклянной нити, приваренной к дну сосуда.

Цвет стекла у этого типа донышек не одинаков: он то голубовато-зеленоватый, то оливковый, иногда голубой. Нет единообразия и в диаметре донышек: он колеблется от 2,8 до 5 см.

Обломки донышек типа А целиком относятся к античной группе стекла IV—V вв. Это доказывается совместными находками в слое. Например, некоторые из этих донышек были найдены в слое вместе с обломками краснолаковой керамики, имеющими клейма в виде креста (рис. 4, *27*) и, кроме того, обломки донышек такого типа из Тамани находят аналогии в комплексе стекла IV—V вв. из цистерны «Ж» Херсонеса, который мы не раз уже используем для сравнения (рис. 3).

Известны, кроме того, целые сосуды, имеющие такие же донышки, которые считаются очень характерными для стекла позднеримского времени. Такой хорошо сохранившийся стакан (рис. 4, *6*) был найден Е. В. Веймарном в Инкерманском могильнике 56 в погребении 37 вместе с монетой Константина I (306—307 гг.) [56]. Известны такие стаканы и среди сирийского стекла. Например, в окрестностях Тира был найден сосуд, который Д. Харден относит к IV в. [57] Эти сосуды позволяют представить себе весь профиль сосудов, которым принадлежали донышки типа А, *1—3*. Остальные донышки нехарактерной формы.

Донышки типа Б более многочисленны. Их девять штук. Для них характерно отсутствие поддона и вогнутое дно (рис. 4, *12—14*, *16—18*). У одних экземпляров оно более вогнуто, у других — менее. Вогнутое

---

[56] Е. В. Веймарн. Указ. соч., рис. 5.

[57] D. B. Harden. Tomb-groups of Glass of Roman date from Syria and Palestine, стр. 152, табл. XLIX, рис. 1, 6.

дно имели сосуды многих форм и не только IV—V вв., но и средневеко-
всего времени. Поэтому донышки типа Б мы делим на две группы.

Донышки Б, *1—6* относятся к сосудам античного периода. Правиль-
ность включения обломков донышек Б, *4—5* в группу античного стекла
не вызывает сомнения, во-первых, потому, что они были найдены в слое
IV—V вв. Во-вторых, донышки Б, *1—2* характерны не только по форме,
но и по цвету стекла (оливково-зеленоватый) для стаканов (рис. 4, *28*).
Эти стаканы, имеющие очень часто напаи из синего стекла, в довольно
большом количестве встречались на городище и в некрополе Пантика-
пея, Харакса и т. д., в комплексах самого конца III—IV вв.

Донышко Б, *3* (рис. 4, *16*) тоже с большой долей вероятности может
быть отнесено к донышкам стаканов, но другой формы, чем только что
описанные. В склепе 179 Пантикапейского некрополя [58] вместе с веща-
ми IV—V вв. был найден стакан (рис. 2, *4*; 4, *15*) слегка зеленоватого
стекла, имеющий дно, которое по устройству и диаметру совершенно
аналогично дну Б, *3* из Тамани. Кроме того, нам известен еще один
стакан такой же формы (IV в.), обнаруженный в Северной Италии [59].

Донышко Б, *6* мы включили в группу посуды IV—V вв. условно, так
как оно найдено в слое VII—VIII вв. Однако качество стекла, толщина
стенок донышка и сосуды IV—V вв. с аналогичным устройством дна и
вертикальными стенками, известные по раскопкам в Каранисе [60], дают
некоторое основание видеть в обломке из Тамани часть сосуда поздне
античного времени.

Донышки Б, *7—9* были найдены в слоях VIII—XI вв., и потому мы
включаем их в группу стекла средневекового времени. Не противоречи
этому качество стекла и толщина стенок. Например, обломок донышк
Б, *7* (рис. 4, *14*).

Тип В. Обломки донышек типа В отличаются тем, что они имею
высокий поддон, очень характерный для сосудов различных форм IV—
V вв. (рис. 4, *19—20*). Такие поддоны бывают у кувшинов, мисок и т.
Поскольку донышки из Тамани очень фрагментарны, то установить
какой из форм сосудов они принадлежали, не представляется возмож
ным. Все донышки небольшого диаметра (5—6 см), поэтому, скоре
всего, они служили основанием кувшинам. Цвет стекла у одного до
нышка голубой, у двух — оливково-зеленоватый. Этот цвет стекла очен
часто встречается у сосудов из Кариниса вообще и у сосудов на выс
ком поддоне в частности. Близость между образцами донышек из Ге
монассы и сосудами из Кариниса можно наблюдать и на некоторы
технических приемах. Поэтому вполне возможно, что таманские кувш
ны, от которых сохранились только донышки, поступили из Южного Пр
диземноморья.

[58] ИАК, вып. 25, 1907, стр. 54.
[59] Ch. Simonett. Tessiner Graberfeld. Basel, 1941, табл. 17, *9*; рис. 117.
[60] D. B. Harden. Roman Glass from Karanis, табл. IX, рис. 732, 739, 741.

Тип Г. В этот тип мы выделили два обломка донышек бальзамариев (рис. 4, *26*), которые относятся к позднеантичному времени. Бальзамарии в Северном Причерноморье к IV в. почти вышли из употребления по-видимому, с распространением христианства, а если и встречаются в могилах, то в качестве исключения, как, например, в одном из склепов Херсонеса [61]. Поэтому найти аналогию обломкам донышек бальзамариев среди материала Северного Причерноморья нельзя. Ее приходится искать в тех областях, где традиции язычества античного времени сохранялись дольше. В частности, бальзамарий, сходный с нашими находками по форме тулова, слегка вогнутому дну и зеленоватому цвету стекла, был найден в Мцхете, в могиле 43, которая датируется IV—V вв. [62] Эта аналогия дает нам право видеть в обломке донышка Г, *1* образец сосуда, попавшего в Гермонассу с Кавказа. Благодаря этому он приобретает особый интерес, так как связи городов Таманского полуострова с Кавказом в позднеантичное время прослеживаются очень слабо, чего нельзя сказать о более позднем периоде, что хорошо видно на примере стеклянных колец и браслетов кавказского производства, найденных в Тмутаракани.

Ручки сосудов. Ручек сосудов найдено на Таманском городище немного — девять. Они малоразнообразны и представлены тремя типами: А, Б, В. Ручки типа А (рис. 4, *21*; 5, *15*) можно считать относящимися к самому концу античного периода, а ручки типа Б (рис. 4, *22*, *24*; 5, *16*, *17*) целиком связаны со средневековым временем. Ручки типа В (рис. 4, *25*; 5, *18*) крайне невыразительны и мы не знаем им аналогии.

Ручки типа А очень миниатюрны. Их было бы правильнее назвать ушками. Такие ручки-ушки не характерны для сосудов I—III вв. Мы не можем выделить ни одного экземпляра подобных ручек из огромного количества обломков стеклянных сосудов, раскопанных на Митридате за 1945—1961 гг. Этих ручек не было в цистернах Херсонеса. Не обнаружены они и в Диоскуриаде-Себастополисе в слоях IV—V вв. Но тем не менее надо признать, что сосуды с ручками-ушками стали, хотя и очень редко, появляться в Причерноморье в IV в. Нам известно всего четыре таких сосуда, которые, по-видимому, являлись лампадами. Один сосуд типичной для IV в. формы с полусферическим туловом и тремя ручками-ушками был найден В. Ф. Гайдукевичем в Тиритаке (рис. 10, *1*) [63]. Второй — почти аналогичной формы, хранится в Одесском музее и считается пантикапейским [64] (рис. 10, *2*). Третий сосуд в виде стакана с тремя ручками-ушками, тоже из Керчи, опубликован

---

[61] Г. Д. Белов. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее.— МИА, № 34, 1953, рис. 19-б.

[62] «Мцхета». Тбилиси, 1958, стр. 139, рис. 82.

[63] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.— МИА, № 25, 1952, стр. 117, рис. 146. Теперь хранится в Керченском музее. Инв. № К—6753.

[64] ОГАМ, № 56366.

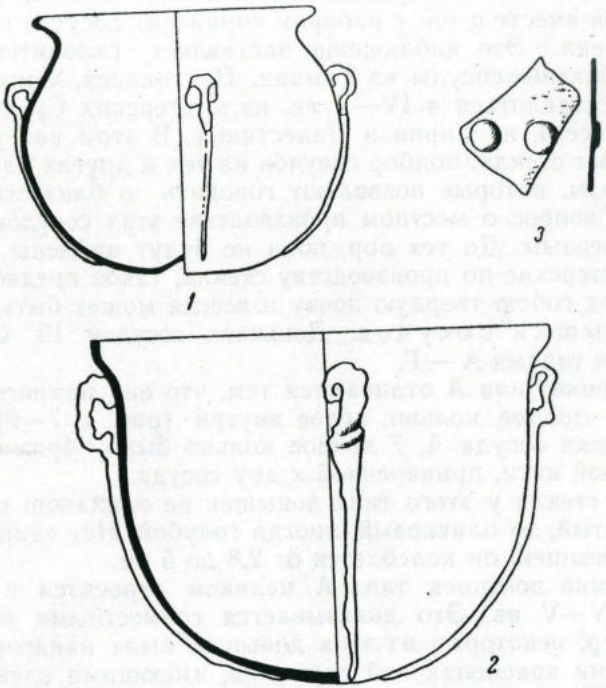


Рис. 10. Стеклянные сосуды IV в.

1 —сосуд с ручками-ушками. Пантикапей. ОГАМ, А. 46366; *2* — сосуд с ручками-ушками. Керченский музей, К 6753; *3*—обломок стенки сосуда с напаями из синего стекла

Макферсоном [65]. Наконец, четвертый сосуд с ручками-ушками был найден в катакомбе 52(3) Пантикапейского некрополя [66].

Ручки-ушки встречаются у рюмкообразных сосудов, как можно судить по образцам из Декаполиса [67]. Эти сосуды из Северного Причерноморья не сохранились в целом виде. Но о том, что они существовали здесь, можно говорить на основании обломков ножек рюмкообразных сосудов (например, ножек рюмкообразных сосудов типа В, сопоставляемых с ручками типа А, найденными в Тамани; ручки-ушки типа А можно встретить у целого ряда сосудов, но уже средневекового времени, вплоть до 90-х годов XI в.). В качестве примера сосуда раннесредневекового времени можно привести обломок верхней части лампады с тремя руч-

[65] D. Macpherson. Antiquites of Kerch. London, 1857, pl. VI.
[66] ИАК, вып. 47, 1913, рис. 10.
[67] C. H. Kraeling. Указ. соч., рис. 20—23.

ками-ушками из катакомбы 9 в могильнике Балта[68] (рис. 5, *14*). Обломки сосудов с аналогичными маленькими ручками, относящимися к IX—X вв., были найдены при раскопках мастерской в Коринфе[69].

Ручки-ушки типа Б, в противоположность типу А, в IV в. совсем не известны. Они найдены исключительно в средневековых слоях Таманского городища и безусловно относились ко времени этих слоев. Они много грубее ручек типа А и сделаны по-иному: ручки типа А изготовлялись из стеклянной нити, круглой в диаметре, одним концом прикрепленной к тулову, а вторым — к краю сосуда. Для того, чтобы сделать ручку типа Б, мастер наносил каплю стекла на стенку сосуда, образовывая основание ручки. Затем капля вытягивалась в недлинную ленту, конец которой загибался и прикреплялся к основанию. Благодаря этому получалась ручка-петля. Аналогии этим ручкам имеются только среди средневековых памятников. Похожие ручки были найдены в Саркеле[70] (первая половина IX в.), в Дманиси[71] и Коринфе[72].

Стенки сосудов. Стенки сосудов крайне невыразительны и фрагментарны. Поэтому мы не приводим их списка. Укажем только, что из 19 обломков всего лишь два представляют интерес, поскольку можно определить по ним форму сосуда и их время. Один обломок от стенки сосуда оливково-зеленоватого стекла с напаями из синего стекла может быть отнесен к группе позднеантичных сосудов. Обычно такой орнамент имели сосуды в виде стаканов (рис. 2, *2*; 4, *28*) или полусферических чаш, очень характерных, главным образом, для IV в., о чем нам не раз уже приходилось говорить.

Второй обломок стенки должен быть включен в ту же группу. Он представляет собою обломок стенки полусферической чаши толщиною 1,5 мм с орнаментом из двух довольно широких, но неглубоких гравированных полосок, которые, конечно, исключали украшение из напаев синего стекла (рис. 1, *10*). Стекло обломка оливково-зеленое. Чаши такой формы получили широкое распространение в IV в. Они известны в памятниках Малоазиатского побережья (например, в Тире)[73], Египте[74], Сирии[75], а также в странах Западной Европы[76]. Встречаются они и в могильниках Северного Причерноморья.

Оконное стекло. Раскопки Таманского городища дали небольшое количество обломков оконного стекла. Оно было найдено главным

---

[68] МАК, т. VIII, 1900, табл. CXIV, рис. 9.
[69] G. R. Davidson. Указ. соч., рис. 21.
[70] Материал хранится в Гос. Эрмитаже, № 2128, раскопки 1950 г., № СП—2132, раскопки 1951 г.
[71] Л. Мусхелишвили. Раскопки в Дманиси.— СА, VI, 1940, стр. 281.
[72] «Corinth», t. XII.— The miror objects by G. R. Davidson, New Jersey, 1952, 726.
[73] D. B. Harden. Tomb-groups of Glass of Roman date from Syria and Palestine, табл. XLIX, *3*, рис. 1, 8.
[74] D. B. Harden. Roman Glass from Karanis, стр. 122, табл. XV.
[75] G. Eisen. Glass. New York, 1927, стр. 387, рис. 163.
[76] C. Isings. Указ. соч., стр. 113, форма 96.

образом в слоях позднеантичного времени, но встречалось и в слоях V—VI вв. Обломки стекла очень небольшие и невыразительные. Поэтому размер и форму всей пластины установить, как правило, не удается. Только по очертаниям одного края с бортиком, найденного в 1955 г. на Центральном раскопе в перекопанном грунте под западной частью церкви, можно было установить, что пластина была круглой. Диаметр ее достигал 22 см. Однако дата этого обломка неясна[77].

Оконное стекло из Тамани в силу своей фрагментарности не позволяет добавить что-либо новое к тому, что нами было уже сказано по поводу оконного стекла конца III—IV в. из Пантикапея[78]. Надо только отметить, что качественный спектральный анализ обломков оконного стекла показал близость рецептов, по которому были сварены пантикапейские и гермонасские позднеантичные оконные стекла. Возможно, что этот товар в тот и другой город поступал из одних или близких центров Ближнего Востока. В отличие от пантикапейского, оконное стекло из Гермонассы относится не только к позднеантичному, но и средневековому времени. По находкам раннесредневекового оконного стекла Тамань не представляет исключения, так как обломки оконного стекла известны и на некоторых раннесредневековых памятниках Крыма и западного побережья Черного моря. Там они сопровождали, главным образом, развалины культовой архитектуры. Например, обломки оконного стекла были найдены в Тиритаке[79], при раскопках базилики V—VI вв., в Мангупе при исследовании базилики VI в.[80], при базилике V—VI вв. в окрестностях Пловдива в Болгарии[81] и т. д. Поэтому можно прийти к выводу, что оконное стекло применялось в эпоху раннего средневековья исключительно в базиликальной архитектуре, а его использование в жилищном строительстве вызывает сомнение.

* * *

Стекло с Таманского городища до раскопок Б. А. Рыбакова известно не было. Таманское стекло многое дает для изучения стеклоделия и торговых связей, но оно особенно интересно тем, что на его примере можно проследить связь и различие между стеклянной посудой античной и средневековой эпох, поскольку жизнь на городище не прекратилась после гибели боспорских городов во второй половине IV в.

Стеклянная посуда с Таманского городища подразделяется на две хронологические группы: IV—V вв. и VI—VIII вв. Хронологические

---

[77] Обломок стекла утерян и поэтому мы приводим данные, взятые из отчета.— Архив ИА АН СССР, Р — 1/1417, стр. 21.

[78] Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея в 1945—1959 гг.— МИА, № 103, 1962, стр. 234 и сл.

[79] В. Ф. Гайдукевич. Памятники раннего средневековья в Тиритаке.— СА, VI, 1940, стр. 191.

[80] М. А. Тиханова. Базилика.— МИА, № 34, 1953, стр. 343, 346, 348, 377.

[81] Христо Джамбов. Указ. соч., стр. 188.

рамки позднеантичной группы стекла не совпадают с принятой в исторической науке датой конца античной эпохи для городов Северного Причерноморья, которую обычно относят к IV в. В изучаемом материале IV в. не является резко выраженным рубежом. Форма многих стеклянных сосудов, связанных еще целиком с античным периодом, не исчезла в IV в., а продолжала существовать и в V в. (например, рюмкообразные сосуды с краем типа Б и ножкой типа А; стаканы с краем типа А и чаши с полусферическим туловом, бальзамарии). Формы некоторых других сосудов только складывались в IV—V вв., а затем бытовали и позднее (например, стаканы с донышком типа А, рюмкообразные сосуды с ножкой типа Б, В, Г).

Проследить резкую грань между сосудами IV и V вв. не удается, по-видимому, потому, что, во-первых, у части населения, оставшейся на старом пепелище после событий 370-х годов, сохранялись традиции культуры античного времени, и, во-вторых, поддерживались в какой-то мере старые налаженные связи с центрами Ближнего Востока. Эти центры продолжали свое поступательное развитие, в то время, как города северо-восточной части Северного Причерноморья переживали в конце IV в. перелом в истории, связанный с гуннским нашествием. Поскольку стеклянная посуда, найденная в Тамани, импортная, то нельзя рассчитывать уловить в этом археологическом материале отражения исторических событий в такой мере, в какой это можно было бы сделать на местном материале. Но тем не менее при сравнении позднеантичной и раннесредневековой групп стекла выясняется, что стеклянной посуды IV—V вв. на городище значительно больше, чем раннесредневековой. Стекло позднеантичного периода отличается относительно большим разнообразием форм и в общем лучшим качеством стекла, по сравнению со стеклом VI—VIII вв. Хотя при этом следует заметить, что позднеантичное стекло гораздо беднее наборов стекла I—III вв. Но все равно оно выигрывает от сравнения со средневековыми стеклянными сосудами. Сопоставление той и другой групп стекла Тамани совершенно очевидно показывает, что после IV—V вв. спрос на стеклянную посуду у населения города сводится до минимума. Этот факт находит объяснение в тех исторических событиях, происходивших в Северном Причерноморье в конце IV в., которые заметно изменили культуру городов Боспора. Особенно большую роль в этом сыграла та часть кочевых племен, которая при их общем движении на запад оседала в приморских городах и, в частности, в Гермонассе. Этнические изменения повлекли за собою значительное упрощение быта. Утрачивались старые традиции и выходили из употребления бытовые предметы и вещи, которые были чужды изменившимся вкусам. Становилось все менее необходимым вывозить из-за моря хрупкие и в то же время дорогие сосуды из стекла. Их вывоз в раннее средневековье сильно сократился. Однако следует отметить, что сокращение употребления стеклянной посуды в поздней Гермонассе — Таматархе носит локальный ха-

рактер. Известно, что, например, в странах Востока[82] и средневековых центрах Закавказья[83] стеклянная посуда изготовлялась не в меньших количествах и использовалась в быту не реже, чем в античный период.

Изучение стекла из Тамани позволило провести ряд наблюдений над техникой их производства. Сосуды группы позднеантичного стекла были сделаны посредством техники дутья. Качество стекла у них не однородное. Одни сосуды были изготовлены из стекла оливково-зеленоватого цвета, другие — из прозрачного стекла с легким голубовато-зеленоватым оттенком. Как исключение, встречались обломки сосудов бесцветного прозрачного стекла. Обычно поверхность обломков из стекла всех оттенков бывает иризирована.

Нельзя не отметить, что оливково-зеленоватый цвет стекла всегда сочетается с определенной формой сосудов. Из него бывают сделаны: 1) стаканы нескольких типов (края типа А, донышки типа Б), нередко имеющие напаи из синего стекла; 2) чаши с полусферическим туловом; 3) кувшины и миски на высоком поддоне (донышки типа В). Сосуды, изготовленные из такого стекла, появились уже во второй половине III в., датируются они в основном IV в., но известны также и в V в. В Тамани позднее V в. они не прослеживаются. В Средиземноморье сосуды, выдутые из оливково-зеленоватого стекла, наиболее характерны для Египта. Это стекло также встречается у некоторых форм местных сирийский сосудов[84]. По-видимому, как египетские, так и сирийские мастерские, выпускавшие сосуды из оливково-зеленоватого стекла, обладали большой производительностью. Это можно заключить по тому большому количеству различных форм сосудов, сделанных из такого стекла, известных хотя бы только в одном Северном Причерноморье. Обломки сосудов (края типа А, донышки типа Б, В, стекла чаши с полусферическим туловом), найденные в Тамани, мы затрудняемся отнести с полной определенностью к тем или иным мастерским, так как анализы состава стекла показали, что они сварены по рецепту, распространенному на широкой территории Средиземноморья. Косвенным свидетельством в пользу происхождения таманских сосудов из Сирии является отсутствие среди стеклянных сосудов из Кабариса и собрания Каирского музея стаканов, с которыми мы связываем обломки краев типа А.

Из прозрачного стекла с голубовато-зеленоватым оттенком бывают сделаны рюмкообразные сосуды (края типа Б, ножки типа А) и стаканы (донышки типа А, *1—3*, Б, *3*). То и другое стекло не характерно для сосудов какого-то определенного времени, в отличие от оливково-зеленоватого. Оно встречается у сосудов как позднеантичного, так и раннесредневекового периодов. Стекло такого оттенка у рюмкообразных сосудов из Египта совсем не наблюдается, но оно было распространено

---

[82] C. Lamm. Mittelalterliche Glasser und steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Berlin, 1929—1930.

[83] Н. Н. Угрелидзе. Стекло в древней Грузии. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).

[84] O. Vessberg. Указ. соч., стр. 124.

у сосудов такой же формы из Сирии, Палестины, с о. Кипра [85]. Поэтому надо полагать, что таманские сосуды, сделанные из голубовато-зеленоватого стекла, поступили из мастерских Ближнего Востока [86]. Стеклянная посуда шла оттуда не только в Гермонассу. Устойчивый стандарт размеров рюмок (диаметр устья 7—8 см, диаметр ножки — 4 см) и единое качество их стекла, наблюдаемые у этих сосудов из различных пунктов Северного Причерноморья (Гермонасса, Пантикапей, Фанагория, Херсонес, могильник у Сопино Туапсинского района), заставляет склониться к мнению, что они поставлялись если не одной мастерской, то мастерскими одного из районов Ближнего Востока. По своему ассортименту сосудов таманский комплекс позднеантичного стекла перекликается особенно с херсонесским. Причина этого удивительного сходства сосудов, видимо, может быть объяснена только единым поставщиком стеклянных изделий в Гермонассу и Херсонес. Такими поставщиками являлись мастерские Сирии или Палестины. Торговые и культурные связи Херсонеса с Сирией в IV—V вв. хорошо известны. Они прослежены на многом археологическом материале и подкреплены письменными источниками. Поэтому сходство форм и набора сосудов Гермонассы с херсонесскими является лишним подтверждением торговых связей также и Гермонассы с сирийскими центрами в это время.

Набор сосудов позднеантичной группы стекла из Тамани состоял из столовых (стаканов для питья и кувшинов, бутылей для хранения жидкостей) и туалетных сосудов (бальзамариев), которые по своему назначению целиком были связаны с традициями античного времени. Причем некоторые из них уже выходили из употребления (такие, как, например, бальзамарии), а другие только формировались под влиянием постепенно нарастающих внутри позднеантичной цивилизации элементов культуры, получивших развитие в средневековый период. В этом плане особенно интересны рюмкообразные сосуды, некоторые из которых имели ручки-ушки. Эти сосуды являлись лампадами. Подобных сосудов не знала античная эпоха, и они целиком связаны со средневековым временем. Признание христианства в 313 г. официальной религией послужило толчком к развитию новых форм архитектуры, новых элементов в прикладном искусстве и ремеслах, которые обслуживали потребности культа и должны были отвечать его особенностям. Это явление можно наблюдать и в изделиях ремесленников-стеклодувов. Прежде всего на запросы времени откликнулись мастерские Ближнего Востока — Сирии и Палестины. Это вполне понятно, потому что там находились основные очаги новой христианской религии. Именно в сирийских мастерских

---

[85] O. Vessberg. Указ. соч., стр. 124; D. B. Harden. Tomb-groups of Glass of Roman date from Syria and Palestine, стр. 152, 154.

[86] Основные районы Ближнего Востока — Сирия и Палестина — настолько соприкасались друг с другом, что, например, Харден (D. B. Harden. Tomb-groups of Glass of Roman date from Siria and Palestine, стр. 154) говорил о большом единстве продукции, вышедшей из стекольных мастерских того или другого района.

IV в. делались стеклянные кувшинчики с христианской символикой, которые распространялись в различных областях римской империи и в античных государствах Северного Причерноморья (Херсонес, Пантикапей) [87]. В мастерских Сирии, Палестины и Египта в это же время стали изготовляться сосуды-лампады нескольких форм, одни из которых вставлялись в бронзовые хоросы, другие подвешивались, а третьи могли стоять в любом месте самостоятельно. Эти мастерские делали и стеклянные плитки для остекления наборных рам оконных проемов, на которые был повсюду большой спрос в связи с оживленным строительством базилик и других культовых зданий. Эти сосуды-лампады и, по-видимому, оконное стекло завозили и в города Северного Причерноморья — Херсонес, Гермонассу, Пантикапей, где тоже стало распространяться христианство, а с ним возникла большая потребность в церковном реквизите и тех предметах, которые были необходимы при совершении религиозных церемоний. Эта потребность сохраняется и в эпоху раннего средневековья, т. е. даже тогда, когда сильно сужается ассортимент посуды из стекла, которой пользовались обитатели Гермонассы — Таматархи. Поэтому группа раннесредневекового стекла из Тамани в основном представлена обломками рюмкообразных сосудов-лампад (края типа Б, *6—10*, Г, *4*, ручки типа Б, *1—4*, ножки типа Б, В, Г). Формы других сосудов не характерны и единичны. Все сосуды этой группы сделаны тоже посредством техники дутья. Стекло обломков имеет зеленоватый или голубоватый оттенки. Встречаются отдельные обломки сосудов из стекла довольно интенсивной голубой окраски (край типа Б, *10*, ручка типа А, *1*, *2*, ножки типа В, *1*, *3*, *4*, *5*). Они обычно не имеют иризации, чем отличаются от остальных обломков этой группы.

В эпоху раннего средневековья, так же как и в предшествующий период, по-видимому, местного производства стеклянных сосудов в Гермонассе — Таматархе не существовало. Об этом можно судить по такому малому количеству обломков стеклянной посуды средневекового времени. Та небольшая потребность в сосудах удовлетворялась за счет ввоза, по-видимому, из Средиземноморья, возможно, через посредство Херсонеса. Интересно отметить, что стекло из северокавказских областей, хорошо известное по могильникам Балты, Чми, Змейской в раннесредневековую эпоху, в Таматарху не проникало.

---

[87] Н. П. Сорокина. Три стеклянных сосуда с рельефным изображением из Северного Причерноморья.— Материали з археології Північного Причорноморья, Одесса, 1960, вип. III, стр. 228 сл.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ОПИСАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЕЙ СТЕКЛЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ТАМАНСКОГО ГОРОДИЩА

Обломки краев сосудов

Тип А

1. Обломок отогнутого края стакана. Край сверху не обработан. Цвет стекла оливково-зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией темного цвета. Диаметр устья 7 см; толщина стенок 1 мм. Раскопочный шифр: Тамань, 1954 г., раскоп XXVII, полевая опись № 265, анализ № 311/8. В дальнейшем: Тм., 1954, XXVII, № 265, ан. № 311/8, рис. 1, *3*.

2. Обломок края сосуда. Край сверху не обработан. Цвет стекла оливково-зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией темного цвета. Диаметр устья 7 см; толщина стенок около 2 мм. Тм., 1954, XXVIII, № 126.

3. Обломок края сосуда. Край сверху не обработан. Цвет стекла оливково-зеленоватый. Поверхность покрыта тонкой пленкой серебристой иризации. Диаметр устья 7 см; толщина стенок 1—1,5 мм. Тм., 1954, XXX, № 141, рис. 1, *1*.

4. Обломок края сосуда. Край сверху не обработан. Цвет стекла оливково-зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией темного цвета. Диаметр устья 7—7,5 см; толщина стенок 1 мм. Тм., 1955, VIII, № 61, рис. 1, *2*.

5. Обломок края сосуда. Край сверху не обработан. Цвет стекла оливково-зеленоватый. Поверхность иризирована. Диаметр устья 7 см; толщина стенок 1,5 мм; размер обломка: 2,8×1,8 см. Тм., 1955, тр. IV, № 42, рис. 1, *2*.

6. Обломок края сосуда. Край сверху не обработан (?). Цвет стекла оливково-зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией темно-коричневого цвета. Диаметр не устанавливается; толщина стенок 1 мм; размер обломка: 3×2 см. Тм., 1954, XXVII, № 27а.

7. Обломок края сосуда. Край сверху не обработан. Стекло оливково-зеленоватого цвета. Поверхность иризирована. Диаметр устья 8 см; толщина стенок 1,5 мм; размер обломка: 2,4×2 см. Тм., 1952, II, № 352.

8. Обломок края сосуда. Край сверху не обработан. Цвет стекла темно-оливково-зеленоватый. Стекло прозрачное, без иризации. Диаметр устья 7 см; толщина стенок 2 мм; размер обломка; 3,9 × 2,5 см. Тм., 1954, XXVII № 260.

9. Обломок края сосуда. Край сверху не обработан. Цвет стекла светло-оливковый. Стекло прозрачное, без иризации. Диаметр устья 7 см; толщина стенок 1 мм; размер обломка: 4,7 × 2 см. Тм., 1954, XXVIII, № 92, ан. № 310/24.

Тип Б

1. Обломок края сосуда. Стенка сосуда к краю слегка утолщается. Край сверху обработан. Цвет стекла слегка голубовато-зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией темного цвета. Диаметр устья 8 см; толщина стенок от 1 до 2 мм. Тм., 1954, XXVIII № 193, рис. 1, 7.

2. Обломок края сосуда. Стенка сосуда к краю утолщается. Сверху край обработан. Цвет стекла слегка голубовато-зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией темного цвета. Диаметр устья 8 см; толщина стенок от 1 до 2 мм; размер обломка: 4,7 × 1,5 см. Тм., 1954, XXX, № 312, ан. № 310/22.

3. Обломок края сосуда. Край сверху обработан. Цвет стекла слегка голубовато-зеленоватый. Поверхность изъедена иризацией. Имеются мелкие отдельные пузырьки. Диаметр устья 7 см; толщина стенок от 0,5 до 2 мм. Тм., 1955, XXVIII, номер утрачен.

4. Обломок края сосуда. Край сверху обработан. Цвет слегка голубовато-зеленоватый. Поверхность изъедена иризацией. Диаметр устья 7 см; толщина стенок от 1 до 2 мм. Тм., 1955, тр. KIII, № 93.

5. Обломок края сосуда. Край сверху обработан. Цвет слегка голубовато-зеленоватый. Имеются мелкие, круглой формы пузырьки. Поверхность иризирована. Диаметр 7 см, толщина стенок от 0,5 до 2 мм. Тм., 1955, XXVIII, № 1211.

6. Обломок края сосуда. Край сверху обработан. Цвет голубоватый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 6 см; толщина стенок около 1 мм; размер обломка: 1,2 × 0,8 см. Тм., 1954, XXVII, № 187.

7. Обломок края сосуда. Край сверху обработан. Цвет зеленовато-голубоватый. Поверхность покрыта тонкой пленкой иризации темного цвета. Диаметр 6 см; толщина стенок от 1 до 2 мм. Тм., 1953, XXVIII, номер утрачен.

8. Обломок края сосуда. Край сверху обработан. Цвет зеленовато-голубоватый. Имеются мелкие круглые пузырки. Поверхность покрыта тонкой пленкой темной иризации. Диаметр 6 см; толщина стенок от 0,5 до 2 мм. Тм., 1955, XXVIII, № 1210, рис. 1, *6*.

9. Обломок края сосуда. Край сверху обработан. Цвет голубоватый. Поверхность покрыта тонкой пленкой серебристой иризации. Диаметр 6 см; толщина стенок от 1 до 2 мм. Тм., 1955, XXXII, № 68.

10. Обломок края сосуда. Край сверху обработан. Цвет голубоватый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 5 см; толщина стенок 1 мм, рис. 1, *5*.

11. Обломок края сосуда. По краю проложена тонкая голубая нить стекла. Край сверху обработан. Цвет стекла голубоватый. Поверхность покрыта тонкой, легко отслаивающейся светлой пленкой иризации. Диаметр 8,8 см; толщина стенок 0,5 мм; размеры обломка: 1,6 × 1,5 см. Тм., 1955, XXXIII, № 64, рис. 1, *12*.

Тип В

1. Обломок края и стенки стакана. Край слегка отогнут. Сверху обработан. Под краем и по середине тулова — широкие неглубокие шлифованные полоски. Цвет стекла слегка зеленоватый. Стекло прозрачное. Поверхность покрыта светлой иризацией. Диаметр 7—7,5 см; толщина стенок 2 мм; размеры обломка: 5,5 × 3,5 см. Тм., 1955, XXXVIII, № 105, рис. 1, *8*.

Тип Г

1. Обломок края сосуда. Край отогнут наружу, образуя валик. Цвет голубоватый. Стекло прозрачное с мелкими круглыми пузырьками. Поверхность не иризирована. Диаметр 7—8 см; толщина стенок 0,5 мм; размеры обломка: 2,3 × 1,1 см. Тм., 1955, № 156, рис. 1, *11*.

2. Обломок края сосуда. Край отогнут наружу, образуя полый внутри валик. Стекло бесцветное. Поверхность покрыта плотным слоем иризации. Диаметр до 18 см; толщина стенок 0,5 мм; размеры обломка: 4,3 × 2 см, рис. 1, *15*. Тм., 1954, XXVIII, № 92.

3. Обломок края сосуда. Край отогнут наружу, образуя полый внутри валик. Цвет голубоватый. Стекло прозрачное. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 4,8 см; толщина стенок 2—2,5 мм. Тм., 1953, XI, № 16, рис. 1, *2*.

4. Обломок края сосуда. Край загнут внутрь, образуя полый внутри валик. Цвет стекла зеленовато-голубоватый. Иризации нет. Диаметр 9 см; толщина стенок 0,5 мм. Тм., 1954, XXX, № 372, ан. № 310; 23, рис. 1, *14*.

Тип Д

1. Обломок края сосуда. Слегка утолщающийся край загнут вовнутрь. Сверху обработан. Под краем имеется полоса, образованная нитью голубоватого стекла, обмотанной вокруг горла не менее пяти-шести раз. Цвет стекла сосуда слегка голубоватый; цвет нити более густого голубого цвета. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 8 см; толщина стенок от 0,5 до 1,5 мм; размеры обломка: 3,2 × 2 см. Тм., 1954, XXVIII, № 92, рис. 1, *13*.

Горлышки сосудов

Тип А

1. Обломок горлышка сосуда. Венчик образован отогнутым и загнутым вовнутрь краем. Цвет стекла зеленоватый. Поверхность покрыта темным слоем иризации. Диаметр 3 см; толщина стенок 1,5 мм. Тм., 1955, XXXII, № 66, рис. 4, *1*.

2. Обломок горлышка сосуда. Горло цилиндрическое, заканчивается венчиком, образованным отогнутым и загнутым внутрь краем. Стекло прозрачное. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 4 см; толщина стенок 1 мм; длина горла 4 см. Тм., 1954, XXX, № 404 или 704, рис. *4*, 3; 5, *1*.

Тип Б

1. Обломок горлышка, заканчивающегося раструбом. Загнутый внутрь край образует валик. Цвет стекла оливково-зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 5 см; толщина стенок 1 мм. Тм., 1955, VIII, № 34, рис. 4, *2*; 5, *2*.

2. Обломок нижней части горлышка и части тулова. Цвет стекла оливково-зеленоватый. Стекло прозрачное с мелкими пузырьками. Иризации нет. Диаметр 3,5 см; толщина стенок до 2 мм. Тм.,1954, XXVIII, № 126.

Тип В

1. Обломок горлышка сосуда, слегка расширяющегося кверху. Венчика нет. Край сверху обработан. Стекло бесцветное, прозрачное. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 2 см; высота горла 2 см; толщина стенок 1,5 — 3 мм. Тм., 1953, XXI, № 86, рис. 4, *4*; 5, *3*.

2. Горлышко сосуда цилиндрической формы. Венчика нет. Край сверху обработан. Цвет стекла голубой. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 1,5 см; высота 3,5 см; толщина стенок около 3 мм. Тм., 1953, XIV, № 1016, рис. 4, *5*; 5, *4*.

3. Обломок средней части цилиндрического горла. Стекло бесцветное. Иризации нет. Диаметр 3 см; высота 1,5 см; толщина стенок 1,5 мм. Тм., 1954, XXVIII, № 92.

Ножки рюмкообразных сосудов

Тип А

1. Ножка рюмкообразного сосуда с обломком дна тулова. Она состоит из круглой в плане и конической в разрезе подставки и шарообразного столбика, на котором покоится дно. Круглая подставка по краю имеет валик, полый внутри. Цвет стекла голубовато-зеленоватый. Оно прозрачное с мелкими круглыми пузырьками. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр подставки 4 см; высота 2 см. Тм., 1954, XXVII, № 260, рис. 5, *5*; 7, *7*.

2. Обломок шарообразного столбика ножки сосуда. Цвет стекла голубовато-зеленоватый. Поверхность изъедена иризацией. Высота 1,5 см. Тм., 1955, XXIII, № 11, ан. № 310/19.

3. Ножка рюмкообразного сосуда. Ее устройство аналогично ножке сосуда № 1. Цвет стекла голубовато-зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 4 см; высота 2 см. Тм., 1954, XXVIII, № 112, рис. 7, *6*.

4. Ножка рюмкообразного сосуда. Состоит из круглой в плане и конической в разрезе подставки и очень короткого столбика, переходящего в дно сосуда. Цвет стекла голубовато-зеленоватый. Поверхность изъедена иризацией. Диаметр 4 см; высота 2, 3 см. Тм., 1955, XXXVIII, № 104, рис. 7, *1*.

5. Ножка рюмкообразного сосуда с обломком дна. Ножка состоит из круглой в плане и конической в разрезе подставки, переходящей в дно сосуда. Цвет стекла голубовато-зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 4,4 см; высота 2 см. Тм., 1955; XXVIII, № 293, рис. 5, *6*; 7, *3*.

6. Ножка рюмкообразного сосуда. Ее устройство аналогично ножке сосуда № 5. Цвет стекла голубовато-зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией темного цвета. Диаметр 3,5 см; высота 1,3 см. Тм., 1954, VIII.

7. Обломок ножки рюмкообразного сосуда. Устройство ножки, по-видимому, аналогично ножкам сосудов № 5, 6. Цвет стекла голубовато-зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 4 см; высота 1,2 см. Тм., 1954, XXX, № 174, ан. № 310/20, рис. 7, *4*.

8. Обломок ножки рюмкообразного сосуда. Устройство ножки, по-видимому, аналогично ножкам сосудов № 5, 6, 7. Цвет стекла зеленоватый. Поверхность покрыта темной иризацией. Диаметр 4 см, высота 1 см. Тм., 1954, XXVII, № 260, рис. 7, *5*.

9. Ножка рюмкообразного сосуда. Состоит из круглой в плане подставки и полого внутри, слегка расширяющегося книзу столбика. Подставка снизу почти плоская. Цвет стекла зеленоватый. Поверхность покрыта легко отслаивающейся темной пленкой иризации. Диаметр 5 см; высота 2 см. Тм., 1955, тр. III, № 26.

10. Обломок края ножки (?) рюмкообразного сосуда (?). Цвет стекла голубоватый. Поверхность покрыта тонкой серебристой пленкой иризации. Диаметр 5—6 см; размер обломка: 1,4 × 2 см. Паспорт утерян. Ан. № 311/10.

Тип Б

1. Ножка рюмкообразного сосуда в виде круглого в сечении стержня, сплошного внутри. Подставка ножки и тулово сосуда отбиты. Цвет стекла зеленоватый. Поверхность иризирована. Высота 3,5 см; диаметр 6—7 см. Тм., 1955, XXXVIII, № 113, рис. 5, *10*, 7, *16*.

2. Ножка рюмкообразного сосуда в виде сплошного стержня, расширяющегося книзу. Подставка ножки и тулово сосуда отбиты. Цвет стекла голубой. Поверхность иризирована. Высота 3,2 см; толщина от 5,5 мм до 1,5 см. Тм., 1954, XII, № 85, рис. 7, *15*.

3. Ножка рюмкообразного сосуда в виде сплошного стержня, расширяющегося книзу. Подставка ножки отбита, сохранилась большая часть дна тулова. Высота 2,2 см; толщина от 5 до 11 мм; толщина стенок дна 1—2 мм. Тм., 1952, II, № 366, рис. 7, *14*.

4. Обломок ножки рюмкообразного сосуда. Ножка сплошная, в виде столбика, круглая в сечении, расширяющаяся книзу. Цвет стекла голубой. Высота обломка 1,8 см; диаметр — 7 см. Тм., 1955, XXXI, № 78.

5. Обломок ножки рюмкообразного сосуда. Ножка сплошная, в виде столбика, круглая в сечении. Цвет стекла голубой. Поверхность иризирована. Полный паспорт утерян. Имеется № 134.

Тип В

1. Обломок ножки с частью дна тулова рюмкообразного сосуда. Цвет стекла голубой. Стенки прозрачные, поверхность не иризирована. Высота 4 см; толщина ножки 5,5 мм; толщина стенок 0,5 мм. Тм., 1954, XXVIII, № 88, ан. № 311/6, рис. 5, *11*; 7, *17*.

2. Обломок ножки с частью дна тулова рюмкообразного сосуда. Цвет голубой. Поверхность слегка иризирована. Высота 2,6 см; диаметр ножки 5 мм; толщина стенок сосуда от 1 до 2,5 мм. Тм., 1955, XXXVIII, № 163, рис. 7, *18*.

3. Обломок ножки с частью дна тулова рюмкообразного сосуда. Цвет стекла голубой. Поверхность слегка иризирована. Высота 2,1 см; диаметр ножки 5 мм; толщина стенок сосуда от 1 до 2 мм. Тм., 1953, XIV — Г № 571, рис. 7, *21*.

4. Обломок круглой подставки от ножки рюмкообразного сосуда. По краю идет еще заметный рельефный валик. Цвет стекла голубой. Стекло прозрачное с мелкими круглыми пузырьками. Поверхность не иризирована. Диаметр около 5—6 см; длина обломка 1,4 см. Тм., 1955, XXVIII, № 151.

5. Обломок круглой подставки от ножки рюмкообразного сосуда. Край слегка утолщен. Цвет стекла голубой. На поверхности — иризация. Диаметр около 5—6 см; толщина стенок от 1 до 2 мм. Тм., 1954, XXVII, № 135.

6. Обломок ножки сосуда (рюмкообразного ?, лампадки?). Ножка сплошная внутри, в сечении квадратная. Цвет стекла голубой. Стекло прозрачное. Поверхность покрыта иризацией. Высота 4,8 см, толщина 0,6 см. Тм., 1953, XIX, № 245, рис. 5, *12; 7, 19*.

Тип Г

1. Обломок ножки рюмкообразного сосуда. Она представляет собою столбик с наружными перетяжками, создающими впечатление, что ножка набрана из шариков. Цвет стекла голубой. Стекло прозрачное. Поверхность покрыта иризацией. Высота 1,6 см, диаметр 1 см. Паспорт утерян. Рис. 5, *13; 7, 22*.

Донышки сосудов

Тип А

1. Дно стакана на поддоне-кольце. Донышко слегка вогнуто. Цвет стекла слегка зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 2,8 см. Тм., 1954, XXX, № 319, рис. 4, *7*.

2. Дно стакана на кольцевом поддоне, полом внутри. Донышко вогнуто конусом. Цвет стекла слегка зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией темного цвета. Диаметр 3,8 см; толщина стенок 0,5 мм. Тм., 1954, XXVII, № 287, рис. 4, *8*.

3. Дно стакана на кольцевом полом внутри поддоне. Дно вогнуто конусом. Цвет стекла слегка зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией темного цвета. Диаметр 3,8 см. Тм., 1954, XXVII, № 265, рис. 4, *9*.

4. Дно стакана на кольцевом поддоне, полом внутри. Дно вогнуто конусом. Цвет стекла оливково-зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 4 см; толщина стенок 0,5 мм. Тм., 1954, XXVIII, № 126.

5. Обломок дна сосуда на кольцевом поддоне, полом внутри. Цвет стекла оливково-зеленый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 5,5 см. Тм., 1954, XXVII, № 265.

6. Дно стакана (?) на кольцевом поддоне, полом внутри. Дно плоское. Цвет стекла голубой. Поверхность иризирована. Диаметр 4 см. Тм., 1955, XXVIII, № 265, рис. 4, *10*.

7. Дно сосуда на кольцевом поддоне из напаянной на дно стеклянной нити. Дно плоское. Цвет стекла голубоватый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 2,8 см; толщина стенок дна 1 мм. Паспорт утерян. Ан. № 311/8, рис. 4, *11*.

Тип Б

1. Обломок дна стакана. Дно слегка вогнуто. Цвет стекла оливково-зеленоватый. Диаметр 3 см; толщина стенок 1 мм. Тм., 1954, XXVIII, № 265, рис. 4, *12*.

2. Обломок дна стакана. Дно слегка вогнуто. Цвет стекла оливково-зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр около 5 см; толщина стенок 1,5 мм. Тм., 1954, XXVII, № 265.

3. Обломок дна стакана. Дно вогнуто. Цвет стекла слегка зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 4 см; толщина стенок 1—1,5 мм. Тм., 1955, XXXVIII, № 149, рис. 4, *16*.

4. Обломок дна сосуда. Дно вогнуто. Цвет стекла зеленовато-желтоватый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 4,4 см; размеры обломка: 5 × 3,4 см. Тм., 1955, XXVIII, № 63 (?), рис. 4, *18*.

5. Обломок дна сосуда. Дно слегка вогнуто. Цвет стекла голубоватый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 3,5 см; толщина стенок 0,5—1 мм. Тм., 1955, XXVIII, № 1215, рис. 4, *17*.

6. Обломок дна сосуда. Дно вогнуто. Цвет стекла голубоватый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 6 см; толщина стенок 0,5 мм. Тм., 1954, XXX, № 103, рис. 4, *13*.

7. Обломок дна сосуда. Дно слегка вогнуто. Цвет стекла голубоватый. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр 5 см; толщина стенок 2 мм; размеры обломка; 2,5 × 2 см.

8. Обломок дна сосуда. Цвет стекла голубой. Поверхность покрыта иризацией. Диаметр не устанавливается. Толщина стенок 1,5—2 мм. Тм., 1953, XIX, № 240.

9. Обломок дна сосуда. Цвет стекла голубой. Поверхность иризирована. Диаметр не устанавливается. Толщина стенок 0,5—2 мм; размеры обломка: 2,3 × 2,7 см. Тм., 1955, тр. IV, № 43.

Тип В

1. Обломок дна сосуда на высоком поддоне. Цвет стекла оливково-зеленый. Поверхность иризирована. Диаметр 6 см; толщина стенок 2 мм. Тм., 1955, XXVIII, № 444, рис 4, *20*.

2. Обломок дна сосуда на высоком поддоне. Цвет стекла оливково-зеленый. Диаметр не устанавливается. Тм., 1952, III, без номера.

3. Обломок дна сосуда на высоком поддоне. Цвет слегка голубоватый. Поверхность покрыта иризацией темного цвета. Диаметр 5 см; высота поддона 1,7 см. Тм., 1955, XXVIII, № 1209, рис. 4, *19*.

Тип Г

1. Обломок тулова бальзамария. Цвет стекла слегка зеленоватый. Поверхность сильно иризирована. Диаметр дна 2,5 см; толщина стенок 4 мм. Тм., 1954, XXIII, без номера, рис. 4, *26*.

2. Обломок дна флакона или бальзамария. Цвет стекла голубоватый. Поверхность сильно иризирована. Диаметр около 3 см; толщина стенок 1,5 мм. Тм., 1954, XXVII, № 87.

Ручки сосудов

Тип А

1. Ручка сосуда. Цвет стекла голубой. Высота ручки 2,2 см; толщина 2,8 мм. Тм., 1954, XXX, № 236, рис. 4, *21*; 5, *15*.

2. Обломок ручки сосуда. Цвет стекла голубоватый. Высота обломка 2,1 см; толщина 1,5 мм. Тм., 1954, XXX, № 123.

Тип Б

1. Ручка сосуда. Цвет стекла голубоватый. Поверхность покрыта иризацией. Высота 2 см; толщина 2 мм. Тм., 1953, XVIII, № 721, рис. 4, *23*.

2. Ручка сосуда с частью стенки. Цвет стекла голубоватый. Поверхность покрыта иризацией. Высота 2,2 см; толщина 3—4 мм; толщина стенки 1 мм. Тм., 1952, I, № 62, рис. 4, *22*; 5, *16*.

3. Ручка сосуда. Цвет стекла голубоватый. Поверхность покрыта иризацией. Высота 2,5 см; толщина 2 мм. Тм., 1952, I, № 73, рис. 5, *17*.

4. Ручка сосуда. Цвет стекла голубоватый. Поверхность покрыта иризацией. Высота 2,5 см; толщина 2,5—3 мм. Тм., 1953, XIV, № 973, рис. 4, *24*.

Тип В

1. Обломок ручки сосуда, плоской в сечении. Цвет стекла зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией. Длина обломка 5,2 см, толщина 4 мм. Тм., 1954, XXVIII, без номера, ан. № 311/9.

2. Обломок ручки сосуда. Ручка полая внутри, в сечении круглая. Цвет стекла голубой. Длина обломка 3,7 см; диаметр 5—7 мм. Тм., 1954, XXIX, № 282.

3. Обломок ручки сосуда. Ручка полая внутри, овальная и круглая в сечении. Цвет стекла голубой. Длина обломка 3,2 см,; диаметр 5—20 мм. Тм., 1954, XXIX, без номера, рис. 4, *25*; 5, *18*.

Оконное стекло

1. Обломок оконного стекла с закраиной. Цвет стекла голубоватый. Поверхность покрыта иризацией. Толщина от 2 до 5 мм; размеры обломка: 6,5 × 4,4 см. Тм., 1954, тр. I, IX, ан. № 311 : 2.

2. Обломок оконного стекла. Цвет стекла зеленоватый. Поверхность покрыта иризацией. Толщина 2 мм; размеры обломка: 4,2 × 4,5 см. Тм., 1954, XXVIII, № 126.

3—5. Обломки оконного стекла. Цвет стекла голубоватый. Поверхность покрыта иризацией. Толщина от 2 до 2,5 мм; размеры обломков: 2,1 × 4,3; 2,5 × 3,1; 3,8× 3,4; 3,6 × 4,4 см. Тм., 1955, XXVIII, № 213, 214, 1216, 1217, ан. № 311 : 2.

Ю. Л. Щапова

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТЕКЛЯННЫХ СОСУДОВ ИЗ АНТИЧНЫХ СЛОЕВ ТАМАНСКОГО ГОРОДИЩА

Серией анализов стеклянных сосудов Гермонассы продолжаются работы по изучению состава античных стекол, находимых в Северном Причерноморье. Из общего числа найденных в античных слоях Таманского городища осколков стекла была сделана выборка в 16 образцов. Состав этой выборки не случаен, а обусловлен рядом причин.

Проведенные анализы позволяют говорить о том, что изготовление античной посуды производилось из стекла разного состава. Иногда это разница в рецептуре варки стекол, иногда — в химическом составе сырья. Посуда Гермонассы изготовлена из стекла четырех составов.

I. Натриево-кальциево-магниево-кремнеземное стекло употреблено на изготовление шести сосудов (ан. № 310: 19—21, 23, 24; 311 : 5). Стекло такого состава изготовлялось стеклоделами древности чаще всего и в самое разное время. Стекло этого же состава применяется в современном производстве тарного, оконного и других видов стекол. Для определения места производства рассматриваемых изделий важно изучение форм и их особенностей, ареала и времени распространения.

II. Натриево калиево-кальциево-магниево-кремнеземное стекло, из которого сделан один сосуд (ан № 311: 1) [1], отличается от состава стекла первой группы довольно значительным содержанием окиси калия. Из стекла такого же состава изготовлено оконное стекло и посуда, найденные при раскопках на горе Митридат (ан. № 264 : 2—9) [2]. Стекла подобного состава известны из раскопок на острове Элефантина в слоях, датируемых II—I вв. до н. э.[3]; очень близки по составу стекла Александрии, датируемые 200—300 гг. н. э.[4] Можно думать, что сосуд из Гермонассы происходит из южных районов Средиземноморья, возможно, из Египта. Решит же вопрос происхождения этого сосуда опять-таки анализ формы и ее особенностей.

III. Группа натриево-магниево-кальциево-кремнеземных стекол включает пять находок (ан. № 310 : 22; 311 : 6,8—10). Стекло этого состава не отличается от сходного

---

[1] Номера анализов по книге «Регистрация результатов спектрального анализа». Книга хранится на кафедре археологии МГУ. Аналитическая работа выполнена А. Н. Репиным.

[2] Ю. Л. Щапова. Результаты спектрального анализа стеклянных изделий из Пантикапея.— МИА, № 103.

[3] B. Neumann. Antiker Glässer, ihre Zusammensetzung und Farbung.— Zeitschrift für angewandete Chemie, t. 38, 1925, стр. 858.

[4] W. Geilmann. Beitrage zur Kenntnis alter Gläser, III.— Glas-Technische Berichte, 1955, H. 4, стр. 147.

с ним по виду используемого щелочного сырья стекла первой группы, но отличается от него видом используемого щелочно-земельного сырья, в котором прослеживается значительная примесь окиси магния. Из стекла такого же состава изготовлены стеклянные сосуды, найденные на горе Митридат (ан. № 264 : 14—18). Стекла сходного состава известны в Ниппуре, Нимруде, Самарре, Египте, в памятниках, датируемых с 1400 г. до н. э. до IX в. н. э.[5] Использование такого рецепта имело место в стеклоделательной мастерской, открытой у с. Заветное (Крым, раскопки Т. Н. Высотской) [6].

Один сосуд изготовлен из стекла, в составе которого есть заметное содержание окисей бария и стронция (ан. № 311 : 8). Сочетание этих элементов уже было однажды зарегистрировано в составе бусины ближневосточного происхождения, известной из могильника Маскатужи, датируемого IV—V вв. н. э. (Латвия) [7]. Еще раз примесь стронция и бария была замечена в составе стекла многочастной пронизки, найденной на Таманском городище (ан. № 311 : 14). Особенности техники изготовления и формы (бусина изготовлена из трубочки путем отжима в форму) указывают на Ближний Восток или

---

[5] М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956. Приложение. Анализы древних и средневековых стекол иностранных и других материалов, № 341, 342, 359, 373, 376, 380, 381, 385—390.

[6] Результаты спектрального анализа стеклянных сосудов, найденных у с. Заветное. Ан. № 230 : 15, 16; 290: 1—15.

[7] Ю. Л. Щапова. Результаты спектрального анализа стеклянных бус со средневековых памятников Латвии. Машинопись. Ан. № 269 : 9.

Результаты качественного

№ п/п	№ пластинки	№ спектра	Описание предмета	Паспорт
1	310	19	Ножка рюмкообразного сосуда. Тип А, *3*	Тм., 1954, XXVIII, № 112
2	310	20	Ножка рюмкообразного сосуда. Тип А, *7*	Тм., 1954, XXX, № 174
3	310	21	Край сосуда. Тип А, *8*	Тм., 1954 XXVII, № 260
4	310	22	Обломок края сосуда, тип Б, *2* . .	Тм., 1954, XXX, № 312
5	310	23	Край сосуда, тип, Г, *4*	Тм., 1954, XXX, 372
6	310	24	» » ; тип А, *9*	Тм., 1954, XXVII, № 92
7	311	1	Обломок стекла	Тм., 1954, XXIII, № 305
8	311	2	Обломок оконного стекла, стр. 170	Тм., 1954, тр. I, № 9
9	311	3	Обломок оконного стекла, стр. 170	Тм., 1955, XXVIII, № 1216
10	311	4	Горло сосуда, тип В, *2*	Тм., 1953, XIV, № 1016
11	311	5	Ножка рюмкообразного сосуда, тип Б, *2*	Тм., 1954, XII, № 85
12	311	6	Ножка рюмкообразного сосуда, тип В, *1*	Тм., 1954, XXVIII, № 88
13	311	7	Обломок дна сосуда. Тип А, *7* . .	Без паспорта
14	311	8	Обломок края сосуда. Тип А, *4* . .	Тм., 1954, XXVII, № 265
15	311	9	Ручка сосуда. Тип В, *1*	Без паспорта
16	311	10	Обломок ножки сосуда. Тип А, *10*	» »

Сирию как более вероятный источник происхождения этой бусины. Нужно заметить, что примесь, вернее, содержание в составе стекла этих двух элементов настолько редко, что необходимо отмечать это всякий раз для того, чтобы установить наконец значение столь редкой примеси.

Можно думать, что по происхождению сосуды этого состава стекла следует связывать с Сирией или прибрежными районами юго-восточного Средиземноморья.

IV. Наконец, последняя группа стекол, относящихся к классу натриево-калиево-магниево-кальциево-кремнеземных. Из стекла этого состава изготовлено четыре сосуда (ан. № 311 : 2—4,7). Подобный состав стекла использовался для изготовления некоторых бусин ближневосточного происхождения, найденных в памятниках эпохи Хань [8]. Стекло такого же состава употреблялось для изготовления части сосудов в мастерской, открытой М. Ю. Смишко в 1957 г. под Львовом [9]. Вполне вероятно, что и эту группу сосудов окажется возможным отнести по происхождению к Ближнему Востоку.

Стекло этой группы представляет собою звено, связывающее друг с другом стекла последних трех групп: оно одинаково по виду щелочного сырья со стеклами II группы, а по виду щелочно-земельного сырья — со стеклами III группы.

---

[8] C. G. Seligman and H. C. Beck. Far Eastern Glass Some Western Origins.— The Museum of Far Eastern Antiquities. Bull. № 10, Stokcholm, 1938.

[9] Ю. Л. Щапова. Результаты спектрального анализа стекла, найденного у с. Комарово (раскопки М. Ю. Смишко).

Таблица 1

спектрального анализа

Sr	Ba	Cr	K	Mn	Ca	Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	P
4	5	5	4	3	3	4	6	5	5	—	2	7	5	4	6	5	—		7	3	5	6
4	5	5	4	3	3	4	6	5	5	—	2	7	5	5	7	5	—	о	7	3	5	6
4	5	4	4	3	3	4	5	5	4	—	2	6	5	4	6	5	—		—	3	5	6
4	6	4	4	3	4	4	6	5	4	—	2	7	5	4	6	5	—	с	—	3	5	6
4	6	5	4	3	3	4	5	5	5	—	2	7	5	5	4	5	—		7	3	4	6
4	6	4	4	3	3	4	6	5	4	—	2	6	5	4	6	5	—		—	3	5	6
4	—	5	3	3	3	4	7	5	5	—	2	7	5	5	7	5	—	н	—	3	5	5
4	—	5	3	3	4	4	6	5	5	—	2	6	5	5	5	5	—		—	3	4	6
4	—	5	3	3	4	4	6	5	5	—	2	7	5	5	6	5	—		—	3	5	6
4	6	5	3	3	4	4	5	5	5	—	2	6	5	5	5	5	—	о	—	3	4	6
4	5	5	4	3	3	4	6	5	4	—	2	7	5	5	6	7	—		—	3	5	6
4	5	5	4	3	4	4	5	5	4	—	2	5	5	5	4	5	—	в	7	3	4	6
4	5	5	3	3	3	4	5	5	4	—	2	4	5	5	5	5	—		—	3	4	6
4	4	4	4	3	4	4	5	5	4	—	2	7	5	5	6	5	—		—	3	6	6
4	6	5	4	3	4	4	4	5	5	7	2	7	5	5	5	5	—	а	—	3	4	6
4	6	5	4	3	4	4	6	4	5	—	2	7	5	5	5	5	—		—	3	4	6

К настоящему времени исследован состав 31 стеклянного изделия из античных слоев городов Пантикапея и Гермонассы. Сравним полученные результаты между собою:

Составы стекол	Пантикапей	Гермонасса
Na — Ca — Mg — Si	—	6
Na — K — Ca — Mg — Si	8	1
Na — Mg — Ca — Si	5	5
Na — K — Mg — Ca — Si	2	4
Всего	15	16

Совершенно очевидны различия в химическом составе стекол, что в свою очередь нужно рассматривать как следствие разного происхождения сосудов. На обоих памятниках приблизительно равное количество изделий, происходящих из юго-восточных районов Средиземноморья (назовем их условно Сирией). В Пантикапее много вещей из египетских мастерских и совсем мало таких вещей в Гермонассе. Напротив, в Гермонассе найдена серия вещей, не имеющих параллелей (по составу) в Пантикапее (см. изделия из натриево-кальциево-кремнеземного стекла).

Следовательно, в Гермонассе есть комплекс изделий, который может отличаться от пантикапейского не только по происхождению, но и по времени.

В. В. Кропоткин

ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ ТАМАТАРХИ-ТМУТАРАКАНИ

Денежное обращение средневековой Таматархи-Тмутаракани — новая тема в науке. До начала систематических раскопок Таманского городища в 1952—1955 гг. нам были известны только случайные находки средневековых монет, которые не позволяли набросать даже гипотетическую картину денежного обращения средневековой Таматархи-Тмутаракани. Нам удалось зарегистрировать только шесть византийских монет и подражаний им среди нумизматического материала, обнаруженного на городище до 1952 г.[1] В 1952 г. была найдена одна монета, в 1953 г.—16, в 1954 г.— 14, в 1955 г.— 1. Таким образом, на Таманском городище (за все годы раскопок) было обнаружено 38 византийских монет, в том числе: золотых — две, серебряных — одна, медных — 21 и 14 подражаний византийским милиарисиям X—XI вв. (см. приложение 1 и табл. 1).

Если выразить полученные нами числа в процентах, то соотношение различных групп монет станет для нас более ясным, а именно: золотые монеты — 5,26%; серебряные монеты — 5,26%; медные монеты — 5,26%; медные херсоно-византийские монеты — 42,1%; медные анонимные византийские монеты X—XII вв. — 7,89%; подражания византийским милиарисиям X—XI вв.— 34,23%.

Если мы распределим византийские монеты из Тмутаракани по векам, то монеты IX в. от общего количества обнаруженных монет составят 13,2%, монеты X в.—39,4%, монеты X—XI вв.—47,4%.

Для правильной оценки византийских монет из Таматархи-Тмутаракани сопоставим наши материалы с материалами из Саркела — Белой Вежи, а также с находками византийских монет на территории Северо-Западного Причерноморья (Краснодарский край) (см. табл. 2, 3).

Как в Тмутаракани, так и в Саркеле находки золотых и серебряных византийских монет встречаются редко. По-видимому, эти монеты не

[1] Эти монеты были изданы нами ранее: см. В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР.— САИ, Е 4—4. М., 1962, стр. 22, 23, 47.

Таблица 1

Византийские монеты из Таманского городища

Столетие	Монеты						Общее количество
	золотые	серебряные	медные			подражания византийским милиарисиям X—XI вв.	
			византийские	херсоно-византийские	анонимные X—XI вв.		
IX	1	—	—	4	—	—	5
X	1	2*	2**	12	3	13	33
XI	—	—	—	—	—	—	—
Всего. .	2	2	2	16	3	13	38

* Милиарисии Иоанна Цимисхия (список, № 9 и 19).

** Одна из монет определена Л. Н. Беловой как монета времени Василия II и Константина VIII (976—1025) или Михаила VII (1071—1078).

имели существенного значения во внутреннем денежном обращении, обслуживая международную торговлю. Отмечу, что клады и единичные находки куфических монет на территории Нижнего Подонья, Северо-Западного Причерноморья и Крыма также не очень многочисленны. Например, на территории древней Фанагории найдена только одна

Таблица 2

Византийские монеты из Саркела— Белой Вежи

Столетие	Монеты						Общее количество
	золотые	серебряные	медные			подражание византийским милиарисиям	
			византийские	херсоно-византийские	анонимные		
IX	—	—	—	8	—	—	8
X	—	1	3	25	—	1***	30
XI	1*	1	2**	—	4	—	8
XII	—	—	—	—	—	—	—
Неопред.	—	—	—	1	—	—	—
Всего . . .	1	2	5	34	4	1	47

* Электровая монета-иперпер времени Алексея I Комнина (1081—1118).

** Одна из них — вогнутая позолоченная монета XI—XII вв.

*** Серебряная монета.

Таблица 3

Византийские монеты с территории Краснодарского края

Столетие	Монеты						Общее количество
	золотые	серебряные	медные			подражания византийским милиарисиям	
			византийские	херсоно-византийские	анонимные		
VI	2	1	—	—	—	—	3
VII	8	2	2	—	—	—	12
VIII	8	—	—	—	—	—	8
IX	1	—	—	4	—	—	5
X	51	3	—	13	7	21	95
XI	—	1	—	—	—	—	1
XII	1	1	1	—	—	—	3
XIII	—	—	—	—	—	—	—
XIV	—	1	—	—	—	—	1
Всего . .	71	9	3	17	7	21	128

куфическая монета[2], в Таматархе-Тмутаракани находки дирхемов не зарегистрированы, на средневековом поселении у с. Планерского в Восточном Крыму найден дирхем Харун ал-Рашида конца VIII в.[3] и абассидский анонимный динар 138 г. х.= 755/56 г. н. э. (времени правления халифа ал-Мансура)[4].

Таблица 4

Результаты подсчета в процентах

Название памятника	Монеты					
	золотые	серебряные	медные			
			византийские	херсоно-византийские	анонимные	подражания византийским милиарисиям
Тмутаракань	5,26	5,26	5,26	42,1	7,89	34,23
Саркел—Белая Вежа . .	2,13	4,25	10,64	72,34	8,51	2,13
Краснодарский край . .	55,47	7,03	2,34	13,28	5,47	16,41

[2] А. К. Марков. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910, стр. 14, № 79; ДАК, 1870, № 115.

[3] Губернаторы Тогди, Халаф, место чеканки сбито, 17х г. х.= 790-е годы н. э. Определение С. А. Яниной.

[4] Определение С. А. Яниной. Монета издана: В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962, стр. 34, № 213; табл. 17, *8*.

Частые находки херсоно-византийских медных монет IX—XI вв. в культурном слое Таманского городища и в Саркеле являются веским доказательством существования интенсивных торговых связей Херсона с Тмутараканью и Саркелом.

Картографирование кладов и единичных находок херсоно-византийских монет IX—XI вв. указывает на то, что создание херсонской фемы при императоре Феофиле (829—842 гг.) и экономический расцвет Херсона в IX—X вв. способствовали росту торговых связей этого города с другими городами Северного Причерноморья и Киевской Русью.

Анонимные византийские монеты X—XI вв. в Тмутаракани и Саркеле встречаются сравнительно редко. По-видимому, в конце X в. началась чеканка подражаний византийским милиарисиям Василия II и Константина VIII (976—1025 гг.). На территории Таманского полуострова найден 21 экз. подражаний византийским милиарисиям (Тмутаракань, Фанагория, станица Ахтанизовская). Одна подобная монета с отверстием для подвешивания найдена в могильнике Саркела — Белой Вежи. Наконец, медная монета — подражание милиарисию Василия II и Константина VIII — обнаружена в составе известного Переяславского клада, который был зарыт в землю в начале XI в.[5] Младшая куфическая монета в составе этого клада относится к 1008/9 г. н. э. Следовательно, начало чеканки подражаний византийским милиарисиям этого типа можно с уверенностью отнести к концу X — началу XI в.[6]

Концентрация находок подражаний милиарисию Василия II и Константина VIII на Таманском полуострове позволяет высказать предположение о том, что место чеканки этих монет находилось в этом же географическом районе, скорее всего в Тмутаракани, где в середине X в. появился русский князь и возникло Тмутараканское княжество.

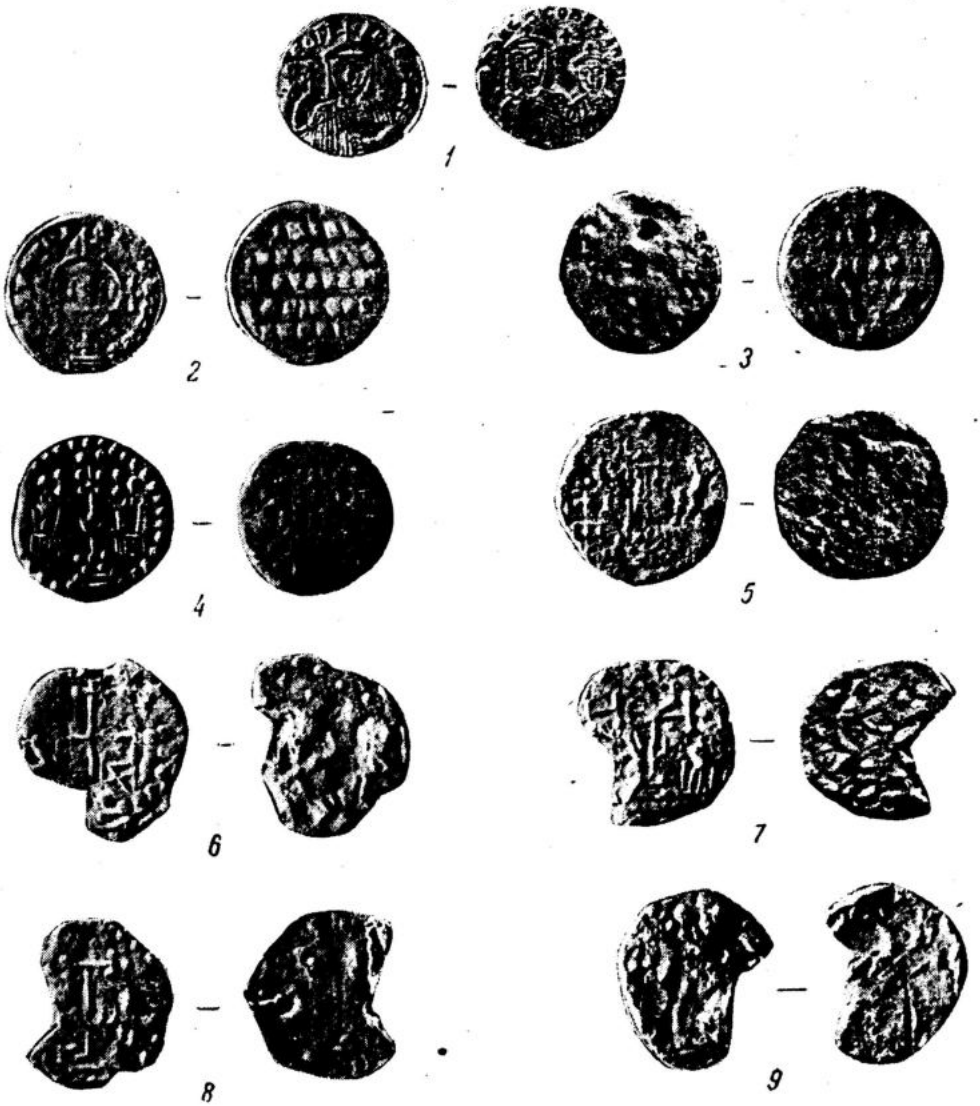
По-видимому, сокращение притока иноземных серебряных монет в конце X в. вынудило местных правителей начать чеканку серебряных монет, прототипом которых явился византийский милиарисий Василия II и Константина VIII, что не было, конечно, случайностью. Сравнительная редкость кладов куфических монет в Крыму и на Северном Кавказе свидетельствует о незначительной роли дирхема в денежном обращении Северного Причерноморья. Но преуменьшать эту роль, как это сделали В. Л. Янин[7] и А. Л. Монгайт[8], также не следует. В. Л. Янин сформулировал свои рассуждения по этому вопросу без достаточных оснований с излишней категоричностью. «На протяжении всего периода восточной

[5] Р. Р. Фасмер. Куфические монеты Переяславского клада.— ИАК, вып. 51, 1914, стр. 17—66; А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924, стр. 15, № 20.

[6] Стратиграфия находок подражаний византийскому милиарисию на Таманском городище из-за перекопанности верхних слоев, к сожалению, не дает никаких данных для установления времени начала их чеканки и длительности обращения.

[7] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 104, 105.

[8] А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 90.



Византийские монеты (*1—9*)

№ п/п	Определение монеты	Дата чеканки	Металл	Вес, г	Диаметр, мм	Соотношение осей
1	Василий I	867—886 гг.	медь	3,68	17	—
2	Василий I и Константин	869—870 гг.	»	5,13	20—23	—
3	Роман II	959—963 гг.	»	2,74	17	—
4	Роман II	959—963 гг.	»	2,91	18	—
5	Василий II и Константин VIII	976—1025 гг.	»	2,69	18	—
6	Анонимная	X—XI вв.	»	8,06	27—28,5	↙
7	Анонимная	X—XI вв.	»	6,76	24—26	—
8	Анонимная	X—XI вв.	»	9,91	27,5—30,5	↓
9	Иоанн Цимисхий, милиарисий	969—976 гг.	сер.	1,38	20	—
10	Подражание милиарисию Василия II и Константина VIII	X—XI вв.	медь	1,18	19	—
11	Подражание милиарисию того же типа	X—XI вв.	»	1,32	23	—
12	То же	X—XI вв.	»	1,15	21	—
13	» »	X—XI вв.	»	0,65	21	—
14	» »	X—XI вв.	»	1,29	22	—
15	» »	X—XI вв.	»	1,14	22	—
16	Подражание милиарисию того же типа	X—XI вв.	»	1,31	17	—
17	То же	X—XI вв.	»	0,90	22	—
18	Феофил	829—842 гг.	зол.	4,2	19	—
19	Иоанн Цимисхий	969—976 гг.	сер.	2,08	20	—
20	Василий I	867—886 гг.	медь	3,37	17—17,5	—
21	Василий I	867—886 гг.	»	4,45	17	—

Таблица 5

Таманском городище 1952—1955 гг.

Сохранность	Раскоп	Штык или глубина	№ по полевой описи	Тип монеты	Примечания
плохая	1952 г., IX-Б	4	221	Орешников, табл. IX, *20*	Херсоно-византийская монета
»	1953 г., XII-В	—	223	Орешников, табл. IX, *23*	То же
посредственная	XII-А	6	531	Орешников, табл. X, *52*	» »
плохая	XII-А	6	532	Орешников, табл. X, *51*	» » рис. 1,*14*
»	XXIII, прирезка	1	29	Орешников, табл. X, *60*	» » обломана
»	XII-А	6	530	СВМ, pl. LV, *6*	Пробита в двух местах, рис. 1,*15*
очень плохая	XX-А	4	280	СВМ, pl. LXI, *9* (?)	Оборотная сторона монеты совсем стерта
очень плохая	В обрыве на берегу моря	—	6	СВМ, pl. LVIII, *4*	
очень плохая	XX-А 115—120 см	12	348	ВВ, XVIII, стр. 221, № 2, табл. 1, *2*	С отверстием, сломана на две части, рис. 1,*3*
очень плохая	XVII-Г	12	225	ВВ, XVIII, стр. 224, № 35, табл. 3,*35*	Обломки, рис. 1,*12*
очень плохая	XVIII-А	9	424	ВВ, XVIII, стр. 224, № 43, табл. 4,*43*	Обломки, рис. 1,*6*
плохая	XX-А, 115—120 см	12	349	ВВ, XVIII, стр. 224, № 37, табл. 4,*37*	Обломки, рис. 1,*7*
очень плохая	XVIII-Г	10	526	ВВ, XVIII, стр. 224, № 38, табл. 4,*38*	Обломок, рис. 1,*9*
плохая	XVIII-ВГ		698	ВВ, XVIII, стр. 223, № 30, табл. 3,*30*	Покрыта окислами, рис. 1,*5*
очень плохая	XIV-А	10	703	ВВ, XVIII, стр. 224, № 39, табл. 4,*39*	С отверстием, рис. 1, *10*
очень плохая	XVIII-АБ	12	726	ВВ, XVIII, стр. 225, № 50, табл. 4,*50*	Обрезана по краям с трещиной, подмята, рис. 1,*13*
очень плохая	XVII-Б	5	187	ВВ, XVIII, стр. 225, № 44, табл. 4,*44*	Обломок
очень хорошая	1954 г., XXVIII	135—167 см	—	СВМ, XLVIII, 16; Толстой, табл. 71,*32*	Солид, рис. 1,*1*
посредственная	XII-Г (Е-12)	190 см	60	СВМ, LIV, 13; ВВ, XVIII, стр. 221, № 1, табл. *1*	Милиарисий, рис. 1,*2*
то же	XXV-Б	15 см	6	Орешников, IX, *20*	Херсоно-византийская
плохая	XXIII-Б	5 (гл. 126 см)	123	» IX, *20*	То же

№ п/п	Определение монеты	Дата чеканки	Металл	Вес, г	Диаметр, мм	Соотношение осей
22	Константин VII	944—959 гг.	медь	2,5	17,5	—
23	Роман II	959—963 гг.	»	1,35	18	—
24	Роман II	959—963 гг.	»	3,73	19	—
25	Роман II	959—963 гг.	»	2,68	18	—
26	Роман II	959—963 гг.	»	2,3	19	—
27	Роман II	959—963 гг.	»	2,5	17	—
28	Роман II	959—963 гг.	»	1,66	17—18	—
29	Василий II и Константин VIII . . .	976—1025 гг.	»	2,57	17	—
30	Василий II и Константин VIII . . .	976—1025 гг.	»	3,26	17,5	—
31	Подражание милиарисию Василия II и Константина VIII	X—XI вв.	»	1,18	21	—
32	Подражание милиарисию Василия II и Константина VIII	X—XI вв.	сер.?	1,03	21	—

торговли с конца VIII в. до начала XI в.,— писал В. Л. Янин, — единственными воротами, через которые шла торговля Руси с Востоком, фактически был Булгар»[9]. Выводы В. Л. Янина без критического разбора источников повторил А. Л. Монгайт.

Крупнейший знаток восточной нумизматики Р. Р. Фасмер еще в 1931 г. отмечал, что на Средней Волге известен только один клад начала IX в. (Элмед, близ Билярска). Р. Р. Фасмер заметил также, что в известном Салтовском могильнике найдены почти только ранние куфические монеты[10].

---

[9] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 105.

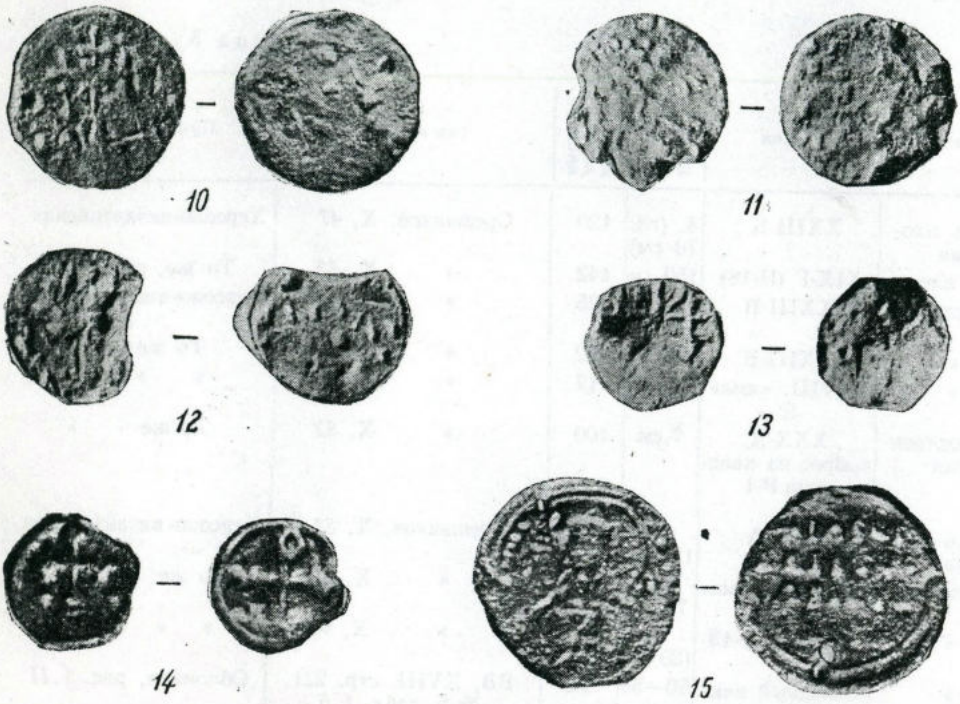
[10] Р. Р. Фасмер. Завалишинский клад куфических монет VIII—IX вв.— Изв. ГАИМК, т. VII, вып. 2, Л., 1931, стр. 12.

Таблица 5 (окончание)

Сохранность	Раскоп	Штык или глубина	№ по полевой описи	Тип монеты	Примечания
очень плохая	XXIII-Б	4, (гл. 70 см)	120	Орешников, X, *47*	Херсоно-византийская
очень плохая	XIX-Г (И-18)	150 см	142	» X, *52*	То же, обломана
плохая	XXIII-В	4 (80 см)	125	» X, *52*	Херсоно-византийская
»	XXIII-Е	80 см	22	» X, *52*	То же
»	XXVIII, «яма» Е	73 см	17	» X, *52*	» » обломана
посредственная	XXX-А, выброс из квадрата Р-1	4 см	100	» X, *52*	То же »
очень плохая	XXX-А	гл. 123 см	197	Орешников, X, *52*	Херсоно-византийская
плохая	XXVIII, «яма» Е	гл. 73 см	17а	» X, *60*	То же
»	XXVIII, Г-13	1 (20 см)	19	» X, *60*	» »
»	Западный некрополь, V 1955 г.	50—58 см	14	ВВ, XVIII, стр. 221, № 5, табл. 1,*5*	Обломана, рис. 1,*11*
хорошая	XXIV, могила 13, западный некрополь		977	ВВ, XVIII, стр. 221, № 6, табл. 1,*6*	Ранняя стадия варварского подражания византийскому милиарисию, найдена вместе с круглой сердоликовой бусиной, рис, 1,*4*

Новые находки отдельных монет и кладов IX—X вв. на Северном Кавказе, на Дону, Северском Донце и Сейме, как мы полагаем, опровергают преждевременные выводы В. Л. Янина и А. Л. Монгайта. Не касаясь специально этого важного вопроса, которому мы собираемся посвятить отдельную статью, кратко перечислим эти находки [11].

[11] 1. Клад куфических монет из пос. Петровское Ставропольского края, найден в 1956 г., определено 34 дирхема, позднейшая монета 804—805 гг. Определение С. А. Яниной. 2. Клад куфических монет из Саркела (станица Цимлянская Ростовской обл.). Дирхемы (целые и обломки) чеканены в Средней Азии между 914—947 гг. Определение М. М. Дьяконова. 3. Клад куфических монет с Правобережного Цимлянского городища — 49 дирхемов (целые и половинки), позднейшая монета чеканена во время правления халифа Амина (809—813 гг.). В составе клада находились омайядские и аббасидские дирхемы. Определение А. А. Быкова. 4. Клад куфических монет с городища Титчиха Давыдовского района Воронежской обл. Клад найден в жилище, состоит



Византийские монеты (*10—15*)

Тесные политические и экономические связи Таврики и Кавказа с Византией подтверждаются как археологическими материалами, так и письменными источниками.

Отсутствие запасов серебра заставило тмутараканских правителей очень скоро отказаться от чеканки серебряных монет. По-видимому, монеты сначала чеканились из биллона, а затем из меди. Большинство подражаний византийскому милиарисию являются медными монетами; некоторые из них просверлены, т. е. употреблялись уже как подвески. Подражания милиарисию Василия II и Константина VIII по весу значительно отличаются от своего прототипа. Наибольший вес таманских

из 22 дирхемов, позднейший датируется 922—923 гг. н. э. Определение С. А. Яниной. 5. Клад куфических монет и вещей с Новотроицкого городища Лебединского района Сумской обл. В составе клада найдено 10 дирхемов, позднейший датируется 818—819 гг. н. э. Определение А. А. Быкова. 6. Слобода Урыв Коротоякского уезда Воронежской губ., близ слободы найден дирхем халифа Махди, чеканенный в Ифрикии в 166 г. х.= 782/3 гг. Пробит. В 2,5. Д 25. Сохранность средняя. Определение Р. Р. Фасмера. Дирхем поступил в Воронежский краеведческий музей. Архив ЛОИА АН СССР, 1928,

подражаний — 1,38 г, наименьший — 1,03 [12]. Византийские милиарисии Василия II и Константина VIII весят обычно около 2,5—3,0 г [13]. Быстрая деградация подражаний византийскому милиарисию, уменьшение веса монет, превращение греческих букв легенды в орнаментальные знаки (квадратики, прямоугольники и кружочки) позволяют рассматривать эту кратковременную чеканку как неудачную попытку тмутараканских князей найти выход из денежных затруднений в условиях так называемого кризиса серебра, захватившего арабский Восток и Византийскую империю. Исчезновение греческих легенд на монетах свидетельствует о том, что резчики штемпелей не понимали греческого алфавита, не знали грамоты.

Если terminus post quem чеканки варварских подражаний дает клад у с. Денисы Переяслав-Хмельницкого района Киевской обл. [14], то terminus ante quem установить очень трудно. Время обращения этих подражаний также не поддается определению. Наиболее поздняя датированная находка — клад джучидских монет 1317—1393 гг. из с. Воскресенки Ново-Николаевского района Запорожской обл., который был зарыт в землю в конце XIV в. [15] Этот интересный клад состоит из золотоордынских монет северокавказской чеканки, что хорошо согласуется с предположением о таманском происхождении подражаний византийскому милиарисию X—XI вв.

№ 29, л. 98. 7. Клад подражаний куфическим монетам, найден в с. Безлюдовка Харьковской области в 1930 г. Монеты были зарыты в горшке у подошвы холма, но рассыпались, в результате раскопок добыто около 1100 экз. Определение Р. Р. Фасмера. 8. На Донецком городище (на окраине г. Харькова) найден дирхем, чеканенный наместником Табаристана Омаром в 129 г. табаристанской эры (=780 г. н. э.). Определение С. А. Яниной.— СА, 1963, № 2, стр. 75.

[12] К. В. Голенко. Новые материалы к изучению таманских подражаний византийским монетам.— ВВ, XVIII, 1961, стр. 220 и сл. Среди случайных находок колебания в весе в пределах 0,63—1,89 г.

[13] И. В. Соколова. Византийские монеты из клада Велла. Труды Гос. Эрмитажа, т. IV, нумизматика, вып. 2, Л., 1961, стр. 11 и сл.; Ph. Grierson. Coinage and money in the Byzantine empire. Spoleto, 1961, стр. 428, п. 48: 85 монет хорошей сохранности периода от Василия I до Василия II дали средний вес 2,72 г. Ф. Гриерсон допускает теоретический вес равным 3,03 г.

[14] В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 32, № 163.

[15] Там же, стр. 31, № 152.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Арм. ФАН — Армянский филиал Академии наук СССР
ВВ — Византийский временник
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДАК — Дело археологической комиссии
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАДК — История и археология древнего Крыма
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
AJA — American Journal of Archeology
CBM — Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum

СОДЕРЖАНИЕ

Б. А. Рыбаков. Предисловие 3

С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища 5

Т. И. Макарова. Поливная керамика Таманского городища 73

Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани 102

Н. П. Сорокина. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища 134

В. В. Кропоткин. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани . . . 175

Список сокращений 186